

ISSN: 2542-212X

Кавказология

Caucasology

II

2018

Кавказология

Caucasology

№ 2 / 2018

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2

<i>Свидетельство о регистрации</i>	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
<i>Периодичность</i>	4 раза в год
<i>Учредитель/Издатель</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
Е-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, президент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, ректор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Director, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Rector, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, President, Kabardinj-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Rector, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Director, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Башиева С.К. (заместитель главного редактора),
Мусукаева А.Х. (заместитель главного редактора),
Аликаев Р.С. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Баразбиев М.И., Бозиева Н.Б., Борова А.Р.,
Геляева А.И., Гукепшочков М.Х., Дзамихов К.Ф.,
Кажаров А.Г., Камбачоков А.М., Каранашев А.Х.,
Карданов М.Л., Кетенчиев М.Б., Кимов Р.С.,
Кочесоков Р.Х., Кузьминов П.А., Кучукова З.А.,
Мамсиров Х.Б., Марченко Ю.В., Муратова Е.Г.,
Сабанчиев Х.-М.А., Тамазов М.С., Текуева М.А.,
Тенов Т.З., Тимижев Х.Т., Тхагапсоев Х.Г., Шидов А.Х.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Bashieva S.K. (Deputy Editor-in-Chief),
Musukaeva A.Kh. (Deputy Editor-in-Chief),
Alikaev R.S. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Barazbiev M.I., Bozieva N.B., Borova A.R., Gelyaeva A.I.,
Gukepshokov M.Kh., Dzamikhov K.F., Kazharov A.G.,
Kambachokov A.M., Karanashev A.Kh., Kardanov M.L.,
Ketenchiev M.B., Kimov R.S., Kochesokov R.Kh.,
Kuzminov P.A., Kuchukova Z.A., Mamsirov Kh.B.,
Marchenko Yu.V., Muratova E.G., Sabanchiev H.-M.A.,
Tamazov M.S., Tekueva M.A., Tenov T.Z.,
Timizhev Kh.T., Thagapsoev Kh.G., Shidov A.X.

СОДЕРЖАНИЕ***ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ*****Кочесоков Р.Х.**Постисторический фактор в современной исторической науке **12-29*****ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА*****Молев Е.А.**Синдика и Боспор **30-40****Кадиева А.А., Демиденко С.В., Шаов А.Р.**Средневековое детское погребение со стрелами из могильника Заюково-3 **41-50****Муратова Е.Г.**Основные направления научно-исследовательской деятельности Михаила Александровича Полиевктова в «тифлисский период» его жизни **51-65****Камбачокова М.Ю.**Традиционное и современное состояние института семьи у абазин **66-81*****ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА*****Тимижев Х.Т.**О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа **82-93****Хавжокова Л.Б.**Мотивный анализ поэзии Х. Кунижевой **94-100*****ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА*****Хамдохова Ж.М.**Уровень жизни как фактор социальной стратификации: на материалах по Кабардино-Балкарской Республике **101-119**

ПАМЯТИ ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА ЧЕРНОУСА**Черноус В.В.**Адыгский мир в исторической судьбе и современной России **120-124****Кузьминов П.А.**Творческий путь Виктора Владимировича Черноуса
(17.10.1949 – 08.02.2018) **125-136****ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ****Кильсеев Е.И.**В горах Чечни (отряд Н.Ф. Гикало 1919-1920 гг.) **137-145****Коков Дж.Н., Кокова Л.Дж.**Заметки о кабардинской фамилии Атужукин **146-151**

Наши авторы**152-153**

CONTENTS***GENERAL PROBLEMS*****Kochesokov R.Kh.**Post-Historical Factor in Contemporary Historical Science **12-29*****HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY OF THE CAUCASUS*****Molev E.A.**Sindika and Bosporus **30-40****Kadieva A.A., Demidenko S.V., Shaov A.R.**Medieval Child Burial with the Arrows from the Zayukovo-3 Burial Ground **41-50****Muratova E.G.**Main Fields of Mikhail Aleksandrovich Poliyevkov's Research Works in the «Tiflis Period» of His Life **51-65****Kambachokova M.Yu.**Traditional and Modern State of the Family Institution Among Abazins **66-81*****FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS*****Timizhev Kh.T.**To the Questions of the Art-Aesthetic Level of the Modern Kabardin Novel **82-93****Havzhokova L.B.**Motive Analysis of H. Kunizheva's Poetry **94-100*****PROBLEMS OF CONTEMPORARY SOCIETY*****Khamdokhova Zh.M.**Standard of Living as the Basis of Social Stratification: by the Case of Kabardin-Balkar Republic **101-119**

IN MEMORY OF VICTOR VLADIMIROVICH CHERNOUS**Chernous V.V.**Adyghe (Circassian) World in Historical Destiny and Modern Russia **120-124****Kuz'minov P.A.**Creative way of Viktor Vladimirovich Chernous (17.10.1949 – 08.02.2018) **125-136*****ESSAYS, NOTES*****Kil'seev E.I.**In the Mountains of Chechnya (N.F. Ghikalo's Squad in 1919-1920) **137-145****Kokov D.N., Kokova L.D.**Notes on the Kabardian Surname Atazhukin **146-151**

Our authors**152-153**

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 1:3

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-12-29

**ПОСТИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТОР
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ****Р.Х. КОЧЕСОКОВ**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: robertkochesokov@yandex.ru*

Аннотация. В статье подчеркивается, что, несмотря на практически единодушное неприятие всеми профессиональными историками парадигмы постистории, она имплицитно присутствует в большинстве исследований в области исторической науки и оказывает на них существенное влияние. Во-первых, имплицитный отказ историков проецировать свои исследования в будущее фактически соответствует установкам концепции конца истории. Во-вторых, выход на первый план микро-истории и фактический отказ от макро-истории служит подтверждением постмодернистского положения о фрагментации исторической реальности. Проникновение постисторических установок в историческую науку объясняется рядом причин. Прежде всего, в силу несколько прямолинейного противопоставления научного познания другим видам познавательной деятельности, что имело место в прошлом. «Реабилитация» других видов познавательной деятельности и накопление трудноразрешимых проблем в рамках самой исторической науки зачастую приводят к ложному выводу об отказе истории в статусе науки. Некоторые историки видят выход в признании истории как особого вида познавательной деятельности. Кроме того, в процессе развития науки исследования в отдельных областях науки неизбежно фрагментируются, что приводит к их отрыву от парадигмальных оснований науки. В результате постепенно ослабляется сознание значимости парадигмальных оснований в научном исследовании, необходимости их развития или же создания новых. В статье подчеркивается, что историки, с одной стороны, не отказываются от господствующей парадигмы, но, с другой стороны, не уделяют должного внимания ее развитию. Автор доказывает, что развитию исторической науки отвечает совершенствование линейной парадигмы истории на основе достижений современной исторической науки.

Ключевые слова: постистория; конец истории; философия истории; исторический процесс; постмодернизм; историческая наука.

**POST-HISTORICAL FACTOR
IN CONTEMPORARY HISTORICAL SCIENCE****R.Kh. KOCHESOKOV**

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: robertkochesokov@yandex.ru*

Abstract. The article emphasizes that, despite the almost unanimous rejection by the professional historians of the post-history paradigm, it implicitly appears in most of the studies in the field of historical science and has a significant impact on them. First, the implicit refusal of historians to project their research into the future corresponds to the theory of the end of history. Secondly, coming of micro-history to the forefront and the actual rejection of the macro-history serves as confirmation of the postmodernist proposition of fragmentation of historical reality. The penetration of post-historical attitudes into historical science is due to a number of reasons. First of all, it is a result of the straightforward opposition of scientific knowledge to other types of cognitive activity, as it was the case in the past. «Rehabilitation» of other types of cognitive activity and the accumulation of difficult problems within the framework of historical science itself often lead to a false conclusion about the rejection of history in the status of science. Some historians see a way out in the recognition of history as a special kind of cognitive activity. In addition, in the development of science, research in certain areas of science is inevitably fragmented, which leads to their separation from the paradigmatic foundations of science. As a result, the consciousness of the importance of paradigmatic bases of scientific research and the necessity of their development or the creation of new ones is gradually weakened. The article emphasizes that historians, on the one hand, do not reject the dominant paradigm, but, on the other hand, do not pay enough attention to its development. The author proves that it is the improvement of the linear paradigm of history on the basis of the achievements of contemporary historical science that corresponds to the development of the historical science.

Key words: post-history; the end of history; philosophy of history; historical process; postmodernism; historical science.

Введение

В современной научной литературе понятие «постистория» используется в двух основных значениях. В парадигме конца истории оно используется для обозначения конечной стадии исторического развития человечества; здесь оно выступает как синоним понятия «конец истории». В частности, именно так оно понимается в известной концепции Ф. Фукуямы [Фукуяма 1990: 39-54]. В постмодернистской же парадигме понятие «постистория» обозначает особую разновидность «прочтения» исторической реальности; отказ от «истории» как «большого рассказа», метанарратива, интерпретирующего некий единый исторический процесс [Лиотар 1994]. На первый взгляд, эти трактовки исключают друг друга, однако в действительности они зачастую накладываются друг на друга и формируют особое видение исторического процесса.

Восприятие идеи постистории в современном научном сообществе весьма парадоксальное. С одной стороны, практически все профессиональные исследователи безоговорочно отвергают ее, но, с другой стороны, ее проявления в социально-гуманитарных науках заметны невооруженным глазом.

Особо хочется обратить внимание на характер критики парадигм конца истории и постмодернизма. Ей посвящено безбрежное море работ. Но вот что странно. Предельно упрощенно выражаясь, эти парадигмы говорят: вот к чему мы пришли. Критики единодушно отвергают их выводы, но при этом либо не предлагают своей интерпретации того, к чему именно мы пришли, либо

рассуждают на эту тему чрезвычайно невнятно, либо даже косвенно подтверждают правоту оппонентов.

Я не хочу тем самым сказать, что я разделяю постисторическую парадигму. Напротив, я тоже отношусь к ее оппонентам. Однако следует признать, что она играет чрезвычайно полезную роль, фокусируя внимание на самых слабых теоретико-методологических сторонах современной науки. Ученый не может просто так отвергать критику или закрывать глаза на нее. Он должен четко сформулировать и отстаивать свою точку зрения.

Здесь я хотел бы пояснить, почему я, не будучи историком, вторгаюсь в «чужую» территорию. Дело в том, что парадигмы «конца истории» и особенно постмодернизма подвергают сомнению (или даже отрицают) не частности в той или иной науке, в том числе исторической, а парадигмальные основания самой современной науки. А это уже выходит на философию.

В данной статье я преследую следующие цели. Во-первых, показать, что многие положения парадигм конца истории и постмодернизма правомерны. Более того, в ходе своего развития историческая наука во многом пришла к тому состоянию, о котором говорят приверженцы этих парадигм. Во-вторых, попытаться объяснить причины проникновения идей постисторизма в историческую науку. Если мы сможем понять эти причины, тем самым мы найдем и пути выхода из сложившейся ситуации.

Концепт «постистория» в парадигме конца истории

В парадигме конца истории утверждается, что содержанием исторического процесса является поиск оптимальной формы социального устройства. Исторический процесс завершается тогда, когда появляется и становится общепризнанной идеология, выдвигающая оптимальную форму социального устройства. Борьба идеологий последних столетий завершилась, так как такая идеология появилась, и у нее нет реальных альтернатив. Поэтому, констатирует Ф. Фукуяма, мы наблюдаем «конец истории как таковой, т.е. конечный пункт идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии как конечной формы управления человеческим обществом» [Фукуяма 1990: 40]. Правда, оговаривается он, «победа либерализма произошла главным образом в сфере идей и еще не завершилась в реальном, материальном мире» [Фукуяма 1994: 40]. Но это не принципиально, так как «в конце истории вовсе не обязательно, чтобы все страны пришли к процветающему либеральному обществу, достаточно того, чтобы они оставили свои идеологические претензии, будто являют собой другие, более высокие формы человеческого общества» [Фукуяма 1994: 49].

Я не ставлю целью рассмотреть все направления влияния парадигмы конца истории на историческую науку, хочу остановиться на некоторых, на мой взгляд, наиболее важных в теоретико-методологическом и мировоззренческом (аксиологическом) измерениях.

(1) Формально концепция «конца истории» не противоречит линейной парадигме философии истории. Более того, все линейные концепции

философии истории (Гегеля, Маркса, Ясперса и др.) непременно подразумевают возможность конца исторического процесса. Однако парадигма конца истории в интерпретации Фукуямы на самом деле подрывает основания линейной философии истории.

В линейной парадигме структура социально-исторического времени выглядит следующим образом: прошлое – настоящее – будущее. Причем точкой отсчета является «настоящее», а идея конца истории (будущее) выполняет *вспомогательные* функции, выступая в качестве некоего ориентира. Идея будущего может играть познавательную роль для изучения прошлого в силу двух обстоятельств. С одной стороны, в науке будущее выступает не как пророчество или интуитивное прозрение, а как рациональная конструкция, научная гипотеза. С другой, представление о нем не детализируется – будущее, как правило, описывается в весьма аморфной форме. Это правильно с научной точки зрения, поскольку будущее представляет собой некоторый предполагаемый результат, который исследователь хочет получить, связав прошлое и настоящее. Поскольку ученый может *научно* исследовать только прошлое и настоящее и поскольку наши знания о прошлом и настоящем постоянно пополняются, уточняются, корректируются, постольку подробно расписанное будущее также пришлось бы постоянно переписывать. Но рациональный и вместе с тем аморфный концепт будущего превращает «прошлое» в «историю», является необходимым элементом процедур оценки истинности исторического исследования.

В парадигме «конца истории» трехчленная структура социально-исторического времени разрушается. Если «будущее» исчезает, так как оно стало «настоящим», то структура времени сокращается до «двухчленки»: прошлое – настоящее. Точкой отсчета вроде бы остается «настоящее», однако «настоящее», не проецируемое в «будущее», перестает быть «настоящим», по сути совпадает с будущим. И это порождает ряд серьезных методологических вопросов.

Во-первых, если уже нет будущего, то настоящее лишается одного из своих логических критериев истинности. Цепь времени «прошлое–настоящее», состоящая только из двух звеньев, создает иллюзию очевидности и однозначности их связи. Говоря языком математики, прямую линию можно провести между *любыми двумя* произвольно избранными точками. А вот провести ее между *тремя* точками – это задача, требующая решения, то есть исследования и теоретического обоснования.

Во-вторых, если нет будущего, то как доказать, что прошлое было. Это отнюдь не схоластический вопрос. Ведь прошлое и настоящее должны быть связаны между собой, мы должны суметь доказать, что настоящее произошло от прошлого, и суметь раскрыть механизм перехода. Более полное и строгое познание прошлого взаимоувязано с более полным и строгим познанием настоящего. Но это не однократный познавательный акт, а процесс, ведущий в будущее. Именно будущее, *по мере его становления*, служит показателем истинности установленных нами взаимосвязей между прошлым и настоящим.

В-третьих, идея конца истории формально вроде бы не противоречит линейной концепции истории. Но на самом деле она создает, выражаясь шахматным языком, методологический цугцванг. Если история есть развитие, то у развития не должно быть завершения, а если она завершилась, то на каком основании мы должны полагать, что раньше было развитие?

(2) В линейной парадигме идея конца истории (будущее) выступала как фактор, объединяющий, сплачивающий все народы (общества). В ней полагалось, что все народы и общества идут в будущее по разным, но сходящимся траекториям. Другими словами, она утверждала, что история творится всеми обществами (народами) сообща.

Зато в современной парадигме «конца истории» эта идея начинает играть деструктивную роль, выступая как фактор *разделения*, а не *объединения*. Дело в том, что эта парадигма делит общества (народы) на исторические и постисторические. Постисторическими являются общества (народы), в которых исторический процесс завершился. Иными словами, они нашли оптимальную форму социального устройства. Историческими являются общества (народы), в которых поиск еще не завершился, однако, в конечном итоге, им все же придется признать форму социального устройства, утвердившуюся в постисторических обществах. В этой парадигме имплицитно присутствует иерархизация обществ (народов). Следует подчеркнуть, что ее приверженцы прямо об этом не говорят, однако такие выводы логически вытекают из их рассуждений.

Здесь уместно обратить внимание на важный момент. В любой концепции линейной парадигмы иерархизация обществ (народов) непременно присутствует, однако это обстоятельство негативно не влияет на общественное сознание. Дело в том, что общества в этой парадигме равны в том отношении, что они в той или иной степени несовершенные. Им всем предстоит пройти еще очень большую историческую дистанцию. То что сейчас некоторые общества (народы) несколько вырвались вперед, а другие отстали, никого не принижает, так как до финиша очень далеко, и еще неизвестно, кто первым до него доберется.

В современной парадигме «конца истории» победители уже известны, и они с гордым видом смотрят на «побежденных», а иногда даже искренне готовы им помочь быстрее добраться до финиша. Такая ситуация не может не влиять на общественное сознание, в том числе и на историков. Нетрудно догадаться, что историки «исторических» обществ будут стремиться показать, что их общества отнюдь не такие уж и «ущербные». Конечно, профессиональные историки не будут прямо подчинять свою работу идеологическим и политико-пропагандистским целям, однако это обстоятельство неизбежно будет влиять (и влияет) на характер исследовательских задач, которые они ставят перед собой.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Идея «конца истории» в ее современной форме, во-первых, в принципе ставит под сомнение обоснованность линейной парадигмы истории как таковой, и, во-вторых,

оказывает существенное влияние на характер исследовательских задач, которые ставят перед собой историки.

Постистория в постмодернистской парадигме

В постмодернистской парадигме утверждается, что линейная концепция истории как универсального, направленного, прогрессивного движения человечества во времени суть продукт эпохи Модерна, и поскольку обстоятельства, породившие ее, ушли, постольку и она также закономерно уходит. Ж. Бодрийяр говорит: «Существовали общества, которые обходились без социального, как они обходились и без истории» [Бодрийяр 2000]. Он вопрошает: «В конце ли мы истории, вне истории или все еще в бесконечной истории?» [Бодрийяр 1998]. И отвечает вполне определенно: «Скажу еще раз, больше нет «конца истории», но лишь неспособность закончить историю. Мы потеряли историю вместе с ее концом. Достичь конца – самое дорогое, что может быть» [Бодрийяр 1998]. Мы не просто «преодолеваем» историю как изжившую себя форму сознания социального времени, мы начинаем вообще сомневаться в состоятельности любых форм сознания социального времени: «Фактически, каждый должен задаться вопросом, была ли вообще современность. Была ли когда-нибудь такая вещь как прогресс, как наступление свободы?» [Бодрийяр 1998].

Суть постмодернистского понимания постистории очень хорошо раскрывается в двух метафорах – «ризомы» и «листья без дерева». Рассмотрим их по порядку.

Чтобы показать разницу между прежним и постмодернистским видениями мира, Ж. Делез и Ф. Гваттари используют метафоры дерева (корня) и ризомы (первая глава второго тома их совместной работы «Капитализм и шизофрения» носит название «Ризома»). В преамбуле второго тома авторы подчеркивают: «Этот том составлен не из глав, а из "плато". (...) Эти плато могут быть в некоторой степени прочитаны независимо друг от друга, кроме "Заключения", которое должно быть прочитано в самом конце» [Делез, Гваттари 2010: 6]. Далее в главе «Ризома» они разъясняют: «Плато всегда посередине, ни в начале, ни в конце. Ризома состоит из плато. (...) Мы называем "плато" любую множественность, соединимую с другими [множественностями] поверхностными и подземными стеблями таким образом, чтобы образовывать и расширять ризому. Мы пишем эту книгу как ризому. Мы составили ее из плато. (...) Каждое плато может быть прочитано в любом месте и поставлено в соответствие любому другому [месту]» [Делез, Гваттари: 6-45]. По сути, в этих словах излагается сущность предлагаемого ими мировидения, методологии.

Авторы выделяют ряд принципиальных характеристик ризомы [Делез, Гваттари: 6-45]. Во-первых, дерево растет из «основного» корня, которого поддерживают «второстепенные» корни. Ризома же (фр. *rhizome* – корневище) – это, по определению авторов, «система-корешок» или «мочковатый корень», у которого «основной» корень по различным причинам не получил должного

роста, и его место занимает множество второстепенных корней, разрастающихся в полную силу. Во-вторых, дерево имеет упорядоченную и иерархическую структуру: корень, ствол, ветки, листва. Без корня не может быть ствола, а без ствола – веток и т.п. Причем эта структура не может кардинально измениться, например, корень не может стать веткой, а ветка – корнем. А ризома является нецентрированной и неиерархизированной системой без организующего центра. В ней, говорят Делёз и Гваттари, любая точка может и должна быть присоединена к любой другой ее точке. Следовательно, у нее нет устоявшейся структуры, она предстает как бесконечная смена на некоторое время сложившихся структур. В-третьих, дерево имеет направление роста, которое предсказуемо и не может кардинально измениться. Ризома не имеет ни начала, ни конца, но всегда есть точка, из которой она может расти далее. Иными словами, она может расти в любом направлении. Таким образом, дерево – образ централизованной системы, а ризома – децентрализованной (ацентрической) системы. «Хаосмос-корешок», по выражению авторов, приходит на смену «космосу-корню».

Из сказанного нетрудно вывести особенности постмодернистской философии истории. Мысль, говорят Делёз и Гваттари, не имеет формы дерева, она тоже должна разворачиваться по принципу ризомы. Во-первых, у истории нет ни начала, ни середины, ни конца. С любой точки (события) историю можно вести в любом направлении. Во-вторых, в истории нет «основной» линии, на которую можно «нанизывать» «второстепенные» события. В-третьих, любые события можно связывать с любыми другими событиями. Вывод: историю можно писать как угодно, ее можно «читать» как угодно.

Однако постмодернизм в данном случае впадает в противоречие с самим собой. С одной стороны, он утверждает, что: (1) история соответствует модернистскому обществу, постистория – постмодернистскому обществу, и (2) модернистское общество постепенно перерастает в постмодернистское. Но, с другой стороны, он отрицает наличие связи между историей и постисторией.

В этом плане более аргументированным представляется объяснение Ф. Анкерсмита, который различает три исторических типа историописания: эссенциалистский, истористский (модернистский) и постмодернистский [Анкерсмит 2003]. Сравнивая историю с деревом, он говорит: «Эссенциалистская традиция в рамках западного стиля историописания сосредоточила внимание историков на стволе дерева. Конечно, спекулятивные системы определили, если можно так выразиться, природу и форму ствола. Историзм и модернистское сциентистское историописание с их в основном достойным похвалы вниманием к тому, что фактически имело место в прошлом, и с их недостатком восприимчивости к априорным схемам, были расположены на ветках дерева. Однако с этой позиции их внимание оставалось сосредоточенным на стволе. Точно так же, как их спекулятивные предшественники, и истористы, и протагонисты так называемого научного историописания все еще питали надежду и претензии в конечном счете оказаться способными сказать что-либо о самом стволе. Существенны в этом контексте тесные связи между так называемой научной социальной историей и

марксизмом. Было ли оно сформулировано в онтологической, эпистемологической или методологической терминологии, историописание со времен историзма всегда стремилось к реконструкции эссенциалистской линии, пролегающей через прошлое или его части» [Анкерсмит 2003: 335].

Постмодернистское историописание, говорит он, разрывает с этой традицией: «Выбор больше не падает на ствол или на ветви, но на листья дерева. В рамках постмодернистского взгляда на историю, целью больше не является интеграция, синтез исторического и вся тотальность истории, но в центр внимания помещаются именно исторические ответвления» [Анкерсмит 2003: 335]. И далее: «Если мы так или иначе хотим твердо придерживаться эссенциализма, можно сказать, что сущность не расположена ни на ветвях, ни на стволе, но в листьях исторического дерева» [Анкерсмит 2003: 336]. При этом он обращает внимание на следующее обстоятельство: «Для листьев характерно то, что они относительно свободно располагаются на дереве, и, когда наступают осень или зима, они уносятся ветром» [Анкерсмит 2003: 336]. И вывод: «Все, что остается теперь западной историографии, так это собирать опавшие листья и изучать их независимо от их происхождения» [Анкерсмит 2003: 337]. К тому же, добавляет он, мы поняли, что «европейское» дерево есть лишь часть леса.

Ф. Анкерсмит подчеркивает, что «постмодернизм есть радикализация историзма, и поэтому он не является ни весьма странным, ни весьма иррациональным или спорным, как полагает множество ученых. Фрагментация исторического мира; деталь, которая больше не рассматривается как выражение большего целого; номиналистическая тенденция в отношении онтологии репрезентации – все эти постмодернистские взгляды уже представлены до постмодернизма в историзме. Историзм стоит посередине между спекулятивной философией истории и постмодернизмом» [Анкерсмит 2003: 424].

Суть приведенных выше рассуждений и метафор можно резюмировать следующим образом. Во-первых, мы можем воспринимать мир (исторический процесс) лишь фрагментарно. Во-вторых, фрагменты, «осколки» можно соединять между собой каким угодно образом. В-третьих, все временные пласты уравниваются, все эпохи (стадии) рассматриваются как равноценные и равнозначимые. В-четвертых, поскольку движения (развития) нет, то история предстает как механическая сумма различных эпох (стадий). Такой подход освобождает от необходимости объяснять, почему произошел переход от одной эпохи к другой, чем новая эпоха превосходит предшествующую, и т.п.

Постисторической фактор в современной исторической науке

Теперь посмотрим, можем ли мы считать присутствующими в современной исторической науке охарактеризованные выше взгляды? Если мы будем объективными, мы вынуждены будем дать утвердительный ответ. Покажем это на примерах.

(1) Независимо от того, как мы относимся к основным положениям парадигмы «конца истории», мы вынуждены признать, что многие историки уже давно разорвали линейную структуру времени «прошлое – настоящее – будущее». В западном историописании на эту структуру исторического времени ориентировались с эпохи Просвещения до начала прошлого столетия. Иными словами, до этого времени историки своими трудами старались подтвердить истинность линейной парадигмы. Однако бурные дискуссии об особенностях исторической науки, развернувшиеся на рубеже XIX-XX вв., «Закат Европы» О. Шпенглера и другие работы наглядно показали начало кризиса линейной парадигмы истории и исторической науки в целом.

Здесь необходимо сделать следующую оговорку. Т. Кун прав в том отношении, что на этапе «нормальной» науки подавляющее большинство исследований только *подтверждают* истинность господствующей парадигмы, но не *развивают* ее. Поэтому большинство ученых могут даже и не заметить начало кризиса парадигмы, хотя многие из них в своих работах непреднамеренно начинают подрывать ее [Кун 1977]. К этому следует добавить, что борьба с марксистским историописанием в значительной мере стимулировала следование большинства западных историков линейной парадигме.

Последним бастионом линейной парадигмы было советское марксистское историописание. Однако и его эрозия была видна невооруженным взглядом уже во второй половине прошлого столетия. Нараставший кризис социалистического (коммунистического) строительства разрушал представления о будущем, вследствие чего и здесь, по сути, историки постепенно отходили от линейной структуры времени. В этом плане вполне можно согласиться с М. Бойцовым, который пишет: «Официальный марксизм на десятилетия избавил отечественную историческую науку от той мучительной рефлексии по поводу смысла собственной деятельности и тех дискуссий о природе исторического знания, что сильно смущали покой историков на Западе. (...) Можно сказать еще сильнее: мы стали в конце концов едва ли не единственной страной, в которой к концу XX в. все еще существует историческая наука» [Бойцов 1999]

Как бы мы ни относились сейчас к марксистской парадигме истории, именно она придавала целостный характер всей советской исторической науке. После крушения социализма перед российскими историками встал выбор: либо продолжать следовать марксистской парадигме, либо принять иную совокупность основоположений для своей исследовательской деятельности. Здесь, конечно же, речь не идет о том, что все историки должны разделять одну и ту же парадигму; судьба советского обществознания как раз убеждает, что такое единодушие губительно для науки. Вопрос в другом: почему большинство историков внятно, открыто не говорят о том, на основе какой парадигмы они проводят свои исследования?

Складывается впечатление, что многие историки, вместо того, чтобы пойти вперед, просто вернулись назад. Это отмечено в оценках российских историков, анализирующих кризис отечественной историографии 1990-х годов.

А.И. Филюшкин писал о парадоксальности ситуации в отечественной историографии, когда отказ от марксизма как основополагающей методики, вместо того чтобы вывести русскую историческую мысль на новый виток развития, отбросил ее назад: «Вместо усвоения известных в мировой науке методик исторического познания отечественная наука почему-то прочно утвердилась на позициях позитивизма начала XX в. (чем объясняется, кстати, и необычайная популярность, особенно в образовательной сфере, работ русских историков-классиков (С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова и др.), переизданных в последние годы огромными тиражами)» [Филюшкин 2000: 76]. В данной ситуации он допускал, что исторический постмодернизм может сыграть позитивную роль – роль раздражителя, который просто вынудит историков приступить к внедрению современных гуманитарных методологий и тем самым поможет преодолеть застой российской исторической мысли» [Филюшкин 2000: 76].

А некоторые историки прямо подчеркивают, что историческая наука не должна ориентироваться на будущее. К примеру, М.А. Бойцов, резко критикующий предсказательную функцию исторической науки, пишет: «Геродот из Галикарнаса не собирался на основании "собранных и записанных им сведений" строить догадки о том, как будут в грядущем складываться, скажем, отношения между эллинами и варварами. Отцу истории не могло, наверное, и в голову прийти, что едва ли не главным профессиональным заклинанием грядущих продолжателей его стараний будет формула о том, что история призвана "в конечном счете"... предсказывать будущее» [Бойцов 1999].

(2) Фрагментация действительности, о которой говорит постмодернизм, давно проникла в историческую науку. Историки уже давно отошли от универсальных историй (макро-истории), и перешли к микро-истории. Указывая, что микроистория «с присущей ей зоркостью, но в то же время и узостью профессионального взгляда, не может заполнить все огромное поле исторических исследований», А.П. Медведев считает, что «главная опасность ухода в «микроистории» состоит все же не в том, что раньше у нас называли мелкотемьем. Мы на новейшем российском опыте только что получили горький урок – недостаточное внимание к «макроистории» сразу порождает феномен Фоменко. Именно он и его активные последователи почти заполнили тот домен, который по праву должны держать (но не держат!) профессиональные историки. Это другая сторона явления, имя которому тоже постмодернизм. Этот урок еще раз показал нам, что нельзя изучать только отдельные, пусть и важные части живого тела истории... Кто-то должен пытаться собрать их в единое целое, иначе мы за отдельными деревьями никогда не увидим леса» [Медведев 2007: 49].

Но вряд ли можно в полной мере принять его оптимистичное суждение: «О том, что «Большой нарратив» не умер как жанр историописания, свидетельствуют широкомасштабные проекты многотомных универсальных и национальных историй как в нашей стране, так особенно и за рубежом» [Медведев 2007: 49]. С одной стороны, очень хорошо, что далеко не все историки поддались «моде» и отказались от «классического» историописания.

Но, с другой стороны, автор не говорит, а предлагаются ли в упомянутых проектах новые, более «совершенные» концепции истории или, если хотите, философии истории, метаистории, и в чем они заключаются.

Конечно, наших историков можно понять. Многие проблемы, долгое время находившиеся под идеологическим запретом, стало возможным изучать. В этом смысле определенные смещения акцентов в исследовательских интересах историков оправданны. Но, к сожалению, редко кто из них пытается обобщить новые данные, хотя бы сформулировать некоторые представления о предпочтительных направлениях развития исторической науки [Боров 2005].

(3) Одним из наиболее ярких проявлений взаимного наложения сомнений в линейной парадигме и фрагментации исторического процесса является фокусирование внимания на самобытности. Мы видим, что на общероссийском уровне речь опять пошла о самобытности России, а на региональном уровне появляются идеи самобытной кавказской и даже северо-кавказской цивилизации [Кочесоков 2017: 14; Кочесоков 2018: 27-28].

Здесь необходимо оговорить, что выявление особенностей того или общества (цивилизации) не только не противоречит требованиям научных изысканий, но, можно даже сказать, предусматривается ими. Речь идет о том, почему изучение особенного выходит на первый план. Постмодернизм утверждает, что прежняя философия была философией тождества, т.е. на первом месте находилось общее, универсальное, повторяющееся, а постмодернизм – это философия различия, для которой важнее особенное, отличительное.

Конечно, решить проблему соотношения общего и особенного чрезвычайно трудно. Прежде всего это касается исторической науки, которая всегда имела дело с особенным, индивидуальным, уникальным. Постмодернизм противопоставляет общее и особенное, и сознательно делает выбор в пользу особенного. По сути, историки поступают точно так же, когда выдвигают на первый план особенности того или иного общества. Но разница в том, что постмодернизм открыто отказывается от *научного* подхода, а историки считают, что продолжают писать в рамках науки. Когда особенное рассматривается через призму общего (универсального), мы получаем научное, объективное представление об объекте. Но когда особенное рассматривается в отрыве от общего (универсального), мы теряем критерии оценки, познания самого особенного.

В этом плане правы Р. Ханаху и О. Цветков, которые обращают внимание на то обстоятельство, что возникает «новая региональная мифология», которая во многом родственна провозглашенной постмодернизмом «радикальной плюральности» [Ханаху и Цветков 2008]. По их мнению, «региональный миф является своего рода «постисторией» [Ханаху и Цветков 2008]. При этом они замечают, что между постмодернистским и мифологическим прочтениями истории есть существенные различия. В частности, говорят они, если для постмодернистов важнейшим основанием для введения концепта «постистория» выступает презумпция «конца истории» (Ф. Фукуяма), то для неомифологов таковой выступает сведенность истории к ее одному отрезку –

периоду традиционного общества: «Этот период сакрализуется, а классические спекуляции рационального типа откровенно игнорируются. Иными словами, если постмодернисты в ситуации «постистории» занимаются постоянным «переоткрытием» и «переписыванием времени», разворачивая линейный вектор истории и ломая его, то неомифологии занимаются постоянным переоткрытием и переписыванием другого времени, которое в классической традиции принято называть «традиционным» [Ханаху и Цветков 2008].

(4) Постмодернизм легитимирует обоснованность рассмотрения исторического процесса как некоторого механического набора исторических эпох. Но собственно историческая наука появилась лишь тогда, когда историки начали предпринимать попытки связать различные временные пласты (эпохи), объяснять причина и механизмы перехода от одной эпохи к другой. Такой подход делал историческую науку критической, т.е. пытающейся не просто описать *прошлое*, но и *объяснить* его. Сейчас немало историков отказались от такого подхода, и вновь занялись описанием. А поскольку критический дух из такого рода исследований уходит, постольку они превращаются в ненаучные, а зачастую – в просто апологетические и псевдонаучные.

Таким образом, выводы приверженцев постистории не так уж и далеки от реальности. Теперь рассмотрим, почему же эти положения и подходы подспудно проникли в историческую науку.

Причины проникновения постистории в историческую науку

Конечно, сложившееся обстоятельство порождено множеством факторов, которые невозможно охватить в одной статье. Поэтому я остановлюсь только на некоторых. Выявление этих причин поможет в какой-то мере найти выход из сложившегося тупика.

(1) Одной из важнейших причин, на мой взгляд, является несколько прямолинейное противопоставление научного знания другим разновидностям знания, на что обращали внимание многие философы.

Наиболее последовательно это обстоятельство критиковал П. Фейерабенд. Нельзя не согласиться с ним в том, что «имеется много способов бытия-в-мире, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки, и что все они нужны для того, чтобы сделать нас людьми в полном смысле слова и решить проблемы нашего совместного существования в этом мире» [Фейерабенд 1986: 139]. Не вызывает возражений следующая его мысль: «Если мы действительно хотим понять природу, если мы хотим преобразовать окружающий нас физический мир, мы должны использовать *все* идеи, *все* методы, а не только небольшую избранную их часть» [Фейерабенд 1986: 463]. Это обосновывается тем, что «мир, который мы хотим исследовать, представляет собой в значительной степени неизвестную сущность», и «мы должны держать свои глаза открытыми и не ограничивать себя заранее» [Фейерабенд 1986: 150]. Вместе с тем никак нельзя согласиться с его положением о том, что «у науки нет особого метода», и, следовательно,

«разделение науки и не науки не только искусственно, но и вредно для развития познания» [Фейерабенд 1986: 463].

Противопоставление различных видов познавательной деятельности, действительно, неправомерно. Но из этого вовсе не вытекает, что они ничем не различаются. Можно сказать, что различные виды познавательной деятельности необходимы человеку для решения различного типа проблем. Но считать, что отказ от науки приведет к более глубоким знаниям, явно несостоятельно. Характеризуя подобные воззрения, Х.-Г. Гадамер дал им довольно точную оценку: «Вера в совершенствование разума превращается в веру в совершенство "мифического" сознания и рефлектирует себя в некое райское пра-состояние, предшествующее грехопадению мысли. В действительности положение о таинственной тьме, в которой таится мифическое коллективное сознание, предшествующее всякому мышлению, столь же догматически абстрактно, как и положение о достигшем совершенного состоянии просвещения или об абсолютном знании. Пра-мудрость равняется «пра-глупости» [Гадамер 1988: 326].

Натолкнувшись на многие трудноразрешимые проблемы познания истории некоторые историки, например, Х. Уайт, предлагают не считать историю наукой [Доманска 2010: 38]. А М. Бойцов выражается еще резче: «Тот конкретный, весьма специфический вид исторического знания, который принято называть исторической наукой и который преобладал в Европе в XIX в., уже не переживает кризис — он давно умер, и на чудесное его воскрешение рассчитывать всерьез, увы, вряд ли приходится» [Бойцов 1999]. На мой взгляд, это совершенно неверное положение. Историческая наука не может узурпировать (монополизировать) право на знания о прошлом. Но справедливо и обратное – никто не может лишать историческую науку права на стремление, попытку получить, добыть *особого* вида знания о прошлом.

Историческая наука не только возможна, но она обязательно должна быть. Человек стремится улучшить условия своей жизнедеятельности, своего бытия. Он не хочет ограничиться тем, что есть, и не может плыть по течению. Наука как раз и порождается стремлением понять свое бытие, условия своей жизнедеятельности.

Историки не должны комплексовать по поводу того, что некоторые их выводы и даже теории оказались не совсем верными или даже совсем неверными. Вопрос должен ставиться иначе: а степень истинности других видов познавательной деятельности выше, чем в научном познании? Ответ представляется очевидным или почти очевидным.

(2) Вторая причина, на мой взгляд, состоит в негативных следствиях специализации и дифференциации наук. Все науки на данном историческом этапе опираются на общую парадигму (научную картину мира). В процессе развития науки (т.е. парадигмы) различные научные дисциплины все больше отходят друг от друга. Это закономерно, и суть условие развития науки. Однако если дифференциация трансформируется в противопоставление, тогда кризис науки (парадигмы) неизбежен. Классическим примером, на мой взгляд,

является противопоставление макро-истории и микро-истории в исторической науке.

Как уже говорилось выше, постмодернизм утверждает, что эпоха метанарративов (макро-истории) уходит, наступает эпоха простых рассказов (микро-истории). Многие профессиональные историки, отвергающие постмодернизм, в действительности тоже убеждены, что эпоха макро-истории уже уходит.

Модернистская история обязана своим существованием возникновению *философии истории* в целом, и *линейной философии истории* в частности. Именно линейная философия истории формирует мировоззренческую установку на историю как некий закономерно протекающий процесс. Несмотря на множество методологических недостатков, благодаря такому мировоззрению удалось определенным образом упорядочить исторический процесс, увидеть некоторую направленность в его протекании. Первоначально модернистская историческая наука являлась всего лишь собиранием эмпирических доказательств. Историки, представители этого поколения, прекрасно знали и принимали эти мировоззренческие установки философии истории. Но по мере развития исторической науки историки стали все больше отдаляться от этих установок. Большинство историков традиционно соблюдали эти установки, хотя и не всегда «сознательно». Но накопление эмпирического материала не приводило к необходимой «корректировке» существующей философии истории. Порождаемые накапливаемым эмпирическим материалом философские вопросы историки рассматривали как выходящие за рамки их научной специальности.

Тем не менее, на рубеже XIX-XX вв. развернулись бурные дискуссии относительно особенностей исторического познания, существования законов исторического развития, и т.п. Но и эти дискуссии привели не к развитию, углублению философских оснований исторического познания, а к большему отдалению историков от этих проблем. Поэтому в XX в. большинство историков писали свои труды, не особенно оглядываясь на философские проблемы исторического познания. Исключение составляли разве что историки-марксисты. Но они впали в другую крайность, опираясь на догматизированный марксизм, что также не способствовало развитию философских оснований исторического познания. Логическим завершением этого процесса стало возникновение в исторической науке такого направления, как *микро-история*.

Здесь необходимо пояснить, что именно понимается под микро-историей. Если под микро-историей понимается стремление тщательно и детально изучить определенные, узкие проблемы истории, то она не только правомерна в научном плане, но и, действительно, порождается логическим развитием исторической науки. Ведь углубление исторического знания подразумевает, в том числе, и более тщательную проработку «деталей». В этом смысле микро-история вписывается в макро-историю. Однако если под микро-историей подразумевается стремление «освободиться» от всяких макро-исторических «оков», то она практически ничего не дает для развития исторического знания.

Знание частных, не позволяющее углублять знание об общем, нельзя назвать, по крайней мере, научным.

Так или иначе, между постмодернистским положением о фрагментации мира и сознания и исторической концепцией «микро-истории» никакой принципиальной разницы нет. Разве что в том, что постмодернизм сознательно разрушает исторические мета-нарративы, а концепция микро-истории делает то же самое, думая, что развивает историческое знание.

Никак нельзя согласиться с тем, что эпоха мета-нарративов уходит в прошлое. Здесь можно было бы вкратце ограничиться уже давно сформулированным замечанием, что постмодернизм отрицает мета-нарративы, а сам создает новый мета-нарратив [Strinati 2004: 229]. Однако здесь есть несколько важных методологических проблем, которые никак нельзя обойти.

Прежде всего, сама постановка альтернативы – либо мета-нарратив (мета-рассказ, макро-история), либо нарратив (рассказ, микро-история) – является логически неверной. Выражаясь языком диалектики, можно сказать, что нарратив (микро-история) и мета-нарратив (макро-история) различаются только по количественным параметрам, а не по качественным. Что имеется в виду? Любой нарратив есть претензия на *осмысление* пересказываемого. Никакого «*простого*» повествования не бывает, и не может быть. Как безусловное принимается предпосылка, что нарратив несравненно точнее и истиннее, чем мета-нарратив. Против первого (что нарратив точнее) трудно возразить. Но вот второе (что нарратив истиннее) совершенно неверно. Ведь даже самый маленький нарратив имеет очень сложную структуру, связывает воедино (синтезирует) множество единичных фактов. Почему мы должны быть уверены, что синтез на уровне нарратива осуществляется правильно, а на уровне мета-нарратива – неправильно?

Для иллюстрации приведем пример. Предположим, что историк взялся написать микро-историю на тему «один день из истории деревни N». Историк сразу же сталкивается с множеством теоретико-методологических вопросов. Какие аспекты жизнедеятельности деревни должны быть изучены – экономические, демографические, религиозные, культурные, и т.п.? В каком порядке они должны быть изучены? Следует ли пытаться выявить взаимосвязи между ними? Надо ли ставить вопросы о том, какими они были раньше? Надо изучать социальные институты, или же их функции? Можно поставить бесчисленное множество подобных вопросов. Все они требуют теоретического решения. Следовательно, любому описанию предшествует (или, как минимум, оно сопровождается) создание теоретических схем. То же самое можно сказать относительно выводов. Автор нарратива может сознательно уклоняться от выводов, но они вытекают из его нарратива помимо его (автора) воли. Например, любое повествование о культурных традициях позволяет сделать определенные выводы относительно характера экономических отношений, их эффективности или неэффективности, относительно перспектив развития, и т.п.

Отказ от макро-истории, по сути, означает отказ от парадигмы истории. Вообще-то ничего особенного в этом нет, если прежняя парадигма заменяется на новую. Но когда отказываются от прежней парадигмы, но при этом и не

принимают новую, то это совершенно неприемлемая для науки ситуация. М. Бойцов по этому поводу пишет: «Удивительно, но и весьма показательно, что катаклизм 90-х годов, как-то неадекватно слабо сказался на научном сообществе историков и том, как оно осознает и этот катаклизм, и свою роль в нем, да и вообще содержание собственных профессиональных занятий» [Бойцов 1999].

Отказ от макро-истории есть проявление неверно понятой самостоятельности исторической науки. Следует констатировать, что большинство узких специалистов ревниво относятся к своим научным дисциплинам, постоянно подчеркивая их самостоятельность. Однако все науки (научные дисциплины) могут существовать только в рамках единой целостной науки как системы знаний.

Относительно исторической науки сказанное означает, что многие историки не считают касающимся их науки решение философских проблем исторической науки. Они обижаются, когда слышат, что исторические знания нужны для построения общесоциологических теорий. Ничего оскорбительного для исторической науки в таком тезисе нет. Нет ни первых, ни второстепенных, ни «вспомогательных» наук. Диалектика такова, что в одном случае одна дисциплина выступает как главная, а другие – как вспомогательные, а в другом случае они меняются местами. К примеру, хотя говорят, что историческая наука должна выводить законы истории, на самом деле это функция общей социологии или философии истории. В этом смысле история – вспомогательная дисциплина, а общая социология или философия – ведущие. Но ведь любые социологические теории несостоятельны без опоры на исторические факты. В своей познавательной деятельности историк опирается на конструкции, созданные философами и социологами, в этом случае уже социология и философия выступают как вспомогательные дисциплины.

ЛИТЕРАТУРА

Анкерсмит 2003 – Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.

Бодрийяр 2000 – Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург. 2000 // Электронная библиотека по философии – <http://filosof.historic.ru>. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000324/index.shtml> (дата обращения: 21.02.2018)

Бодрийяр 1998 – Бодрийяр Ж. В тени тысячелетия, или Приостановка года 2000 // Электронная библиотека по философии – <http://filosof.historic.ru>. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000326/index.shtml> (дата обращения: 21.02.2018)

Бойцов 1999 – Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту! // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – С. 17-41. URL: www.hist.msu.ru/Science/DISCUS/herodot.htm (дата обращения: 21.02.2018)

Боров 2005 – Боров А.Х. К обновленной концепции национальной истории: историографические итоги и перспективы // Исторический вестник. – Нальчик: «Эль-Фа», 2005. – Выпуск 1. – С. 3-29.

Гадамер 1988 – Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

- Делез, Гваттари 2010 – Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург – Москва, 2010. – 969 с.
- Доманска 2010 – Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2010. – 400 с.
- Кочесоков 2017 – Кочесоков Р.Х. Об особенностях современной реинтеграции Северного Кавказа в российское социальное пространство // Кавказология. – 2017. – № 2. – С. 12-20. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-12-20>
- Кочесоков 2018 – Кочесоков Р.Х. Постисторический фактор в современных социальных процессах. – Нальчик: Binding2016, 2018. – 131 с.
- Кун 1977 – Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
- Лиотар 1994 – Лиотар Ж.-Ф. Заметка о смыслах «пост» // После времени; французские философы постсовременности // Иностранная литература. – 1994. – № 1. – С. 54-66 // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/s_post.txt (дата обращения: 21.02.2018)
- Медведев 2007 – Медведев А.П. «Постмодернистский вызов истории»: ответ археолога // Вестник ВГУ. Серия: История. Социология. Политология. – 2007. – № 1. – С. 41-51.
- Фейерабенд 1986 – Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 543 с.
- Филюшкин 2000 – Филюшкин А.И. «Постмодернистский вызов» и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос. Философско-культурологический журнал. – 2000. – № 3. – С. 67-78.
- Фукуяма 1990 – Фукуяма Ф. Конец истории? // США: экономика, политика, история. – 1990. – № 5. – С. 39-54.
- Ханаху и Цветков 2008 – Ханаху Р.А., Цветков О.М. Неомифология как предтеча российского постмодернизма // Сайт www.congress2008.dialog21.ru – материалы XXII Всемирного философского конгресса в Сеуле. URL: <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/21710.htm> (дата обращения: 21.02.2018)
- Strinati 2004 – Strinati D. An Introduction to Theories of Popular Culture. – London – New York: Routledge, 2004. – 304 p.

REFERENCES

- ANKERSMIT F.R. *Istoriya i tropologiya: vzlyot I padeniye metafory*. [History and Tropology: the Rise and Fall of Metaphor] – М.: Progress-Traditsiya, 2003. – 496 p. (In Russian)
- BAUDRILLARD J. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [In the Shadow of the Silent Majorities or the End of the Social] – Ekaterinburg, 2000. IN: Electronic library on philosophy – <http://filosof.historic.ru>. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000324/index.shtml> (date of access: 21.02.2018) (In Russian).
- BAUDRILLARD J. *V teni tysyacheletiya, ili Priostanovka goda 2000* [In the Shadow of Millenium, or Suspension of the Year 2000]. IN: Electronic library on philosophy – <http://filosof.historic.ru>. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000326/index.shtml> (date of access: 21.02.2018) (In Russian).
- BOROV A.Kh. *K obnovlennoy kontseptsii natsional'noy istorii: istoriograficheskie itogi I perspektivy* [To the Updated Concept National History: Historiographic Results and Perspectives]. IN: Istoricheskii vestnik. – Nalchic: El-Fa, 2005. – Issue 1. – P. 3-29. (In Russian)
- BOYTSOV M.A. *Vperyod, k Gerodotu*. [Forward to Herodotus]. IN: *Kazus. Individual'noe I unikal'noe v istorii*. – М.: Izd-vo RGGU, 1999. – P. 17-41. URL: www.hist.msu.ru/Science/DISCUS/herodot.htm (date of access: 21.02.2018) (In Russian).
- DELEUZE J., GUATTARI F. *Tysyacha plato. Kapitalizm I shizofreniya* [A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia]. – Ekaterinburg – Moscow, 2010. – 969 p. (In Russian)

DOMANSKA E. *Filosofia istorii posle postmedernizma* [Philosophy of History after Postmodernism]. – Moscow: Kanon+ROOI “Reabilitatsiya”, 2010. – 400 p. (In Russian)

FEUERABEND P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected Works on Methodology of Science]. – Moscow: Progress, 1986. – 543 p. (In Russian)

FILYUSHKIN A.I. “*Postmodernistskii vyzov*” I ego vliyaniye na sovremennuyu teoriyu istoricheskoi nauki [“Post-modernist Challenge” and Its Impact on Contemporary Theory of Historical Science]. IN: Topos. Filosofsko-kul'turologicheskii zhurnal. – 2000. – No. 3. – P. 67-78. (In Russian)

FUKUYAMA F. *Konets istorii?* [The End of History?]. IN: SShA: ekonomika, politika, istoriya. – 1990. – No. 5. – P. 39-54.

GADAMER H.-G. *Istina I metod: osnovy filosofskoi germeneytiki* [Truth and Methods: the Basis of Philosophical Hermeneutics]. – M.: Progress, 1988. – 704 p. (In Russian)

KHANAKHU R.A., TSVETKOV O.M. *Neomifologiya kak predtecha rossiiskogo postmodernizma* [Neomifology as a Forerunner of Russian Postmodernism] // Site www.congress2008.dialog21.ru – materials of the XXII World Philosophical Congress in Seoul. URL: <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/21710.htm> (date of access: 21.02.2018) (In Russian)

KOCHESOKOV R.Kh. *Ob osobennostyah sovremennoy reintegratii Severnogo Kavkaza v rossiyskoe sotsial'noe prostranstvo* [On the features of modern reintegration of Northern Caucasus into the Russian social space]. IN: Kavkazologiya. – 2017. – No. 2. – P. 12-20. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-12-20> (In Russian)

KOCHESOKOV R.Kh. *Postistoricheskii factor v sovremennyh sotsial'nyh protsesah* [Post-historical factor in Contemporary Social Processes]. – Nalchik: Binding2016, 2018. – 131 p.

KUHN Th. *Struktura nauchnyh revolutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. – Moscow: Progress, 1977. – 300 p. (In Russian)

LYOTARD J.-F. *Zametka o smyslah «post»* [History and tropology: the rising and falling] IN: Posle vremeni: frantsuzskie filosofy postsovremennosti [After the time: French philosophers of postmodernity]. IN: Inostrannaya literatura. – 1994. – No. 1. – P. 54-66 // Lib.Ru: Maxim Moshkov's Library. URL: http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/s_post.txt (date of access: 21.02.2018) (In Russian).

MEDVEDEV A.P. «*Postmodernistskii vyzov istorii*»: otvet arheologa [«Post-modernist Challenge to History»: the Answer of Archaeologist]. IN: Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Sotsiologiya. Politologiya. – 2007. – No. 1. – P. 41-51. (In Russian)

STRINATI D. *An Introduction to Theories of Popular Culture*. – London – New York: Routledge, 2004. – 304 p.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

УДК 902.03

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-30-40

СИНДИКА И БОСПОР**Е.А. МОЛЕВ**

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: molev.eugeny@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется античная литературная традиция и новейшие данные о палеогеографии района Тамани в античную эпоху. Эти данные в совокупности с материалами археологических и палеогеографических исследований дают основания исключить Таманский полуостров (в древности – архипелаг островов) из зоны расселения синдов и ограничить территорию древней Синдики районом Западного Закубанья к востоку от Тамани.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский; Синдика; Боспор Кубанский; Боспор Синдский; полуостров Тамань.

SINDIKA AND BOSPORUS**E.A. MOLEV**

*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
603950, Russian Federation, Nizhny Novgorod, Gagarin Avenue 23
E-mail: molev.eugeny@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the ancient literary tradition and the latest data on the paleogeography of the Tamani region in the ancient era. These data, together with the materials of archaeological and paleogeographical studies, allow excluding the Taman Peninsula (in the ancient times – the archipelago of islands) from the zone of settlement of Sindi and to limit the territory of ancient Sindika by the area of Western Zakubanie east of Taman.

Key words: Bosphorus Cimmerian; Sindika; Bosphorus Kubansky; Bosphorus Sinsky; the Taman Peninsula.

На XII Боспорских чтениях – впервые не на основании интерпретации сведений античных авторов, а на базе комплексных мультидисциплинарных исследований «Боспорской экспедиции ГИМ и Германского археологического института, в ходе которых были исследованы морские донные отложения и микрофауна, была выдвинута гипотеза о существовании еще одного пролива к востоку от Боспора Киммерийского, который авторы предложили назвать

Боспор Кубанский [Журавлев и др. 2011: 106-114]. Это открытие сразу же вызвало достаточно бурную дискуссию, поскольку, таким образом, признавалась ошибочность сведений ряда античных авторов о географии Азиатского Боспора [Тохтасьев 2017]. Появился ряд статей заново интерпретирующих их информацию [Суриков 2013: 173; Дан, Герке 2016: 28-34; Воскресенский 2018: 210-223], уточняющих название нового пролива [Суриков 2016: 91; Журавлев, Шлотцауер 2014: 152; Кельтербаум и др. 2016: 21] и хронологические рамки его функционирования как такового [Завойкин, Гарбузов 2010: 205; Суриков 2013: 174].

В нашем кратком исследовании мы остановимся лишь на одной проблеме – какая часть Азии входила в состав собственно Боспора (т.е. того Боспора Киммерийского над которым царствовали еще Археанактиды) [Молев 2018: 309-316] и какая представляла собой ближайшую к Боспору область местного населения – Синдику. Однако прежде чем перейти к решению нашей проблемы отметим три момента, связанные с новыми открытиями в области палеогеографии Азиатского Боспора и нашим их восприятием. Все они будут иметь отношение к нашей теме, но специально исследоваться не будут т.к. это может достаточно далеко увести нас от главной линии нашего исследования.

Во-первых, вероятность второго пролива или восточной протоки Боспора Киммерийского и наличие только одного значительного острова на месте нынешнего Таманского полуострова несколько ранее вышеотмеченных авторов предполагал еще Ю.В. Горлов [Горлов 1996: 71-72; Горлов 2007: 87], а позднее и ряд французских исследователей [Glaine et al. 2014: 42-45]. В итоге это и исследования Боспорской экспедиции ГИМ, как будто, дают основание не сомневаться в существовании пролива, разделяющего собственно Синдику и владения Боспора на островах (один большой и два малых [Кельтербаум и др. 2016: 24; Воскресенский 2018: 212]). Однако с моей точки зрения, высказанной еще в ходе дискуссии на XII Боспорских чтениях и разделяемой мной и в настоящее время, этот пролив, учитывая отсутствие упоминаний о нем у всех абсолютно античных авторов, писавших о Боспоре (что никак нельзя игнорировать), вряд ли существовал как полноценный морской пролив. Скорее, это была цепь протоков, болот и топей, как отмечал Псевдо-Скимн, характеризуя азиатскую часть Боспора (Per. 890-895). Аналогичной точки зрения придерживается А.А. Завойкин, вполне убедительно обосновавший свою точку зрения [Завойкин 2017: 149].

Можно, конечно, хотя и с очень большой натяжкой предполагать, что это могло быть просто восточное русло Боспора Киммерийского, отделявшего Боспор от Синдики [Кельтербаум и др. 2016: 24-25]. Но и в этом случае предложенная авторами географическая реконструкция местности (автор Д. Кельтербаум) вызывает сильные сомнения, поскольку указанные на их картах косы, отмели и острова существенным образом перекрывают вход и выход из предполагаемого ими пролива (**Рис. 1**) и сильно затрудняли бы плавание по нему большим кораблям. И дискуссия о том, как называть этот против – «Боспором Кубанским» или «Боспором Синдским» (последнее название, кстати, на мой взгляд, более правильное и тут я совершенно солидарен с И.Е.

Суриковым), во всяком случае, на уровне наших сегодняшних знаний о палеогеографии региона, не имеет смысла.

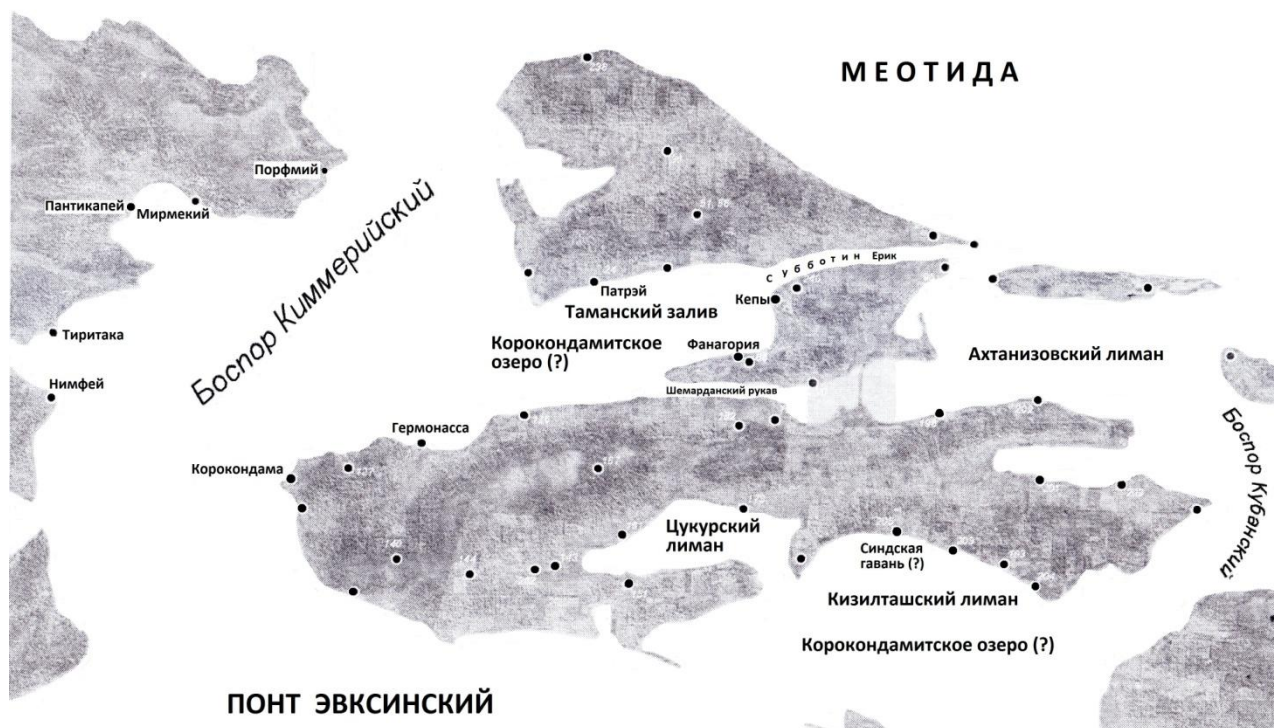

Рис. 1. Азиатский Босфор.

Во-вторых, мы признаем, как наиболее хорошо обоснованное и потому наиболее вероятное мнение о том, что «Шимарданской протоки», разделяющей два острова на одном из которых располагались Фанагория и Кепы, а на другом Гермонасса и Апатур в древности не существовало. Предположение об этом было высказано еще в 2002 г. сотрудниками международного (Россия, Франция) «Таманского регионального археологического проекта», который курировали Ю.В. Горлов и К. Мюллер [Болиховская и др. 2002: 257-271; Горлов и др. 2002: 248-257], тщательно обосновано археологическими материалами Г.П. Гарбузовым [Гарбузов 2016: 34-45] и поддержано А.А. Завойкиным [Завойкин 2017: 148, 155].

И наконец, в-третьих, размещение Корокондамитского озера античных авторов в районе современных Кизилташского, Бугазского и Витязевского лиманов, что также предполагал Ю.В. Горлов и его французские коллеги [Горлов 1996: 72] и с чем солидарны Д.В. Журавлев и его германские коллеги [Кельтербаум и др. 2016: 25] также не кажется мне вполне убедительным, поскольку это потребует изменения местоположения ряда боспорских городов региона, в том числе крупнейших – Фанагории и Гермонассы, уже давно и достаточно убедительно локализованных на тех местах, где они и находятся сейчас. Попытки обосновать эти перемещения на основании иной интерпретации данных античных авторов и данных археологии предпринимались и ранее [Зубарев 1999: 130-133; Зубарев 2005: 344; Федосеев

2013: 132], но, ни они, ни новые аргументы вышерассмотренных авторов, основанные на целом ряде допущений, не внушают доверия.

Итак, вернемся к нашему главному вопросу – владения Боспора в Азии и Синдика. Начнем с того, что следов поселений предскифского времени на территории нынешнего Таманского полуострова археологами практически не обнаружено. Известны лишь находки керамики близкой кизил-кобинским формам из ям предскифского времени на территории Патрэя [Эрлих 2010: 173]. Скифские памятники появляются в этом районе в VII-VI вв. до н.э. [Алексеев, Рябкова 2010: 237]. На Тамани они представлены единственным курганом у Цукурского лимана [Вахтина 1991: 7].

Синды впервые упоминаются у античных авторов, как отметил В.Д. Блаватский, у поэта Гиппонакта из Эфеса, жившего в VI в. до н.э. и упоминаемого в схолиях Аполлония Родосского (Schol., Apoll., Rod. IV, 321) [Блаватский 1958: 703-306; Блаватский 1985: 55-58]. В нем Гиппонакт упоминает «синдскую расселину» (Σινδικὸν διάσφαγμα). По мнению В.Д. Блаватского так мог называться пролив, отделяющий островную часть Синдики от материковой [Блаватский 1985: 56]. К статье приложена карта, по которой видно, что на самом деле этот пролив был двумя рукавами устья Кубани, древнего Гипаниса. Само название «расселина» вполне может соответствовать реальной характеристике пролива – его узости, т.е. труднодоступности для прохождения морских судов. Следовательно, уже в VI в. до н.э. греки могли знать об этом и практически не пользовались им для прохода через него в Меотиду из Понта Эвксинского. Стоит отметить, что из самого фрагмента никак не следует, что синды помимо материка занимали и территорию островов.

Кроме того, слово διάσφαγμα, как показывают вполне убедительные исследования филологов [Тохтасьев 2002: 23-24; Мусбахова 2014: 679-693], могло иметь и другое значение, не имеющее отношения к нашей теме. Но, в любом случае, фрагмент Гиппонакта свидетельствует, что в VI в. до н.э. греки уже достаточно хорошо знали синдов.

Другой ранний источник – Гекатей Милетский (конец VI–V вв. до н.э.). Он отмечает «иксибатов, народ у Понта, соседний с Синдикой» (fr. 166). Здесь перед нами уже название территории, но где она находилась более точно, автор не говорит. Живший несколько позднее Гекатея Гелланик Митиленский, называет уже не страну, а народ синдов: «когда проплывешь Боспор будут синды, выше же их – меоты, скифы» (fr. 92). И наконец, отец истории Геродот сообщает, что Боспор Киммерийский зимой замерзает и «скифы, совершая по льду военные походы и перегоняют крытые повозки на противоположный берег, на землю синдов» (пер. И.А. Шишовой). Из всех наиболее ранних указаний сообщение Геродота для нас наиболее ценно, поскольку только в нем упоминается, что синды обитали на восточном берегу Боспора Киммерийского.

Но населяли ли они острова или жили только на материке? На этот вопрос ответить трудно, поскольку «с археологической точки зрения синды являются фантомом... только Семибратнее городище и его могильник можно более или менее точно отнести к ним» [Горончаровский, Иванчик 2010: 223].

Учитывая то, что ко времени написания труда Геродота греки уже основали ряд городов и неукрепленных сельских поселений на островах, их расселению никто не препятствовал и острова накануне греческой колонизации, как показывают результаты археологических исследований не были заняты постоянным оседлым местным населением [Дмитриев, Малышев 2009: 70], мы вполне можем рассматривать и это свидетельство Геродота как аргумент в пользу отсутствия синдов на островах дельты Гипаниса. К этой точке зрения в свое время склонялась и Т.В. Блаватская [Блаватская 1959: 94].

Несколько большую ясность в определение территории Синдики вносит Псевдо-Скилак, автор IV в. до н.э. По его сообщению: «за меотами – народ синды; их область простирается и за пределами озера, и города в ней эллинские следующие: город Фанагора, Кепы, Синдская Гавань, Патус» (Ps. Scyl., 72. Пер. В.В. Латышева. Ср. Ф.В. Шелов-Коведяев [Скилак 1988: 253-266]). Из сообщения можно сделать заключение, что остров, на котором в древности находились Фанагория и Кепы, по представлениям автора Перипла являлся территорией Синдики. Хотя отсутствие дополнительных указаний на характеристику местоположения этих городов (остальные были расположены уже на материке) оставляет сомнения о том, что автор хорошо представлял себе территорию Синдики.

Из авторов позднеэллинистического времени о синдах и Синдике также говорят немногие. Так, Диодор, рассказывая о войне сыновей Перисада I на Боспоре, упоминает, что боспорский царь Эвмел умер от несчастного случая «возвращаясь из Синдики в свою землю (ἐκ γὰρ τῆς Σινδικῆς ἐλασιὼν εἰς τὴν ὀκεῖαν)» (Diod., XX, 25, 4). Заметим, что характер труда Диодора и методика его работы, по мнению современных исследователей его творчества, свидетельствуют, что он не искажал свидетельств своих предшественников и избегал собственных добавлений и интерпретаций [Илюшечкин 1988: 231; Строгоцкий 1983: 186; Строгоцкий 1986: 66, 81]. Поэтому и в нашем случае, он, вероятнее всего, просто передал информацию своего источника эллинистического времени [Каллистов 1949: 158; Струве 1968: 167]. А значит и тогда, когда Синдика уже достаточно давно входила в состав Боспорского государства, она не считалась для боспорян своей родной землей.

В «Землеописании» Псевдо-Скимна уже точно говорится, что города Гермонасса, Фанагория, Синдская Гавань расположены на острове «занимающем большое пространство ровной земли по Меотиде вплоть до Боспора; остров этот недоступен с одной стороны вследствие болот, речек и топей, находящихся на противоположной стороне (от моря), а с другой – благодаря морю и озеру» (PPE 890-895. Пер. И.И. Бережкова). Но этот остров у него никак не связан с синдами и Синдикой.

И, наконец, наиболее авторитетное мнение по нашему вопросу высказывает Страбон. Он пользовался трудами эллинистических авторов, в том числе и местных (выходцев из Северного Причерноморья) [Ростовцев 1925: 33] и именно поэтому его мнение представляется нам наиболее достоверным. Страбон четко отделяет азиатскую часть Боспора от Синдики («у моря лежит азиатская часть Боспора и Синдика» Strabo., XI, 2, 1). Он не дает точного

территориального разделения этих регионов, но, сопоставляя его информацию со сведениями предыдущих античных авторов, можно не сомневаться, что синды накануне греческой колонизации не заселяли острова Таманского архипелага.

О том же свидетельствуют и материалы археологических и комплексных мультидисциплинарных исследований сотрудниками Таманского регионального археологического проекта, Боспорской экспедиции ГИМ и Германского археологического института. Таким образом, можно не сомневаться, что границей, отделявшей азиатскую часть Боспора от Синдики были те самые «болота, речки, топи», о которых говорил Псевдо-Скимн и русло Гипаниса. Образованный ими остров стал со временем важной административной единицей Боспорского государства, для управления которой была введена должность «ὁ ἐπὶ τῆς νήσου – начальник острова» [КБН 2004: 40, 697, 982, 1000; Кузнецов 2007: 227-238; Завойкин 2017: 150].

К аналогичным выводам, за исключением оценки роли Боспора Кубанского как пролива, несколько ранее пришел А.М. Новичихин [Новичихин 2011: 13].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, Рябкова 2010 – *Алексеев А.Ю., Рябкова Т.В.* Скифы // Античное наследие Кубани: в 3-х т. Т.1 / Ред., сост. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. – М.: Наука, 2010. – С. 236-259.

Блаватская 1959 – *Блаватская Т.В.* Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до нашей эры. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. – 160 с.

Блаватский 1958 – *Блаватский В.Д.* Древнейшее свидетельство о Синдике // Исследования в честь на акад. Д. Дечев. – София: Б.и., 1958. – С. 703-706.

Блаватский 1985 – *Блаватский В.Д.* Древнейшее свидетельство о Синдике // Античная археология и история / Ред. М.М. Кобылина. – М.: Наука, 1985. – С. 55-58.

Болиховская и др. 2002 – *Болиховская Н.С., Горлов Ю.В., Кайтамба М.Д., Мюллер К., Поротов А.В., Парунин О.Б., Фуаши Э.* Изменения ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2002. – XII. – С. 257-271.

Вахтина 1991 – *Вахтина М.Ю.* «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора: межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Е.А. Молев. – Воронеж-Белгород: ВГПИ, 1991. – С. 3-11.

Воскресенский 2018 – *Воскресенский А.П.* География Таманского полуострова и локализация городов Азиатского Боспора по данным «Географии» Страбона // Древний Восток и античный мир: труды кафедры истории древнего мира. Сер. 2. Исторические исследования (55). Т. IX / Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин. – М.: МГУ, 2018. – С. 210-224.

Гарбузов 2016 – *Гарбузов Г.П.* «Страбон» рукав Кубани и хора Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Под общей редакцией В.Д. Кузнецова. Том 4. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2 / Под редакцией А.А. Завойкина. – М.: Институт археологии РАН, 2016. – С. 34-45.

Горлов 1996 – *Горлов Ю.В.* Палеогеография Азиатского Боспора // Сборник 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. II раздел. Тамань археологическая. Таманский музейный комплекс. – Ст. Тамань: Б.и., 1996. – С. 71-72.

Горлов 2007 – *Горлов Ю.В.* К изучению сельской округи Фанагории // Древности Боспора. – 2007. – Т. 11. – С. 86-105.

Горлов и др. 2002 – *Горлов Ю.В., Поротов А.В., Янина Т.А., Фуаш Э., Мюллер К.* К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2002. – XII. – С. 248-257.

Горончаровский, Иванчик 2010 – *Горончаровский В.А., Иванчик А.И.* Синды // Античное наследие Кубани: в 3-х т. Т.1 / Ред., сост. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. – М.: Наука, 2010. – С. 219-234.

Дан, Герке 2016 – *Дан А., Герке Г.-Й.* Азиатское побережье Боспора Киммерийского: письменные источники // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции. Сборник статей / Сост., науч. ред. Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер – М.: Исторический музей, 2016. – С. 28-34.

Дмитриев, Малышев 2009 – *Дмитриев А.В., Малышев А.А.* Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII-IV вв. до н. э. // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау / Под ред. А.А. Малышева. – М.: Гриф и К, 2009. – С. 53-73.

Журавлев и др. 2011 – *Журавлев Д.В., Кельтербаум Д., Поротов А.В., Шлотцауер У.* Боспор Кубанский // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и античный мир в период античности и средневековья. Взаимодействие культур / Ред., сост. В.Н. Зинько. – Керчь: Деметра, 2011. – С. 106-114.

Журавлев, Шлотцауер 2014 – *Журавлев Д.В., Шлотцауер У.* Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006-2013 гг. // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. Труды Государственного исторического музея. Вып. 201. – М.: Исторический музей, 2014. – С. 150-186.

Завойкин 2017 – *Завойкин А.А.* «Боспор Кубанский» – остров – Гермонасса (заметки по исторической географии Таманского полуострова) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017 – Т. 3. – № 57. – С. 147-163.

Завойкин, Гарбузов 2010 – *Завойкин А.А., Гарбузов Г.П.* О первом этапе освоения греками Таманского полуострова // Древности Боспора. – 2010. – Т. 14. – С. 184-219.

Зубарев 1999 – *Зубарев В.Г.* Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной письменной традиции // Древности Боспора. – 1999. – № 2. – С. 123-146.

Зубарев 2005 – *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. – М.: Studia Historica, 2005. – 504 с.

Илюшечкин 1988 – *Илюшечкин В.Н.* Рец. Hornblower J. Hieronimus of Cardia. Oxford Univ. Press. 1981. 301 p. // Вестник древней истории. – 1988. – № 2. – С. 229-234.

Каллистов 1949 – *Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. – Л.: ЛГУ, 1949. – 283 с.

Кельтербаум и др. 2016 – *Кельтербаум Д., Журавлев Д.Е., Шлотцауер У.* Исследования в области палеогеографии Таманского полуострова // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции. Сборник статей / Сост., науч. ред. Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер. – М.: Исторический музей, 2016. – С. 21-27.

КБН 2004 – *Корпус Боспорских надписей.* Альбом иллюстраций (КБН-Альбом) / Отв. Ред. А.К. Гаврилов. – СПб.: Bibliotheca Classica Petropolitana, 2004. – 431 с.

Кузнецов 2007 – *Кузнецов В.Д.* Новые надписи из Фанагории // Вестник древней истории. – 2007. – № 1. – С. 227-243.

Молев 2018 – *Молев Е.А.* Археанактиды – кто они? // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь-Керчь: Деметра, 2018. – С. 309-316.

Мусбахова 2014 – *Мусбахова В.Т.* Об одной боспорской реминисценции Гиппопакта // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных

памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского, 23-25 июня 2014 г. / Ред. Н.Н. Казанский. – Санкт-Петербург: Наука, 2014. – С. 679-693.

Новичихин 2011 – *Новичихин А.М.* Границы Синдики // Былые годы. Черноморский исторический журнал. – 2011. – № 3 (21). – С. 11-15.

Ростовцев 1925 – *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. – Л.: РАИМК, 1925. – 626 с.

Скилак 1988 – *Скилак Кариандский.* Перипл обитаемого моря / Перев. Ф.В. Шелов-Коведяев // Вестник древней истории. – 1988. – № 1. – С. 253-266.

Строгецкий 1983 – *Строгецкий В.М.* Диодор Сицилийский и его «Историческая библиотека» в оценке историографии // Вестник древней истории. – 1983. – № 4. – С. 176-186.

Строгецкий 1986 – *Строгецкий В.М.* Введение к «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского и его историко-философское содержание // Вестник древней истории. – 1986. – № 2. – С. 65-82.

Струве 1968 – *Струве В.В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. – Л.: Наука, 1968. – 355 с.

Суриков 2013 – *Суриков И.Е.* Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском // Вестник древней истории. – 2013. – № 1. – С. 167-176.

Суриков 2016 – *Суриков И.Е.* «Остров Тамань», Боспор Синдский и город Гаргаза // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола 7-8 июня 2016 / Ред. Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер. – М.: ГИМ, 2016. – С. 90-95.

Тохтасьев 2002 – *Тохтасьев С.Р.* ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. – СПб.: Издательство государственного Эрмитажа, 2002. – С. 10-32.

Тохтасьев 2017 – *Тохтасьев С.Р.* Еще раз о географии Таманского полуострова в древности // АРИСТЕЙ. Aristeas: вестник классической филологии и античной истории. – 2017. – Т. XVI. – С. 28-44.

Федосеев 2013 – *Федосеев Н.Ф.* К вопросу о локализации Апатура, Кеп и Стратоклеи // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – № 4. – С. 132-140.

Эрлих 2010 – *Эрлих В.Р.* Кубань в начале железного века // Античное наследие Кубани: в 3-х т. Т.1 / Ред., сост. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. – М.: Наука, 2010. – С. 168-185.

Glaime et al. 2014 – *Glaime M., Baralis A., Marriner N., Morchange C., Porotov A.* D'un archipel à une plaine deltaïque. Géoarchéologie de la péninsule de Taman (sud-ouest de la Russie) // Géochronique. – 2014. – No. 130. – P. 42-45.

REFERENCES

ALEKSEEV A.Yu., RYABKOVA T.V. *Skify* [Scythians]. IN: *Antichnoe nasledie Kubani: v 3-kh t. T.1* [Antique heritage of Kuban: In 3 Vols. Vol. I] / Ed. by G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov. – M.: Nauka, 2010. – P. 236-259. (In Russian)

BLAVATSKAYA T.V. *Ocherki politicheskoi istorii Bospora v V-IV vv. do nashei ery* [Essays in political history of Bosphorus in V-IV centuries B.C.]. – M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1959. – 160 p. (In Russian)

BLAVATSKII V.D. *Drevneishee svidetel'stvo o Sindike* [The most early evidence on Sindika]. IN: *Izsledvaniya v chest na akad. D. Dechev* [Essays in honor of acad. D. Dechev]. – Sofiya: B.i., 1958. – P. 703-706. (In Russian)

BLAVATSKII V.D. *Drevneishee svidetel'stvo o Sindike* [The most early evidence on Sindika]. IN: *Antichnaya arkheologiya i istoriya* [Ancient archaeology and history] / Ed. by M.M. Kobylina. – M.: Nauka, 1985. – P. 55-58. (In Russian)

BOLIKHOVSKAYA N.S., GORLOV Yu.V., KAITAMBA M.D., MYULLER K., POROTOV A.V., PARUNIN O.B., FUASH E. *Izmeneniya landshaftno-klimaticheskikh uslovii Tamanskogo poluostrova na protyazhenii poslednikh 6000 let* [The Taman Peninsula landscape and

climate changes in the course of the recent 6000 years]. IN: Problemy istorii, filologii, kul'tury. – 2002. – XII. – P. 257-271. (In Russian)

VAKHTINA M.Yu. «Skifskii put'» v Prikuban'e i nekotorye drevnosti Kryma v epokhu arkhaiki [“Scythian path” to Kuban region and some antiquities of the Crimea in the archaic times]. IN: Voprosy istorii i arkheologii Bospora: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov [Questions of history and Archaeology of Bosporus: inter-university collection of research works] / Ed. by E.A. Molev. – Voronezh-Belgorod: VGPI, 1991. – P. 3-11. (In Russian)

VOSKRESENSKII A.P. Geografiya Tamanskogo poluostrova i lokalizatsiya gorodov Aziatskogo Bospora po dannym «Geografii» Strabona [Geography of the Taman Peninsula and localization of the cities of the Asian Bosporus by the evidence of Strabo's “Geography”]. IN: Drevnii Vostok i antichnyi mir: trudy kafedry istorii drevnego mira. Ser. 2. Istoricheskie issledovaniya (55). Vol. IX [Ancient East and Antique world: the works of the Chair in the history of the Ancient world. Series 2. Historical studies (55). Vol. IX] / Ed. by S.Yu. Saprykin. – M.: MGU, 2018. – P. 210-224. (In Russian)

GARBUZOV G.P. «Strabonov» rukav Kubani i khora Fanagorii [Strabo's channel of Kuban' river and Phanagorian chora]. IN: Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy. Pod obshchei redaktsiei V.D. Kuznetsova. Vol. 4. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii. Iss. 2 [Phanagoria. Results of archaeological researches. Under the general editorship of V.D. Kuznetsov. Vol. 4. Materials to Archaeology and history of Phanagoria. Iss. 2] / Ed. by A.A. Zavoikina. – M.: Institut arkheologii RAN, 2016. – P. 34-45. (In Russian)

GORLOV Yu.V. Paleogeografiya Aziatskogo Bospora [Paleogeography of Asian Bosporus]. IN: Sbornik 20 let muzeyu M.Yu. Lermontova v Tamani. II razdel. Taman' arkheologicheskaya. Tamanskii muzeinyi kompleks [The collection to 20 years of M.Yu. Lermontov's museum in Taman. II. The archaeological Taman. Taman' museum complex]. – St. Taman': B.i., 1996. – P. 71-72. (In Russian)

GORLOV Yu.V. K izucheniyu sel'skoi okrugy Fanagorii [To the study of the Phanagoria's countryside]. IN: Drevnosti Bospora. – 2007. – Vol. 11. – P. 86-105. (In Russian)

GORLOV Yu.V., POROTOV A.V., YANINA T.A., FUASH E., MYULLER K. K voprosu ob istoriko-geograficheskoi situatsii na Tamanskom poluostrove v period grecheskoi kolonizatsii [To a question of a historical and geographical situation on Taman Peninsula during the Greek colonization]. IN: Problemy istorii, filologii, kul'tury. – 2002. – XII. – P. 248-257. (In Russian)

GORONCHAROVSKII V.A., IVANCHIK A.I. Sindy [Sinds]. IN: Antichnoe nasledie Kubani: v 3-kh t. T.1 [Antique heritage of Kuban: In 3 Vols. Vol. I] / Ed. by G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov. – M.: Nauka, 2010. – P. 219-234. (In Russian)

DAN A., GERKE G.-I. Aziatskoe poberezh'e Bospora Kimmeriiskogo: pis'mennye istochniki [Asian Coast of the Cimmerian Bosporus: literary sources]. IN: Drevnie elliny mezhdru Pontom Evksinskim i Meotidoi. K 10-letiyu Bosporskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Sbornik statei [Ancient Hellenes between Pontos Euxinos and Maiotis. To the 10th anniversary of the Bosporus archaeological expedition. Collection of papers] / Ed. by D.V. Zhuravlev, U. Shlottsauer – M.: Istoricheskii muzei, 2016. – P. 28-34. (In Russian)

DMITRIEV A.V., MALYSHEV A.A. Naselenie predgorii Severo-Zapadnogo Kavkaza v VIII-IV vv. do n. e. [Population of the foothills of the North-Western Caucasus in the 8th – 4th centuries B.C.]. IN: ABRAU ANTIQUA. Rezul'taty kompleksnykh issledovaniy drevnostei poluostrova Abrau [ABRAU ANTIQUA. Results of the complex studies of the antiquities of the Abrau peninsula] / Ed. by A.A. Malysheva. – M.: Grif i K, 2009. – P. 53-73. (In Russian)

ZHURAVLEV D.V., KEL'TERBAUM D., POROTOV A.V., SHLOTTSAUER U. Bospor Kubanskii [Kuban Bosporus]. IN: XII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriiskii i antichnyi mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimodeistvie kul'tur [The 12th Bosporan readings. The Cimmerian Bosporus and Antique world in the period of Antiquity and the Middle Ages. Intercommunion of cultures] / Ed. by V.N. Zin'ko. – Kerch': Demetra, 2011. – P. 106-114. (In Russian)

ZHURAVLEV D.V., SHLOTTSAUER U. *Nekotorye itogi rabot Bosporskoj arkheologicheskoi ekspeditsii na Tamanskom poluostrove. 2006-2013 gg.* [Some results of works of Bosphorus archaeological expedition on Taman Peninsula. 2006-2013]. IN: *Gosudarstvennyi istoricheskii muzei i otechestvennaya arkheologiya. K 100-letiyu otdela arkheologicheskikh pamyatnikov. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Iss. 201* [State Historical Museum and domestic Archaeology. To the 100th anniversary of department of archaeological monuments. Proceedings of the State Historical Museum. Issue 201]. – M.: Istoricheskii muzei, 2014. – P. 150-186. (In Russian)

ZAVOIKIN A.A. «*Bospor Kubanskii*» – ostrov – Germonassa (zametki po istoricheskoi geografii Tamanskogo poluostrova) [“Kuban Bosphorus” – the island of Hermonassa (notes on the historical geography of the Taman Peninsula)]. IN: *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. – 2017 – Vol. 3. – No. 57. – P. 147-163. (In Russian)

ZAVOIKIN A.A., GARBUZOV G.P. *O pervom etape osvoeniya grekami Tamanskogo poluostrova* [On the First Phase of the Greek Development of the Taman' Peninsula]. IN: *Drevnosti Bospora*. – 2010. – Vol. 14. – P. 184-219. (In Russian)

ZUBAREV V.G. *Aziatskii Bospor (Tamanskii poluostrov) po dannym antichnoi pis'mennoi traditsii* [Asian Bosphorus (Taman Peninsula) according to ancient literature tradition]. IN: *Drevnosti Bospora*. – 1999. – No. 2. – P. 123-146. (In Russian)

ZUBAREV V.G. *Istoricheskaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya po dannym antichnoi pis'mennoi traditsii* [Historical geography of the North Pontic Area by the evidence of Antique literary tradition]. – M.: Studia Historica, 2005. – 504 p. (In Russian)

ILYUSHECHKIN V.N. *Rets. Hornblower J. Hieronimus of Cardia*. Oxford Univ. Press. 1981. 301 p. [Review of: Hornblower J. Hieronimus of Cardia. Oxford Univ. Press. 1981. 301 p.]. IN: *Vestnik drevnei istorii*. – 1988. – No. 2. – P. 229-234. (In Russian)

KALLISTOV D.P. *Ocherki po istorii Severnogo Prichernomor'ya antichnoi epokhi* [Essays in history of the North Pontic Area in the Antique epoch]. – L.: LGU, 1949. – 283 p. (In Russian)

KEL'TERBAUM D., ZHURAVLEV D.E., SHLOTTSAUER U. *Issledovaniya v oblasti paleogeografii Tamanskogo poluostrova* [Researches in the field of paleogeography of Taman Peninsula]. IN: *Drevnie elliny mezhdru Pontom Evksinskim i Meotidoi. K 10-letiyu Bosporskoj arkheologicheskoi ekspeditsii. Sbornik statei* [Ancient Greeks between Pontos Euxeinos and Maiotis. To the 10th anniversary of the Bosphorus archaeological expedition. Collection of papers] / Ed. by D.V. Zhuravlev, U. Shlottsauer. – M.: Istoricheskii muzei, 2016. – P. 21-27. (In Russian)

Korpus Bosporskikh nadpisei. Al'bom illyustratsii (KBN-Al'bom) [Corpus of Bosphoran inscriptions. Album of illustrations (CBI-Album)] / Ed. by A.K. Gavrilo. – SPb.: Bibliotheca Classica Petropolitana, 2004. – 431 p. (In Russian)

KUZNETSOV V.D. *Novye nadpisi iz Fanagorii* [New inscriptions from Phanagoria]. IN: *Vestnik drevnei istorii*. – 2007. – No. 1. – P. 227-243. (In Russian)

MOLEV E.A. *Arkheanaktidy – kto oni?* [Archeanaktidai who they were?]. IN: *XIX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Traditsii i innovatsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [XIXth Bosphoran readings. The Cimmerian Bosphorus and the barbarous world in the period of Antiquity and the Middle Ages. Proceedings of the international scientific conference] / Ed. by V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko. – Simferopol'-Kerch': Demetra, 2018. – P. 309-316. (In Russian)

MUSBAKHOVA V.T. *Ob odnoi bosporskoj reministsentsii Gipponakta* [On a Bosphoran reminiscence of Hipponax]. IN: *Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya. Materialy chtenii, posvyashchennykh pamyati professora Iosifa Moiseevicha Tronskogo, 23-25 iyunya 2014 g.* [Indo-European Linguistics and classical philology. Proceedings of the readings to the memory of professor Iosif Moiseevich Tronsky] / Ed. by N.N. Kazanskii. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2014. – P. 679-693. (In Russian)

NOVICHIKHIN A.M. *Granitsy Sindiki* [Sindika Borders]. IN: *Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal*. – 2011. – No. 3 (21). – P. 11-15. (In Russian)

ROSTOVTSEV M.I. *Skifiya i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamyatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh* [Scythia and Bosphorus. Critical review of literary and archaeological monuments]. – L.: RAIMK, 1925. – 626 p. (In Russian)

SKILAK KARIANDSKII. *Peripl obitaemogo morya* [Scylax of Cariand. Periplus of the inhabited sea littoral] / Transl. F.V. Shelov-Kovedyaev. IN: *Vestnik drevnei istorii*. – 1988. – No. 1. – P. 253-266. (In Russian)

STROGETSKII V.M. *Diodor Sitsiliiskii i ego «Istoricheskaya biblioteka» v otsenke istoriografii* [Diodorus Siculus and his “The Library of History” in the evaluation of historiography]. IN: *Vestnik drevnei istorii*. – 1983. – No. 4. – P. 176-186. (In Russian)

STROGETSKII V.M. *Vvedenie k «Istoricheskoi biblioteke» Diodora Sitsiliiskogo i ego istoriko-filosofskoe sodержanie* [Introduction to “The Library of History” of Diodorus Siculus and its historical-philosophical content]. IN: *Vestnik drevnei istorii*. – 1986. – No. 2. – P. 65-82. (In Russian)

STRUVE V.V. *Etyudy po istorii Severnogo Prichernomor'ya, Kavkaza i Srednei Azii* [Etudes on the history of the North Pontic Area, Caucasus and the Middle Asia]. – L.: Nauka, 1968. – 355 p. (In Russian)

SURIKOV I.E. *Nekotorye soobrazheniya ob ischeznuvshem prolive Bospore Sindskom* [Some reasons about the disappeared strait, Sindian Bosphorus]. IN: *Vestnik drevnei istorii*. – 2013. – No. 1. – P. 167-176. (In Russian)

SURIKOV I.E. *«Ostrov Taman'», Bospor Sindskii i gorod Gargaza* [Taman Island“, the Sindic Bosphorus and the City of Gargaza]. IN: *Aziatskii Bospor i Prikuban'e v dorimskoe vremya. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola 7-8 iyunya 2016* [Asian Bosphorus and Kuban Region in pre-Roman time. Proceedings of International round-table, June 7-8, 2016] / Ed. by D.V. Zhuravlev, U. Shlottsauer. – M.: GIM, 2016. – P. 90-95. (In Russian)

TOKHTAS'EV S.R. ΣΙΝΔΙΚΑ [SINDIKA]. IN: *Tamanskaya starina* [Taman's Antiquities]. – SPb.: Izdatel'stvo gosudarstvennogo Ermitazha, 2002. – P. 10-32. (In Russian)

TOKHTAS'EV S.R. *Eshche raz o geografii Tamanskogo poluostrova v drevnosti* [Once again on the geography of Taman Peninsula in antiquity]. IN: *ARISTEI. Aristeas: vestnik klassicheskoi filologii i antichnoi istorii*. – 2017. – Vol. XVI. – P. 28-44. (In Russian)

FEDOSEEV N.F. *K voprosu o lokalizatsii Apatura, Kep i Stratoklei* [To a question of localization Apaturus, Cepoi and Stratocleia]. IN: *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. – 2013. – No. 4. – P. 132-140. (In Russian)

ERLIKH V.R. *Kuban' v nachale zheleznogo veka* [Kuban in early Iron age]. IN: *Antichnoe nasledie Kubani: v 3-kh t. T.1* [Antique heritage of Kuban: In 3 Vols. Vol. I] / Ed. by G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov. – M.: Nauka, 2010. – P. 168-185. (In Russian)

GLAIME M., BARALIS A., MARRINER N., MORCHANGE C., POROTOV A. *D'un archipel à une plaine deltaïque. Géoarchéologie de la péninsule de Taman (sud-ouest de la Russie) // Géochronique*. – 2014. – No. 130. – P. 42-45. (In French)

УДК 902/904

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-41-50

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ДЕТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ СО СТРЕЛАМИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3

А.А. КАДИЕВА

*ФГБУК Государственный исторический музей
Отдел археологических памятников
109012, РФ, г. Москва, Красная площадь, д.1
E-mail: adelgeida85@mail.ru*

С.В. ДЕМИДЕНКО

*ФГБУН Институт археологии Российской академии наук,
Отдел скифо-сарматской археологии
117036, РФ, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
E-mail: svdemidenko@hotmail.com*

А.Р. ШАОВ

*Институт Гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, РФ, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: shaovazamat88@mail.ru*

Аннотация. Детские и особенно младенческие погребения редко привлекают пристальное внимание археологов. В 2016 г. на могильнике Заюково-3 (Баксанский район Кабардино-Балкарской республики) было исследовано необычное погребение под номером 56. Погребение было совершено в прямоугольной яме. Костяк погребенного полностью истлел. Из погребального инвентаря сохранились два крупных железных черешковых наконечника стрел и мочеотводная трубка. Наличие мочеотводной трубки указывает, во-первых, на то, что в погребении находился младенец, а, во-вторых, на то, что погребенный младенец был захоронен в люльке. По наконечникам стрел погребение датируется эпохой средневековья – VIII-IX вв.

Ключевые слова: аланы; средневековье; могильник Заюково-3; Кабардино-Балкарская республика; детские погребения.

MEDIEVAL CHILD BURIAL WITH THE ARROWS FROM THE ZAYUKOVO-3 BURIAL GROUND

A.A. KADIEVA

*The State Historical Museum
Department of Archaeological Monuments
109012, RF, Moscow, Red Square, 1,
E-mail: adelgeida85@mail.ru*

S.V. DEMIDENKO

*Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
Department of Scythian-Sarmatian Archeology
117036, RF, Moscow, Ul. Dmitriya Ulyanova, 19
E-mail: svdemidenko@hotmail.com*

A.R. SHAOV

*The Institute for the humanities research
Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, RF, Nalchik, Pushkin Str. 18
E-mail: shaovazamat88@mail.ru*

Abstract. Children burials and especially infant burials rarely attract the attention of archaeologists. In 2016, at the Zayukovo-3 burial ground (Baksan district of the Kabardino-Balkarian Republic), an unusual burial was found, N 56. The burial was committed in a rectangular pit. The skeleton of the buried was destroyed. Two large iron petiolate arrowheads and a urinary tube have been preserved from the funerary inventory. The presence of a urinary tube indicates, firstly, that in the burial was the baby, and, secondly, that the buried infant was buried in the cradle. By the arrowheads, the burial date from the Middle Ages – VIII-IX centuries.

Key words: Alans; Middle Ages; Zayukovo-3 burial ground; Kabardino-Balkarian republic; children's burials.

Детские и особенно младенческие погребения редко привлекают пристальное внимание археологов. Весьма справедливое утверждение М.Б. Медниковой о том, что «дети, погребенные иначе, чем взрослые, помогают понять верования своих отцов» [Медникова 2017: 5], отражает основной ракурс, в котором рассматривают захоронения малолетних членов общества. Как правило, в работах, посвященных погребальному обряду, как отдельных памятников, так и целых эпох и культур, описывается довольно краткий ряд черт, отличающих детские захоронения от взрослых. В основном это малые размеры могилы и более простая форма погребального сооружения. Такое положение обусловлено плохой сохранностью костей погребенных и бедностью инвентаря. Очень редки случаи, при которых детское погребение позволяет реконструировать какой-либо аспект культовых представлений и тем более бытовых обычаев. Одно такое погребение было обнаружено на могильнике Заюково-3 в 2016 г.

Погребение 56 было совершено в грунтовой яме подпрямоугольной формы, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. Размеры ямы по дну составляют 1,57 x 0,53 м, глубина – 0,13 м в юго-восточной части и 0,51 м в северо-западной. Дно ямы понижается к северо-западу. В центре ямы обнаружена мочеотводная трубка из кости барана (Рис. 2, 1, 3, 1). В западном углу ямы по линии северо-запад-запад – юго-восток-восток были обнаружены железные трехлопастные наконечники стрел (Рис. 2, 2,3, 3, 2,3), расположенные под небольшим углом. Никаких других находок в погребении не выявлено.

Рис. 1. Могильник Заюково-3. Погребение 56. Вид с северо-востока.

Очевидно, погребение принадлежало младенцу, захороненному в люльке (о чем свидетельствует наличие мочеотводной трубки). Вероятно, высоту люльки маркировали две известняковые плиты, высотой 0,51 м, ограничивающие погребение с северо-запада.

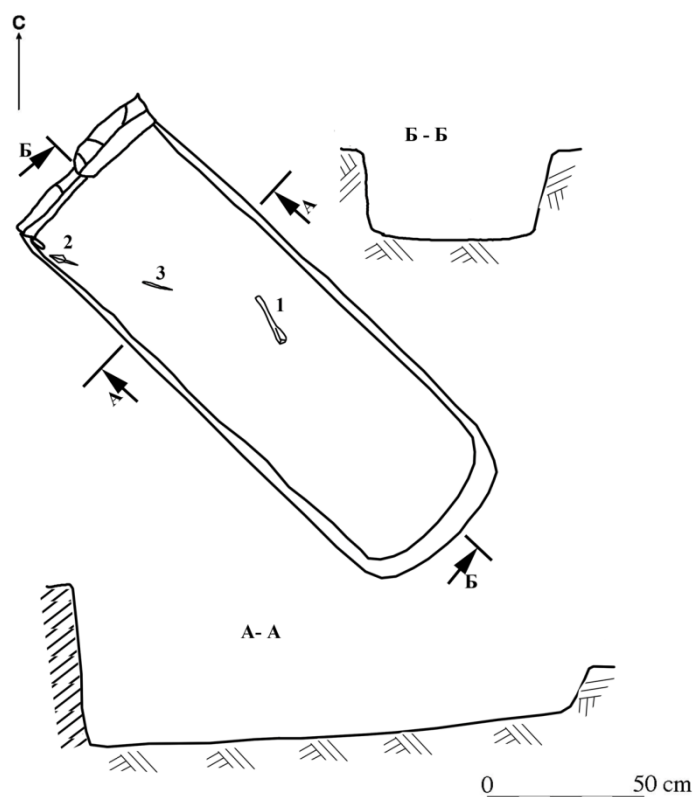

Рис. 2. Могильник Заюково-3. Погребение 56. План. 1 – мочеотводная трубка, 2, 3 – наконечники стрел.

Могильник Заюково-3 – многослойный памятник, функционирующий на протяжении полутора тысяч лет. Часто при сооружении позднейших погребений разрушались более ранние, или же два соседних погребения разделяли несколько столетий. Так произошло и в описываемом случае: из-за своего расположения среди трех погребений, надежно датированных VIII-VII вв. до н.э. погребение 56 также первоначально было отнесено именно к этому периоду [Кадиева, Демиденко 2017а: 166]. Однако после реставрации наконечников стрел стало очевидно, что они указывают на совершенно иную эпоху.

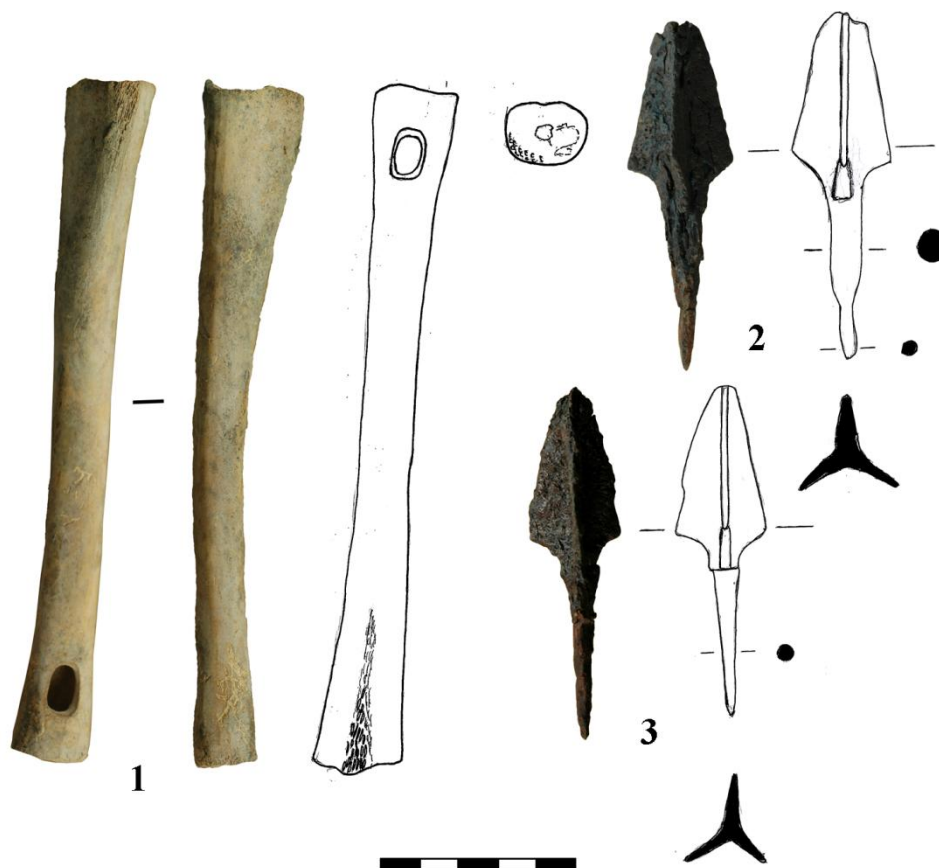

Рис. 3. Могильник Заюково-3. Погребение 56. Погребальный инвентарь. 1 – мочеотводная трубка из кости барана, 2, 3 – железные наконечники стрел.

Оба наконечника стрел являются довольно крупными (длина каждого составляет 9,3 см) черешковыми килевидными широкими трехлопастными. Такой тип наконечников относится к типу 2 отдела I по А.В. Крыганову [Крыганов 1989: 98]. Все черешковые трехлопастные стрелы, вошедшие в первый отдел его типологии, исследователь датировал VIII – IX вв. В этой же работе он отметил довольно малое количество погребений, содержащих стрелы по сравнению с захоронениями с оружием ближнего боя для лесостепных аланских и болгарских племен салтово-маяцкой археологической культуры

[Крыганов 1989: 112]. Это наблюдение касается и центральных районов Северного Кавказа.

На территории современной Кабардино-Балкарской республики известен лишь один фрагмент железного трехлопастного наконечника стрелы из разрушенных катакомб у села Хулам [Чеченов 1987: 106. Рис. 21, 16], датировка которых укладывается в рамки предсалтовского и салтовского времени. Среди материалов могильника Чми-Суаргом известно одно погребение с двумя трехлопастными наконечниками стрел: катакомба 1 из раскопок М.П. Абрамовой [Абрамова 1982: 151. Рис.9, 14], датированная исследовательницей концом VIII – IX вв. Треугольный трехлопастной наконечник стрелы имеется среди материалов катакомбы 1 Кобанского могильника [Хайнрих 1995: 195. Табл. XXVI, 5]. Автор публикации отмечает смешанный и неполный характер комплекса, однако основная часть материалов относится к концу VIII – IX вв. Два трехлопастных черешковых наконечника обнаружены в катакомбе 9 некрополя Тарское, инвентарь которой включает в себя саблю (или палаш) в ножнах с обкладками с тисненым орнаментом и арочные стремяна с прямой подножкой [Кантемиров, Дзаттиаты 1995: 261, Табл. VII, 14,15]. Этот же тип наконечников встречен среди материалов катакомбного могильника Даргавс, где для середины VIII – IX в. эта форма является господствующей [Дзаттиаты и др. 2018: 328]. Наконечники трехлопастные наконечники имеются в катакомбах Мартан-Чуйского 1-го могильника [Виноградов, Мамаев 1984: 64, Рис. 2, 21, 22; 76, Рис. 10, 5; 77, Рис. 11, 9], датированных авторами раскопок от середины VIII до рубежа IX – X вв.

Таким образом, погребение 56 могильника Заюково-3 так же уверенно можно отнести к VIII – IX вв.

Наиболее интересной находкой погребения является мочеотводная трубка. Она вырезана из кости барана, ее длина составляет 18,1 см. Один конец, вставлявшийся в люльку, обрезан, во втором просверлено овальное отверстие размерами 1,3X0,8 см. На сегодняшний день это единственная находка подобного предмета на Северном Кавказе, происходящая из надежно датированного индивидуального захоронения. В целом в археологических памятниках региона их известно довольно мало. Так, по устному сообщению М.А. Бакушева¹, одна такая трубка происходит из культового слоя Змейского катакомбного могильника. Две мочеотводные трубки обнаружены П.С. Уваровой в процессе раскопок склеповых могильников близ с. Задалеск (Дигорское ущелье, современная республика Северная Осетия-Алания). Эти предметы выявлены среди инвентаря коллективного захоронения, где присутствовал большой процент детских черепов [Уварова, 1900: 194]. Малочисленный погребальный инвентарь захоронения относится к XIV-XV вв.

Десять сумаков (мочеотводных трубок) было обнаружено в слоях хазарского времени Фанагорияского городища [Голофаст, Добровольская 2018: 84].

¹ Пользуясь случаем, выражаем благодарность М.А. Бакушеву за информацию об этом предмете.

В гораздо большей степени подобные предметы известны в памятниках хунно-сарматского времени Центральной Азии: Кенкольский могильник [Бернштам 1940: 7], Азас I [Дэвлет 2010: 173] и др. Наиболее полная их подборка ныне сделана К. Михальшевским и сейчас готовится к изданию.

Расположение мочеотводной трубки, просверленным отверстием в сторону каменных плит указывает на то, что ребенок лежал лицом к известняковым плитам головой на юго-восток, что соответствует погребальным традициям населения, оставившего могильник, начиная со II-I вв. до н.э. [Кадиева, Демиденко 2017б: 37]. В период, когда было совершено погребение 56, могильник Заюково-3, вероятно, уже прекратил свое существование в качестве родового кладбища, функции которого перешли к скальному могильнику Гунделен-2, непосредственно примыкающему к некрополю. Однако на территории старого кладбища продолжали совершать тризны и совершать детские погребения, к которым относится и погребение 56.

Рис. 4. Могильник Заюково-3. Погребение 56. Графическая реконструкция (художник Д.А. Барина).

Предполагаемые размеры люльки и расположение мочеотводной трубки позволяют говорить о сходстве ее конструкции с традиционными люльками, которые до сих пор широко используются на Северном Кавказе (Рис. 5. 1, 2) (по-кабардински – гуцэ; на карачаево-балкарском – бешик; по-абазински – гара).

1.

2.

Рис. 5. Традиционные северокавказские люльки: 1) кабардинская; 2) карачаевская.

Аналогичные и близкие по форме мочеотводные трубки, служившие для отведения мочи от туго завернутого в пеленку ребенка через отверстие в центральной части дна люльки, также были известны местным народам (по-кабардински – цЫбэ, на карачаево-балкарском – сыппа, по-чеченски – сипа) и использовались в быту сельского населения вплоть до конца XX века.

У кабардинцев колыбель, как и мочеотводная трубка, долго хранились в семье и передавалась из поколения в поколение. В тех случаях, когда дети умирали, люлька в дальнейшем не использовалась. По материалам этнографии разных народов известны случаи уничтожения подобных «несчастливых» колыбелей. Так у калмыков, если в семье часто умирали дети, то колыбель сжигали и изготавливали новую [Шараева 2011: 86].

С колыбелью, изготовлением мочеотводной трубки и первым пеленанием ребенка у народов Северного Кавказа до недавнего времени существовал ряд обрядов и обычаев.

Интересно также функциональное назначение железных наконечников стрел, найденных в захоронении младенца на могильнике Заюково-3. Обычно предметы вооружения, входящие в погребальный инвентарь, рассматриваются исследователями как маркер принадлежности к военному «сословию». Но в случае с данным погребением стрелы можно рассматривать не как показатель социального статуса погребенного, а как предмет культа, точнее оберег. Железо представлялось могущественным средством борьбы против различного рода злых сил, дурного глаза, ему приписывалась способность устранять несчастье, даровать благополучие. Поэтому практически у всех народов Кавказа, в частности у кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, в старину появились обычаи и обряды, связанные с почитанием железа [Мамбетов 2006: 96]. Так по представлениям кабардинцев и балкарцев болезнь, тем более смерть ребенка, воспринимались как следствие сглаза или воздействия злых сил. Лучшими средствами для облегчения мук заболевшего ребенка, для ускорения процесса выздоровления и защиты от нечистой силы считались предметы из железа

(кинжал, кусок металла, ножницы) которые помещались в люльке под матрац или подушку. Аналогичные обряды известны и у других народов [Павлова 2011: 168]. Кроме того, зафиксировано обращение жителей Северного Кавказа к помощи железа при исполнении похоронных обрядов. Так, в комнату умирающего клали кусок железа, чтобы разогнать злых духов [Чурсин 1929: 32].

Таким образом, погребение 56 могильника Заюково-3, несмотря на бедность инвентаря, позволяет реконструировать не только культовые практики населения, оставившего некрополь, но и особенность быта, редко фиксируемую в археологическом контексте.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абрамова 1982 – *Абрамова М.П.* Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // Советская археология. – 1982. – № 2. – С. 135-155.

Бернштам 1940 – *Бернштам А.Н.* Кенкольский могильник // Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 11. – Ленинград: Государственный Эрмитаж, 1940. – 35 с.

Виноградов, Мамаев 1984 – *Виноградов В.Б., Мамаев Х.М.* Аланский могильник у села Мартан-Чу в Чечне (Материалы 1970-1976 гг.) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. – Орджоникидзе: СОНИИ, 1984. – С. 62-86.

Голофаст, Добровольская 2018 – *Голофаст Л.А., Добровольская Е.В.* Изделия из кости из раскопок слоев хазарского времени Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т.7. – М.: ИА РАН, 2018. – С. 77-90.

Дзаттиаты и др. 2018 – *Дзаттиаты Р.Г., Успенский П.С., Царикаева (Албегова) З.Х.-М.* Оружие населения Центрального Кавказа VII-X вв. по материалам Даргавского могильника // Кавказ в системе культурных связей в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа». Материалы международной научной конференции / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. – Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2018. – С. 326-330.

Дэвлет 2010 – *Дэвлет М.А.* Могильник Азас I эпохи хунну в Тоджикском кожууне Тувы // Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования. – СПб: ИИМК РАН, СПбГУ, 2010. – С. 165-186.

Кадиева, Демиденко 2017а – *Кадиева А.А., Демиденко С.В.* Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Кабардино-Балкарская республика) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 2. – С. 164-171.

Кадиева, Демиденко 2017б – *Кадиева А.А., Демиденко С.В.* Погребение раннесарматского времени из могильника Заюково-3 (Кабардино-Балкарская республика) // Электронный журнал – Кавказология. – 2017. – №2. – С. 33-40. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-33-40>

Кантемиров, Дзаттиаты 1995 – *Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г.* Тарский катакомбный могильник VIII-IX вв. // Аланы: история и культура. Т. III. – Владикавказ: Северо-осетинский институт гуманитарных исследований, 1995. – С. 259-314.

Крыганов 1989 – *Крыганов А.В.* Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск: ДГУ, 1989. – С. 98-114.

Мамбетов 2006 – *Мамбетов Г.Х.* Из истории культуры и быта кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 2006. – 244 с.

Медникова 2017 – *Медникова М.Б.* Биоархеология детства в контексте раннеземледельческих культур Балкан, Кавказа и Ближнего Востока. – М.: Club Print, 2017. – 223 с.

Павлова 2011 – Павлова О.С. Традиционная северокавказская детская люлька история и современность // Лавровский сборник. Материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-кавказских чтений 2010-2011 гг. Этнология, история, археология, культурология. – СПб: МАЭ РАН, 2011. – С. 167-171.

Уварова 1900 – Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1900. – 381 с.

Хайнрих 1995 – Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественно-Исторического музея) // Аланы: история и культура. Т. III. – Владикавказ: Северо-осетинский институт гуманитарных исследований, 1995. – С. 184-258.

Чеченов 1987 – Чеченов И.М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 г. Т. 3. – Нальчик: Эльбрус, 1987. – С. 40-169.

Чурсин 1929 – Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. – Махачкала: Ассоциация северокавказских горских краеведческих организаций, 1929. – 48 с.

Шараева 2011 – Шараева Т.И. Обряды включения ребенка в социум отца на первом году жизни // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2011. – № 1. – С. 84-88.

REFERENCES

ABRAMOVA M.P. *Novye materialy rannesrednevekovykh mogil'nikov Severnogo Kavkaza* [New materials of early medieval burial grounds of the North Caucasus]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1982. – No. 2. – P. 135-155. (In Russian)

BERNSHTAM A.N. *Kenkol'skii mogil'nik* [Kenkol'skij burial]. IN: *Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological expeditions Of the state Hermitage]. Iss. 11. – Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh, 1940. – 35 p. (In Russian)

CHECHENOV I.M. *Novye materialy i issledovaniya po srednevekovoi arkheologii Tsentral'nogo Kavkaza* [New materials and researches on medieval archeology of the Central Caucasus]. IN: *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972-1979 g.* [Archaeological researches on new buildings of Kabardino-Balkaria in 1972-1979]. Vol. 3. – Nal'chik: El'brus, 1987. – P. 40-169. (In Russian)

CHURSIN G.F. *Amulety i talismany kavkazskikh narodov* [Amulets and talismans of the peoples of Caucas]. – Makhachkala: Assotsiatsiya severokavkazskikh gorskikh kraevedcheskikh organizatsii, 1929. – 48 p. (In Russian)

DEVLET M.A. *Mogil'nik Azas I epokhi khunnu v Todzhikskom kozhuune Tuvy* [Burial Asas I era of the Huns in Tadjikskoi kozhuun of Tuva]. IN: *Pamyatniki kokehl'skoi kul'tury Tuvy: materialy i issledovaniya* [Monuments of kokehl'skoj culture of Tuva: materials and research]. – SPb: IIMK RAN, SPBGU, 2010. – P. 165-186. (In Russian)

DZATTIATY R.G., USPENSKII P.S., TSARIKAEVA (ALBEGOVA) Z.Kh-M. *Oruzhie naseleniya Tsentral'nogo Kavkaza VII-X vv. po materialam Dargavsskogo mogil'nika* [The weapons of the population of the Central Caucasus VII – X centuries on materials Dargavss burial]. IN: *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazei v drevnosti i srednevekov'e. XXX «Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza». Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Caucasus in the system of cultural relations in ancient and medieval times. XXX «Krupnov readings on archeology of the North Caucasus». Proceedings of the international scientific conference] / Ed. by U.Yu. Kochkarov. – Karachaevsk: KChGU im. U.D. Alieva, 2018. – P. 326-330. (In Russian)

GOLOFAST L.A., DOBROVOL'SKAYA E.V. *Izdeliya iz kosti iz raskopok sloev khazarского времени Fanagorii* [Bone products from the excavations of layers of the Khazar time of Phanagoria]. IN: *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy* [Phanagoria. The results of archaeological research]. Vol. 7. – М.: IA RAN, 2018. – P. 77-90. (In Russian)

KADIEVA A.A., DEMIDENKO S.V. *Pogrebenie rannesarmatskogo vremeni iz mogil'nika Zayukovo-3 (Kabardino-Balkarskaya respublika)* [Burial of the early sarmatian time from the Zayukovo-3 burial ground (Kabardino-Balkaria)]. IN: *Elektronnyi zhurnal – Kavkazologiya* [Caucasology]. – 2017. – No. 2. – P. 33-40. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-33-40> (In Russian)

KADIEVA A.A., DEMIDENKO S.V. *Raskopki kompleksa arkheologicheskikh pamyatnikov bliz seleniya Zayukovo (Kabardino-Balkarskaya respublika)* [Excavations of the complex of archaeological monuments near the village Zayukovo (Kabardino-Balkar Republic)]. IN: *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki.* – 2017. – No. 2. – P. 164-171. (In Russian)

KANTEMIROV E.S., DZATTIATY R.G. *Tarskii katakombnyi mogil'nik VIII-IX vv.* [Tarski catacomb burial ground of the VIII-IX centuries]. IN: *Alany: istoriya i kul'tura* [Alans: history and culture]. Vol. III. – Vladikavkaz: Severo-osevskii institut gumanitarnykh issledovaniy, 1995. – P. 259-314. (In Russian)

KHAINRIKH A. *Rannesrednevekovye katakombnye mogil'niki u selenii Chmi i Koban (po materialam Venskogo Estestvenno-Istoricheskogo muzeya)* [Early Medieval catacomb burial grounds near the villages of Chmi and Koban (based on the materials of the Vienna Natural History Museum)]. IN: *Alany: istoriya i kul'tura* [Alans: history and culture]. Vol. III. – Vladikavkaz: Severo-osevskii institut gumanitarnykh issledovaniy, 1995. – P. 184-258. (In Russian)

KRYGANOV A.V. *Vooruzhenie i voisko naseleniya saltovo-mayatskoi kul'tury (po materialam mogil'nikov s obryadom truposozhzheniya)* [Weapons and troops of the population of Saltovo-Mayaki culture (on materials of burial rite of cremation)]. IN: *Problemy arkheologii Podneprov'ya* [Problems of archeology of the Dnieper]. – Dnepropetrovsk: DGU, 1989. – P. 98-114. (In Russian)

MAMBETOV G.Kh. *Iz istorii kul'tury i byta kabardintsev i balkartsev* [From the history of culture and life of Kabardins and Balkars]. – Nal'chik: El'brus, 2006. – 244 p. (In Russian)

MEDNIKOVA M.B. *Bioarkheologiya detstva v kontekste rannezemel'del'cheskikh kul'tur Balkan, Kavkaza i Blizhnego Vostoka* [Bioarchaeology of childhood in the context of early agricultural cultures of the Balkans, the Caucasus and the Middle East]. – M.: Club Print, 2017. – 223 p. (In Russian)

PAVLOVA O.S. *Traditsionnaya severokavkazskaya detskaya lyul'ka istoriya i sovremennost'* [Traditional North Caucasian children's cradle history and modernity]. IN: *Lavrovskii sbornik. Materialy XXXIV i XXXV Sredneaziatsko-kavkazskikh chtenii 2010-2011 gg. Etnologiya, istoriya, arkheologiya, kul'turologiya* [Lavrov's collection. Materials of XXXIV and XXXV of the Central Asian-Caucasus readings 2010-2011, Ethnology, history, archaeology, cultural studies]. – SPb: MAE RAN, 2011. – P. 167-171. (In Russian)

SHARAEVA T.I. *Obryady vklyucheniya rebenka v sotsium ottsa na pervom godu zhizni* [Rites of inclusion of a child in the society of the father at the first year of life]. IN: *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for humanitarian studies RAS]. – 2011. – No. 1. – P. 84-88. (In Russian)

UVAROVA P.S. *Mogil'niki Severnogo Kavkaza* [Burial Grounds of the North Caucasus]. IN: *Materialy po arkheologii Kavkaza* [Materials on archeology of the Caucasus]. Iss. VIII. – M.: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova, 1900. – 381 p. (In Russian)

VINOGRADOV V.B., MAMAIEV Kh.M. *Alanskii mogil'nik u sela Martan-Chu v Chechne (Materialy 1970-1976 gg.)* [Alanian burial ground near the village of Martan-Chu in Chechnya (Materials 1970-1976)]. IN: *Voprosy arkheologii i etnografii Severnoi Osetii* [Questions of archeology and Ethnography of North Ossetia]. – Ordzhonikidze: SONII, 1984. – P. 62-86. (In Russian)

УДК 930

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-51-65

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПОЛИЕВКТОВА В «ТИФЛИССКИЙ ПЕРИОД» ЕГО ЖИЗНИ

Е.Г. МУРАТОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: lena_gm@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается второй, тифлисский, период жизни и деятельности основоположника советского научного кавказоведения М.А. Полиевктова. Этому представителю петербургской школы историков принадлежит большая роль в разыскании и публикации архивных материалов по истории грузино-российских отношений XVI - начала XIX в., а также в исследовании академического кавказоведения XVIII в. М.А. Полиевктовым была предпринята попытка создания научной концепции кавказского вопроса на широком фоне международных отношений. Труды ученого вошли в золотой фонд российского и грузинского кавказоведения. В статье исследованы три основных направления научной деятельности М.А. Полиевктова в «тифлисский период»: археографическое, биобиблиографическое и собственно – научно-исследовательское.

Ключевые слова: М.А. Полиевктов; кавказоведение; источниковедение; историография; архивоведение; археография; русско-кавказские отношения XVI – начала XIX в.

MAIN FIELDS OF MIKHAIL ALEKSANDROVICH POLIYEVKOV'S RESEARCH WORKS IN THE «TIFLIS PERIOD» OF HIS LIFE

E.G. MURATOVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: lena_gm@mail.ru*

Abstract. The second (Tiflis) period of life and works of M.A. Polievktov, the founder of the Russian scientific Caucasus studies, is under consideration in the article. There could be identified three main fields of M.A. Polievktov's scientific works in the "Tiflis period": archeographic, biobibliographic and historical research proper. A lot of credit must be lent to distinguished representative of the Petersburg school of historians, who discovered and published the archival documents pertaining to the history of Georgian-Russian relations in 16th – early 20th centuries. He also explored the development of academic Caucasus studies in the 18th century Europe and Russia. M.A. Polievktov made a fruitful attempt to create scientific conception of the Caucasian question interpreted against the wide background of international relations. The scientist's works belong the golden fund of the Russian and Georgian Caucasus studies.

Key words: M.A. Polievktov; Caucasus studies; archival sources; source study; historiography; archival studies; archaeography; Russian-Caucasian relations in the 16th – early 19th century.

Одно из основных направлений методологических поисков современной мировой историографии сосредоточено в области микроистории. Именно через историю отдельного ученого и «новую биографическую историю» можно наиболее наглядно показать, как самоидентификация личности, личный интерес, индивидуальный рациональный выбор и опыт, а также унаследованные культурные и научные традиции обуславливали поведение ученого в специфических исторических обстоятельствах, определяли области его научного поиска и задавали характер взаимоотношений с профессиональным сообществом и властью. «Речь идет о так называемой персональной истории, основным исследовательским объектом которой являются персональные тексты, а предметом исследования – история одной жизни во всей уникальности и полноте» [Репина 2006]. В этом смысле имя Михаила Александровича Полиевктова пока находится на периферии историографического знания. Между тем, он стоял у истоков советского кавказоведения и оказал значительное влияние не только на развитие исторических исследований в области российско-кавказских отношений, но и складывание советской грузинской исторической школы.

Несмотря на большой вклад в отечественную историческую науку, библиография работ, посвященных этому выдающемуся историку, весьма немногочисленна. Она ограничивается несколькими статьями грузинских авторов, написанными после смерти М.А. Полиевктова и приуроченными к его памятным датам [Цинцадзе 1943; Пайчидзе 1973; Жужунашвили 2003]. При этом понимание той огромной роли, которую он сыграл в развитии кавказоведения, было уже у современников. «Ваше имя впишется... золотыми буквами в нашу историографию, и Ваши труды будут настольными книгами у грузиноведов и тех, кто будет интересоваться исследованием истории отношений России с Кавказом и Востоком», - писал в свое время Михаилу Александровичу Полиевктову известный грузинский ученый, академик Иван Джавахишвили [Тихонов 2011а: 419].

Только в последние годы появились специальные работы, освещающие «тифлисский период» жизни ученого (1920-1942 гг.) и раскрывающие его вклад в изучение истории русско-кавказских отношений и становление культурно-научных традиций [Тихонов 2011а; Сулаберидзе 2012; Максимчик 2014]. Особо значимыми для сохранения и дальнейшего анализа его научного наследия представляются обзоры личного фонда М.А. Полиевктова в Центральном государственном историческом архиве Грузии, содержащие характеристику подготовленных, но неизданных трудов ученого по кавказской тематике, а также публикация его личной переписки [Волкова, Сергеева 2002; Сулаберидзе 2007; Максимчик 2013]. Важно также отметить цифровую выставку «Из Санкт-Петербурга в Нотр-Дам: чудесное путешествие Полиевктова-Николадзе по веку войны и революции», которая была создана совместно с выставкой, проходившей на кафедре редких книг и специальных коллекций библиотеки

университета Нотр-Дам (15 сентября-18 декабря 2012 года). Этот ресурс прекрасно визуализирует и делает доступным для научного анализа ценные коллекции исторических документов и фотоматериалов из семейного архива его жены Полиевктовой-Николадзе [Polievktov...papers], а также представляет архивные источники и результаты исследования профессора этого университета Семёна Ляндреса об участии М.А. Полиевктова в деятельности «Общества по изучению русской революции» (ОИРР), которое занималось сбором материалов об исторических событиях Февральской революции [Lyanres 2013]. По мнению Ляндреса, для изучения политической истории Февральского переворота самой важной секцией ОИРР являлась именно Комиссия опросов Таврического дворца, во главе которой стоял М.А. Полиевктов.

Вместе с тем нельзя не согласиться с оценкой, высказанной современным историком В.В. Тихоновым в одной из его блестящих статей, что до сих пор отсутствует комплексное исследование жизни и научного творчества Михаила Александровича Полиевктова, а его научно-литературное наследие не вписано в более широкий историографический контекст [Тихонов 2011а: 419].

Михаил Александрович Полиевктов (1872-1942) принадлежал к петербургской исторической школе, которая всегда отличалась повышенным вниманием к источниковедению, археографии и методологии конкретно-исторического исследования. Большое влияние на становление Полиевктова как ученого оказал известный специалист в области истории международных отношений Г.В. Форстен. М.А. Полиевктов был одним из тех молодых людей, которых в шутку называли «форстенята». Поэтому неслучайно, что какой бы проблематикой в течение своей жизни не занимался Михаил Александрович, все его научные построения были включены в широкий международный контекст и историю внешней политики России. Также его учителями были выдающиеся историки начала XX века – С.Ф. Платонов и А.С. Лаппо-Данилевский. Они оказали большое влияние на творческую манеру М.А. Полиевктова, отличавшуюся глубокими источниковедческими построениями. После окончания в 1894 г. историко-филологического факультета М.А. Полиевктова оставили для «приготовления к профессорскому званию» при Петербургском университете. С 1903 г. он занимал должность приват-доцента, а с 1918 по 1920 г. – профессора кафедры Русской истории Петербургского университета.

В 1911 году М.А. Полиевктов женился на Русудане Николадзе – дочери известного грузинского ученого, публициста и общественного деятеля Николая Яковлевича Николадзе. Этот союз подтолкнул исследователя к кавказоведческой проблематике и изучению, прежде всего, истории русско-грузинских отношений. В 1920 г. семья Полиевктовых переехала в Тифлис, поскольку оставаться в голодном революционном Петербурге для представителя либеральной исторической школы стало небезопасно. В удостоверении, выданном Народным комиссариатом Просвещения РФ указывалось, что «профессор М.А. Полиевктов командировается на 6 месяцев на Кавказ и Грузию по делам Кавказского историко-археологического института

для изучения племенного состава южного Кавказа» [Polievktov...papers]. Однако ученый задержался там на 22 года. С того времени и до самой смерти Михаил Александрович жил в Грузии, где сначала получил должность профессора в Тифлисском (Тбилисском) университете, а затем работал в Государственном архиве Грузии, занимая высокие исследовательские и административные должности.

Находясь в Тифлисе, Полиевктов сохранил связи со своими петербургскими коллегами и учениками. В одном из писем от 4 октября 1923 г. его бывшая студентка и доверенное лицо Наталья Сергеевна Штакельберг сообщала ему о чистках в родном университете, удалении с кафедр старой профессуры, ограничениях в выборе тем лекций для выдающихся историков, неоднозначном положении «бывших» научных сотрудников и о продолжавшейся дискуссии о бойкоте нового (восстановленного) университета. При этом Н.С. Штакельберг сообщала, что начала составлять альбом из автографов членов кружка «молодых историков» и петербургской профессуры, и просила Полиевктова написать на отдельном листе бумаги что-либо для этого альбома [Polievktov...papers].

Возможно, что именно удаленность Полиевктова от центров академической жизни в Москве и Ленинграде позволила ему избежать сталинских репрессий даже во время «чисток» дореволюционных историков в ходе так называемого «Академического дела» 1929-1931 годов. Более того, обвиненный в 1931 г. в одной из Тбилисских газет как «правый уклонист» и лишенный права заниматься преподавательской деятельностью в вузах, М.А. Полиевктов тогда написал обращение к наркому Просвещения Грузинской ССР и вскоре был восстановлен в должности, получил возможность продолжить преподавание и научные исследования. А его обращение к наркому Просвещения Грузинской ССР от 1931 г. является теперь важным автобиографическим источником, в котором ученый характеризует свой вклад в кавказоведение [Polievktov...papers].

Таким образом, в научной биографии М.А. Полиевктова выделяются два периода: петербургский и тифлисский. Михаил Александрович Полиевктов умер в Грузии 21 декабря 1942 г., оставив значительное научное наследие, кавказоведческая часть которого и составляет предмет данной статьи.

За тифлисский период своей жизни М.А. Полиевктов издал около 10 работ. Можно обозначить три основных направления его научной деятельности в это время: во-первых, археографическое, во-вторых, библиографическое и, в третьих, собственно – научно-исследовательское.

Первое из них было обусловлено принадлежностью к петербургской исторической школе, отличавшейся приверженностью к источнику, источниковедению и археографии [Милуков 1990: 161-162]. Привлеченный еще в 1918 г. советской властью к архивному строительству, как специалист, имеющий большой опыт в этом деле, М.А. Полиевктов, по его собственному выражению, «немало потрудился для организации архивного дела» в Грузии. Весьма пригодились исследователю и ранние ценнейшие наработки в архивах Германии, Австрии и Италии, куда, по его оценке, «не заглядывал до сих пор

глаз ни одного из современных историков Грузии, и где хранится интереснейший материал по истории стран Кавказа». При этом М.А. Полиевктов «сосредоточил свое внимание на проблеме капиталистического внедрения русского капитализма в Закавказье, и сопредельные с этой проблемой вопросы социально-экономической и революционной истории Грузии». Еще в 1924 г. он первый обратил внимание местных историков на хранящиеся в грузинском архиве материалы по восстанию 1820 года в Имеретии, Гурии и Мингрелии. А в 1927 г. Центрархив ССР Грузии, находившийся в то время в ведении Главнауки Наркомпроса, поручил М.А. Полиевктову обследовать хранящиеся в Ленинградских архивах материалы по истории «заговора 1832 года в Грузии», в результате чего эти чрезвычайно важные для истории общественного движения в Грузии материалы были доставлены в Тифлис и стали доступны для грузинской советской исторической науки» [Polievktov...papers].

Продолжая лучшие традиции дореволюционных ученых – С. Белокурова, М. Броссе, А. Цагарели, внесших большой вклад в выявление и публикацию источников по истории русско-кавказских отношений, М.А. Полиевктов восполнил те пробелы, которые имелись в документальных публикациях предшественников и поднял археографическую работу на новый качественный уровень. Он впервые ввел в научный оборот ряд архивных материалов Посольского приказа. Здесь, прежде всего, следует назвать статейные списки и другую делопроизводственную документацию, отразившую дипломатическую миссию стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650-1652 гг. [Посольство...1926], а также посольские материалы князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию в 1640-1643 гг. [Посольство...1928]. Без этих ценнейших материалов по истории грузино-русских взаимоотношений, опубликованных М.А. Полиевктовым во второй половине 20-х гг. XX в., было бы невозможно построение истории Грузии XVII века.

Еще одна документальная публикация М.А. Полиевктова «Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений, 1615-1640» была посвящена посольствам Веревкина, Харитона, Феодосия, Никифора, Гегенева, Волконского и отразила состояние грузино-московских связей в первые десятилетия XVII в. [Материалы...1937]. Это издание демонстрирует глубокие архивоведческие изыскания и профессионально выполненную подготовительную работу, о чем свидетельствует специальное археографическое введение, а также включенные в текст документов замечания издателя и легенды, сопровождающие каждую публикацию.

Что касается анализа состояния русско-кавказских отношений в XVII в. и оценки всей внешней политики России, представленного составителем в предисловий ко всем публикациям документов Посольского приказа, то М.А. Полиевктов в концептуальном смысле следовал официально принятым в 1920-30-е гг. методологическим и идеологическим установкам [Тихонов 2011b: 80]. Он отмечал, что регулярные дипломатические связи между раздробленной Грузией и Московским царством возникают уже в конце XVI в. Данный период времени характеризуется опасностью захвата грузинских территорий со

стороны Османской империи, а также Иранского царства. По мнению историка, интерес к грузинским делам со стороны России возник в период завоевательных процессов в середине XVI в., когда русское население стало проникать на Северный Кавказ, тем самым определив его зоной интересов московского государства. С этого времени в систему внешней политики Москвы был включен «кавказский вопрос» [Посольство...1928: 13-21]. Полиевктов М.А. сделал заключение, что XVII в. характеризуется преобладанием политических мотивов в русско-грузинских взаимоотношениях, и это было связано с осознанием московским правительством значительной роли Кавказа в международной торговле.

Второе направление научной деятельности М.А. Полиевктова в «тифлисский период» можно обозначить как «биобиблиографическое». Здесь, прежде всего, надо подчеркнуть, что он внес большой вклад в источниковедческую разработку известий европейских авторов, посетивших Кавказ в средние века и новое время. М. А. Полиевктов выделил ряд важных вопросов, на которые необходимо обратить внимание при работе с этими материалами. Прежде всего, важно уяснить, с какой целью попадали европейские авторы на Кавказ, какие конкретные задачи они решали во время своего путешествия, с какими слоями местного населения входили в соприкосновение, в каком виде дошло до нас сообщение того или иного автора, сохранились ли и где находятся материалы, принадлежащие данному путешественнику – его рукописи, коллекции, рисунки, на основании чего можно было бы проверить опубликованное.

Решению этих источниковедческих задач во много способствовали справочные издания, подготовленные М.А. Полиевктовым. В одном из них он охватил европейских авторов XIII-XVIII в., побывавших на Кавказе и оставивших сообщения о своем здесь пребывании [Полиевктов 1935b]. В этом издании весь материал разбит М.А. Полиевктовым по двум алфавитам: русскому и латинскому. В каждой отдельной статье сообщаются биографические данные о самом авторе и обрисовываются те исторические условия, в которых проходило его путешествие. Далее указываются даты пребывания данного лица на Кавказе, его маршрут, краткая аннотация его сообщений. Каждая статья снабжена соответствующей библиографией, при этом выделены: 1) публикации сообщений данного путешественника; 2) издания, в которых можно найти биографические сведения о нем; 3) исследования, специально посвященные этому путешественнику; 4) указания на местонахождение оригинальных материалов. Свое важное значение эта публикация М.А. Полиевктова сохранила и по сей день.

Известный кавказовед А.Н. Генко в своем письме к М.А. Полиевктову от 26 декабря 1934 г., написанном в связи с рецензированием его труда «Европейские путешественники по Кавказу XIII-XVIII вв.», подчеркнул важность предпринятой им работы. При этом А.Н. Генко дополнил список представленных в справочнике Полиевктова источников работами европейских путешественников, многие из которых в те годы были еще не известны в отечественном источниковедении: среди них немецкий врач Дрешер (XVII в.),

швед Бреннер (конец XVII в.), немцы на русской службе - Штедер и Штелин (XVIII в.). Рекомендуемый Полиевктову список источников Генко также дополнил трудами молдаванина Кантемира (XVIII в.), дневником анонимного спутника Адама Олеария (XVII в.), дневником майора Татарова (XVIII в.) и другими материалами. Заключая свое письмо-рецензию Полиевктову, А.Н. Генко пишет: «К сожалению... я не в состоянии пока что в степени большей послужить своим ответом Вам и Вашему труду, выход в свет которого искренне приветствую и значительный труд, затраченный на соби́рание разрозненных материалов, думаю, могу оценить по достоинству в полной мере, поскольку сам занимался почти аналогичной работой довольно много» [Волкова, Сергеева 2002: 119-121].

Другая библиографическая работа М.А. Полиевктова также носит справочный характер и примыкает к вышеуказанному изданию, являясь его хронологическим продолжением. В ней систематизированы сведения о европейских путешественниках, побывавших на Кавказе в первой трети XIX в. [Полиевктов 1946]. Как и в предыдущем сборнике М.А. Полиевктова снабдил каждую статью соответствующей библиографией.

Огромная подготовительная работа по систематизации имеющейся в научной литературе и архивохранилищах информации о всех тех, кто изучал Кавказский регион и оставил о нем свои труды, позволили М.А. Полиевктову уже в 1935 г. представить обзор академического кавказоведения XVIII в. [Полиевктов 1935а]. При этом исследователь дополнил его глубокой источниковедческой проработкой отдельных сюжетов. Так, например, в работе, посвященной 200-летию основания Российской Академии, М.А. Полиевктов опубликовал архивные данные о смерти на Кавказе академика Самуила-Готлиба-Георга Гмелина [Полиевктов 1925]. А при источниковедческом анализе сочинений Иоганна-Густава Гербера высказал предположение, что Гербер также является автором составленной в 1733 г. записки о хозяйственном освоении прикаспийских областей Кавказа [Полиевктов 1937]. Кроме того, в 1941 г. М.А. Полиевктов осуществил подробный источниковедческий анализ труда другого академического исследователя Кавказа XVIII в. – И.-А. Гильденштедта [Колесникова 2011: 171].

И наконец, третий вектор научной деятельности М.А. Полиевктова в «тифлисский» период его жизни был направлен на конкретно-историческое исследование и теоретическое осмысление как крупных кавказоведческих проблем, так и специальных вопросов краеведческого характера.

С учетом сложности и неоднозначности исторического контекста 1920-1930-х гг. Полиевктов сосредоточился на изучении истории XVI-XVII вв. Ему приходилось активно осваивать марксистское учение и применять новые для него постулаты классового подхода к разработке кавказоведческой проблематики. Работа М.А. Полиевктова «Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе» была посвящена рассмотрению русских посольств на Кавказ, в которых Грузия занимала центральное место. Интерес к Кавказу со стороны России ученый связывал с завершением колонизации Поволжья и растущими интересами московского

торгового капитала в южном направлении. Проведенные разведки показали, что для торговых сношений и военных операций был доступен лишь Восточный Кавказ. А непосредственный подступ с севера к западной половине Закавказья был возможен в то время только со стороны Черного моря и Черноморского побережья, которые держала в своих руках Турция. Поэтому, по мнению Полиевктова, овладеть Западным Кавказом было возможно лишь в связи с разрешением черноморского вопроса. Эти обстоятельства и определяли кавказскую политику Москвы в XVII в. Кроме того русскими посольствами были не только изучены и проверены все транскавказские маршруты, но и подробно описаны те области Закавказья, где им пришлось побывать. Эти изыскания значительно расширили географические пределы сведений московского правительства о Кавказе [Полиевктов 1932: 42].

Кроме того введенные М.А. Полиевктовым в научный оборот материалы частной переписки северокавказских владельцев, адресованной служившим в Москве Черкасским, позволяют судить о связях с представителями этого рода, об участии последних в политической жизни русского общества и их влиянии на ход северокавказских событий XVII в. [Полиевктов 1935с].

По мнению специалистов, в личном фонде М.А. Полиевктова в Центральном государственном историческом архиве Грузии (фонд № 1505) сосредоточен обширный материал, раскрывающий его видение проблемы Кавказа во внешней политике России. Без привлечения и осмысления этого наследия невозможно определение подлинного места М.А. Полиевктова в довоенной советской историографии.

Так, например, в неопубликованной работе «Экспансия русского царизма на Кавказ до конца XVIII века» М.А. Полиевктов отмечал, что в современной концепции истории России и Кавказа эта тема не раскрыта. Он писал, что исследователи в основной своей массе сосредоточились на периоде открытого завоевания Кавказа, то есть на XIX в., а предшествующий, длительный период со второй половины XVI в. и до конца XVIII в., когда в этом направлении делались только первые шаги, остается все еще мало изученным. В этой связи историк настаивал на том, что «между подготовкой наступления на Кавказ и реализацией этой цели нет разрывов» [Максимчик 2017: 86]. И как было показано выше, своей плодотворной научной работой М.А. Полиевктов сделал очень много, чтобы ликвидировать этот пробел.

В 1940 г. М.А. Полиевктовым была подготовлена итоговая работа «Очерк по истории русского кавказоведения XVI–XVIII вв.», также оставшаяся в рукописи. Она опирается на огромный материал собранный ученым в научных командировках в Москву и Ленинград с 1926 по 1939 гг. В этой работе М.А. Полиевктов представил свою периодизацию продвижения России на Кавказ, в которой выделил три этапа: 1) XVI–XVII вв. –подготовительный период наступления русского царизма на Кавказ, когда регион находился в системе Балтийского вопроса; 2) первая половина XVIII до последней четверти XVIII в. – период открытого наступления России на Кавказ, когда регион находился в системе Восточного вопроса; 3) начало XIX в. – второй период открытого наступления России на Кавказ [Максимчик 2017: 86].

При этом М.А. Полиевктов выявил закономерности внутреннего и внешнеполитического развития России с XVI до середины XIX в.; пришел к выводу о взаимосвязи тенденций развития внутренней и внешней политики и переключении вектора с балтийского направления на черноморское и каспийское. По заключению Ю.С. Сулаберидзе, основу концепции М.А. Полиевктова составляет положение о том, что Россия выполняет роль европейско-азиатского транзита. Исследователь утверждает: «Вот это нужно иметь прежде всего в виду, говоря о такой тесной увязке в XVI-XVIII веках северо-западной европейской и юго-восточной азиатской политики России и о той роли, которую в этой увязке играет балтийской-волжско-каспийский путь» [Сулаберидзе 2007: 74]. Сегодня эти положения звучат более чем актуально. Даже само название неопубликованных рукописей Полиевктова: «Россия и Кавказ как проблема истории русской внешней политики», «Очерк колонизации на Кавказе» свидетельствует о том, что ученый подошел к изложению политической истории Кавказа с геополитических позиций, включив «кавказский вопрос» в сложную систему международных связей и отношений. Во внимание принимались как территориальные, так и содержательные аспекты политики России на Кавказе. Так, в историографических обзорах диссертаций последних десятилетий, посвященных исследованию восточной политики России в первой половине XVIII в., практически дословно повторяются оценки о том, что например, в работе Зевакина и Полиевктова [Зевакин, Полиевктов 1933] содержится почти неиспользованный фактический материал о политике России в Прикаспийских областях западного побережья, в частности о проектах изучения и хозяйственного освоения этих областей в интересах развивающейся российской промышленности.

Еще одна работа М.А. Полиевктова – «Старый Тифлис в известиях современников», написанная в соавторстве с Г. Натадзе, вышла в 1929 году [Полиевктов, Натадзе 1929]. В книге впервые были собраны все известные на тот момент описания Тифлиса в древности и новое время, в результате чего была создана твердая документальная база для его дальнейшего изучения. По существу, это была хрестоматия по истории города. Работа носила краеведческий характер и хорошо вписываясь в широкое общесоюзное краеведческое движение, характерное для 1920-х гг.

В своем очерке, предваряющем публикацию источников, Тифлис рассматривается Полиевктовым как важный торговый пункт, находящийся на перекрестке дорог, имеющий определяющее геополитическое значение в Кавказском регионе. Активизацию внимания европейских государств к кавказскому региону историк связывал с развитием торговли в Европе, начиная с XIII в. В ответ на наступление европейской науки, по мнению Полиевктова, в самой Грузии в эпоху ее политического упадка (XVII–XVIII вв.) начинается новый культурный подъем и зарождение грузинской науки. Описание Тифлиса в «Географии Грузии» царевича Вахушти является тому подтверждением. Еще более глубокие трансформации городского пространства можно обнаружить в описаниях Тифлиса первой половины XIX в., когда Грузия утрачивает свою

политическую самостоятельность, входит в состав Российской империи и «одновременно с этим, через Россию, Грузия снова втягивается в европейский товарооборот и воспринимает новые общественные культурные формы» и «на смену старому приходит новый, буржуазный Тифлис». Таким образом отражается смена веков в описаниях старого Тифлиса» [Полиевктов, Натадзе 1929: VI–XVI].

Последней работой М.А. Полиевктова стала брошюра «Новые данные о московских художниках XVI–XVII вв. в Грузии», изданная в 1941 г., в которой ученый убедительно показал, что посылка мастеров церковного дела входила в общую программу политики Московского государства в юго-восточном направлении. Иконописцы и ремесленники направлялись в Грузию вместе с иконами, церковной утварью и церковным облачением, но занимались там не только искусством, а одновременно являлись проводниками московской политики в регионе [Полиевктов 1941: 21].

Таким образом, в 1920-30-е гг. в работах М.А. Полиевктова нашли отражение многие аспекты русско-кавказских отношений: вопросы внешней политики, экономического сотрудничества, культурного и научного взаимодействия.

Представляется необходимым включение кавказоведческих работ М.А. Полиевктова в широкий историографический дискурс. Поскольку во многом идеи, озвученные М.А. Полиевктовым в своих исследованиях, остались малоизвестными, а «в последующем были озвучены другими специалистами» по истории русско-кавказских отношений [Максимчик 2017: 86]. Часть же сделанного тогда, но основательно забытого, в наши дни вновь актуализируется и начинает разрабатываться как «новое», перспективное научное направление. Также весьма важным является изучение и издание подготовленных ученым рукописных материалов и неоконченных научных работ, хранящихся в различных архивных собраниях.

В целом можно заключить, что на 1920-1930-е гг. приходится становление советского кавказоведения, историю которого нельзя представить в отрыве от интеллектуального наследия, оставленного дореволюционными исследователями. Советскому кавказоведению удалось сохранить преемственность и лучшие традиции отечественного дореволюционного кавказоведения, и в этом большая заслуга принадлежит М.А. Полиевктову. В его работах впервые ставились те вопросы, которые во многом определили развитие кавказоведческих исследований в последующий период. Безусловно, многие проблемы рассматривались им в русле господствовавших в то время исторических концепций (в частности, официально признанной теории торгового капитализма М.Н. Покровского) и в угоду требованиям существующего политического режима, но научная ценность проведенных Михаилом Александровичем Полиевктовым исследований и источниковедческих разысканий не вызывает сомнений. Результаты трех основных направлений его научной деятельности в «тифлисский период» – археографического, библиографического и научно-исследовательского, –

образовали тот мощный фундамент, на котором в том числе строится современное кавказоведение.

ЛИТЕРАТУРА

Волкова, Сергеева 2002 – *Волкова Н.Г., Сергеева Г.А.* Трагические страницы кавказоведения: А.Н. Генко // Репрессированные этнографы. – Вып. 1. – М.: Вост. лит., 2002. – С. 101–133.

Жужунашвили 2003 – *Жужунашвили Г.* Тепло и любовь, привезенные из Петрограда в Тбилиси: (Памяти профессора М. А. Полиевктова) // Грузино-российские научно-культурные связи в истории Санкт-Петербурга: [Сборник материалов и документов, биографический справочник] / Ред.-сост. Парцвания-Чараия Вахушти Важаевич. – СПб.: Logos, 2003. – С. 385–391.

Зевакин, Полиевктов 1933 – *Зевакин Е.С., Полиевктов М.А.* К истории Прикаспийского вопроса. – Тифлис: ЗакГиз, 1933. – 41 с.

Колесникова 2011 – *Колесникова М.Е.* Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – 496 с.

Максимчик 2013 – *Максимчик А.Н.* Роль и место Кавказа во внешней политике России (по материалам неопубликованных работ профессора М.А. Полиевктова) // Проблемы джерелознавства, історіографії та історії Сходу: матеріали Міжнарод. наук. конф., присвяченої 90-річчю зі дня народження професора В. М. Бейліса (15-16 травня 2013 року, м. Луганськ) / під ред. М. С. Бурьяна. – Луганськ, 2013. – С. 137-142.

Максимчик 2014 – *Максимчик А.Н.* Тифлисский период жизни и деятельности историка-архивиста М.А. Полиевктова // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов IV международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио–2014». – М.: РОССПЭН, 2014. – С. 252-258.

Максимчик 2017 – *Максимчик А.Н.* Историко-партийные концепции присоединения Северного Кавказа к России в советской исторической науке 1920-х – начала 1940-х гг. // Кавказология. – 2017. – № 3. – С. 76-96. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-3-76-96>

Материалы...1937 – *Материалы* по истории грузино-русских взаимоотношений, 1615-1640: документы / Подгот. и предисл. снабдил М. Полиевктов. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1937. – XXXIV, 483 с.

Милюков 1990 – *Милюков П.Н.* Воспоминания. – Т.1. – М.: Современник, 1990. – 445 с.

Пайчидзе 1973 – *Пайчидзе Г.Г.* К столетию со дня рождения М.А. Полиевктова // Вопросы истории внешней политики грузинских феодальных государств. – Вып. 2. – Тбилиси, 1973. – С. 216-228.

Полиевктов 1925 – *Полиевктов М.А.* Архивные данные о смерти на Кавказе академика Самуила-Готлиба-Георга Гмелина (младшего) // Известия Кавказского историко-археологического института. – Т. 3. – Тифлис, 1925. – С. 133-156.

Полиевктов 1932 – *Полиевктов М.А.* Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказ. – Тифлис: Науч.-исслед. ин-т Кавказоведения Акад. наук СССР, 1932. – 54 с.

Полиевктов 1935а – *Полиевктов М.А.* Из истории русского академического кавказоведения XVIII века. // Известия Академии наук СССР. – Сер. 7: Отд. общественных наук. – М.; Л., 1935. – № 8. – С. 759-774.

Полиевктов 1935b – *Полиевктов М.А.* Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. – Тифлис: 1-я тип. Сахелгани, 1935. – 221 с.

Полиевктов 1935с – *Полиевктов М.А.* Из переписки северокавказских феодалов XVII в. // Академия наук – академику Н.Я. Марру. – М.-Л.: АН СССР, 1935. – С. 745-755.

Полиевктов 1937 – *Полиевктов М.А.* Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией прикаспийских областей Кавказа // *Материалы по истории Грузии и Кавказа.* – Вып.4. – Тифлис, 1937. – С. 245-290.

Полиевктов 1941 – *Полиевктов М.А.* Новые данные о московских художниках XVI – XVII вв. в Грузии. – Тбилиси: Музей Метехи, 1941. – 22 с.

Полиевктов 1946 – *Полиевктов М.А.* Европейские путешественники по Кавказу, 1800-1830 гг. – Тбилиси, 1946. – 152 с.

Полиевктов, Натадзе 1929 – *Полиевктов М.А., Натадзе Г.* Старый Тифлис в известиях современников. – Тифлис: Госиздат Грузии, 1929. – 102 с.

Посольство...1926 – *Посольство* стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650-1652 / док. изд. и введ. снабдил М. Полиевктов. – Тифлис: изд. Тифлис. ун-та, 1926. – 230 с.

Посольство...1928 – *Посольство* князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640-1643 : документы / изд. и введ. снабдил М. Полиевктов. – Тифлис: Тифлис. ун-т, 1928. – 208 с.

Репина 2006 – *Репина Л.П.* История исторического знания: пособие для вузов / А. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2006. – 288 с.

Сулаберидзе 2007 – *Сулаберидзе Ю.С.* М.А. Полиевктов и его личный фонд в Центральном государственном историческом архиве Грузии // *Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали.* – СПб.: Изд-во: Нестор-История, 2007. – С.69-76.

Сулаберидзе 2012 – *Сулаберидзе Ю.С.* Роль М.А. Полиевктова в развитии российско-грузинских культурно-научных традиций // *Клио.* – 2012. – № 8 (68). – С. 125-129.

Тихонов 2011a – *Тихонов В.В.* «Не считайте меня изменником русской исторической науки...»: М.А. Полиевктов – историк русско-грузинских взаимоотношений // *Россия – Грузия: альтернатива конфронтации – созидание...* / Сост. и рук. коллектива д.и.н., профессор Бугай Н.Ф. – М.: Институт российской истории РАН, 2011. – С. 419-435.

Тихонов 2011b – *Тихонов В.В.* М.А. Полиевктов как кавказовед // *История народов России в исследованиях и документах.* – Вып. 5. *Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений.* Москва, 24 ноября 2009 г. – М., 2011. – С. 73-82.

Цинцадзе 1943 – *Цинцадзе И.,* Профессор М. Полиевктов // *Труды Тбилисского университета.* – 1943. – Т. 25 (статья на грузинском языке, список трудов на русском).

Lyanres 2013 – *Lyanres S. M. A. Polievktov and the First Oral Histories of the February Revolution // Lyanres S. The Fall of Tsarism.* – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 5-42.

Polievktov...papers – *M.A. Polievktov papers. Rare Books and Special Collections Department Hesburgh Libraries. University of Notre Dame. [Digital exhibits]. URL: <http://rarebooks.library.nd.edu/exhibits/polievktov/ssrr.shtml>*

REFERENCES

KOLESNIKOVA M.E. *Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditsiya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka.* [North Caucasian historiographic tradition: the second half of the XVIII – early XX century]. – Stavropol: SGU publ., 2011. – 496 p. (In Russian)

LYANRES S. M.A. Polievktov and the First Oral Histories of the February Revolution // *Lyanres S. The Fall of Tsarism.* – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 5-42.

MAKSIMCHIK A.N. *Istoriko-partiynnye kontseptsii prisoedineniya Severnogo Kavkaza k Rossii v sovetskoy istoricheskoy nauke 1920-h – nachala 1940-h gg.* [Historical-political conceptions of the North Caucasus accession to Russia in the soviet historiography from the 1920-s to the beginnings of the 1940-s]. IN: *Elektronnyi zhurnal – Kavkazologiya [Caucasology].* – 2017. – No. 3. – P. 76-96. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-3-76-96> (In Russian)

MAKSIMCHIK A.N. *Rol i mesto Kavkaza vo vneshney politike Rossii (po materialam*

neopublikovannyih rabot professora M.A. Polievktova) [The role and place of the Caucasus in Russia's foreign policy (based on the unpublished works of Professor M.A. Polievktov)]. IN: *Problemi dжереleznostva, istoriografii ta istorii Shodu: materiali Mijnarod. nauk. konf., prisvyachenoj 90-richchyu zi dnya narodjennya profesora V. M. Beylisa (15-16 travnya 2013 roku, m. Lugansk)* [Problems of Source Studies, Historiography and East History: International Materials. sciences conference devoted to the 90th anniversary of the birth of Professor V.M. Beilis (May 15-16, 2013, Luhansk)]. – Lugansk, 2013. – P. 137-142. (In Russian)

MAKSIMCHIK A.N. *Tiflisskiy period jizni i deyatelnosti istorika-arhivista M.A. Polievktova* [Tiflis period of life and activities of the historian-archivist M.A. Polievktov]. IN: *Istoricheskie dokumenty i aktualnyie problemyi arheografii, istochnikovedeniya, rossiyskoy i vseobschey istorii novogo i noveyshego vremeni. Sbornik materialov IV mejdunarodnoy konferentsii molodyih uchenyih i spetsialistov «Klio–2014»* [Historical documents and actual problems of archeography, source study, Russian and general history of new and modern times: Collection of materials of the IV International Conference of Young Scientists and Specialists "Cleo-2014"]. – M.: ROSSPEN, 2014. – P. 252-258. (In Russian)

Materialy po istorii gruzino-russkikh vzaimootnosheniy, 1615-1640: dokumenty / podgot. i predisl. snabdil M. Polievktov [Materials on the history of Georgian-Russian relations, 1615-1640: documents / preparation by M. Polyievktov]. – Tbilisi: Izd-vo Tbilis. gos. un-ta, 1937. – XXXIV, 483 p. (In Russian)

MILYUKOV P.N. *Vospominaniya* [Memories]. – Vol. 1. – M.: Sovremennik, 1990. – 445 p. (In Russian)

PAYCHIDZE G.G. *K stoletiyu so dnya rozhdeniya M.A. Polievktova* [On the centenary of the birth of M.A. Polievktov]. IN: *Voprosy istorii vneshney politiki gruzinskikh feodal'nykh gosudarstv* [Questions of the history of foreign policy of the Georgian feudal states]. – Issue 2. – Tbilisi, 1973. – P. 216-228. (In Russian)

POLIEVKTOV M., NATADZE N. *Staryj Tiflis v izvestiyakh sovremennikov* [Old Tiflis in the intelligence of contemporaries]. – Tiflis: Gosizdat Gruzii, 1929. – 102 p. (In Russian)

POLIEVKTOV M.A. *Arkhivnyye dannyye o smerti na Kavkaze akademika Samuila-Gotliba-Georga Gmelina (mladshego)* [Archival data on the death of Academician Samuil-Gotlib-Georg Gmelin (junior) in the Caucasus]. IN: *Izvestiya Kavkazskogo istoriko-arkheologicheskogo instituta* [Proceedings of the Caucasian Historical and Archaeological Institute]. – Vol. 3. – Tiflis, 1925. – P. 133-156. (In Russian)

POLIEVKTOV M.A. *Ekonomicheskie i politicheskie razvedki Moskovskogo gosudarstva XVII v. na Kavkaz* [Economic and political intelligence of the Moscow state of the XVII century to the Caucasus]. – Tiflis: Nauch.-issled. in-t Kavkazovedeniya Akad. nauk SSSR, 1932. – 54 p. (In Russian)

POLIEVKTOV M.A. *Evropejskie puteshestvenniki po Kavkazu, 1800-1830 gg.* [European travelers in the Caucasus, 1800-1830]. – Tbilisi, 1946. – 152 p. (In Russian)

POLIEVKTOV M.A. *Evropejskie puteshestvenniki XIII-XVIII vv. po Kavkazu* [European travellers of XIII-XVIII centuries in the Caucasus]. – Tiflis: Sahelgani, 1935. – 221 p. (In Russian)

POLIEVKTOV M.A. *Iz istorii russkogo akademicheskogo kavkazovedeniya XVIII veka* [From the history of the Russian academic Caucasus studies of the XVIII century]. IN: *Izvestiya Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences]. Ser. 7: Dep. social sciences. – M.; L., 1935. – No. 8. – P. 759-774. (In Russian)

POLIEVKTOV M.A. *Iz perezpiski severokavkazskikh feodalov XVII v.* [From the correspondence of the North-Caucasian feudal lords of the 17th century]. IN: *Akademiya nauk – akademiku N.Ya. Marru* [Academy of Sciences – Academician N.Ya. Marr]. – M.-L.: AN SSSR, 1935. – P. 745-755. (In Russian)

POLIEVKTOV M.A. *Novye dannyye o moskovskikh khudozhnikakh XVI-XVII vv. v Gruzii* [New data on Moscow artists of the 16th – 17th centuries in Georgia]. – Tbilisi: Muzej Metekhi, 1941. – 22 p. (In Russian)

POLIEVKTOV M.A. *Proekt khozyajstvennoj ehkspluatatsii okkupirovannykh v XVIII v. Rossiej prikaspijskikh oblastej Kavkaza* [The project of economic exploitation of the occupied Caspian littoral regions in the XVIII century by Russia]. IN: *Materialy po istorii Gruzii i Kavkaza* [Materials on the history of Georgia and the Caucasus]. – Issue 4. – Tiflis, 1937. – P. 245-290. (In Russian)

Polievktov papers. Rare Books and Special Collections Department. Hesburgh Libraries. University of Notre Dame. [Digital exhibits]. URL: <http://rarebooks.library.nd.edu/exhibits/polievktov/ssrr.shtml>

Posol'stvo knyazya Myshetskogo i d'yaka Klyuchareva v Kakhetiye, 1640-1643 : dokumenty / izd. i vved. snabdil M. Polievktov [Embassy of the prince Myshetsky and the priest Klyucharev in Kaheti, 1650-1652 / Edited by M. Polievktov]. – Tiflis: izd. Tiflis. un-ta, 1928. – 208 p. (In Russian)

Posol'stvo stol'nika Tolochanova i d'yaka Ievleva v Imeretiju, 1650–1652 / dok. izd. i vved. snabdil M. Polievktov [Embassy of the clerk Tolochanov and the priest Ivlev in Imereti, 1650-1652 / Edited by M. Polievktov]. – Tiflis: izd. Tiflis. un-ta, 1926. – 230 p. (In Russian)

REPINA L.P. *Istoriya istoricheskogo znaniya: posobie dlya vuzov* [History of Historical Knowledge: A Handbook for Universities]. – 2-e izd., stereotip. – M.: Drofa, 2006. – 288 p. (In Russian)

SULABERIDZE YU.S. M.A. *Polievktov i ego lichnyj fond v Tsentral'nom gosudarstvennom istoricheskom arkhive Gruzii* [Polievktov and his personal fund in the Central State Historical Archives of Georgia]. IN: *Otechestvennaya istoriya i istoricheskaya mysl' v Rossii XIX–XX vekov: Sbornik statej k 75-letiyu Alekseya Nikolaevicha TSamutali* [Domestic history and historical thought in Russia of the XIX-XX centuries: Collection of articles dedicated to the 75th birthday of Aleksey Tsamutali]. – SPb.: Izd-vo Nestor-Istoriya, 2007. – P.69-76. (In Russian)

SULABERIDZE YU.S. Rol' M.A. Polievktova v razvitanii rossijsko-gruzinskikh kul'turno-nauchnykh traditsij [The role of M.A. Polievktov in the development of Russian-Georgian cultural and scientific traditions]. IN: *Clio*. – 2012. – No. 8 (68). – P. 125-129. (In Russian)

TIKHONOV V.V. «*Ne schitajte menya izmennikom russkoj istoricheskoy nauki...*»: M.A. Polievktov – istorik russko-gruzinskikh vzaimootnoshenij ["Do not consider me a traitor to Russian historical science ...": MA. Polievktov – historian of Russian-Georgian relations]. IN: *Rossiya – Gruzija: al'ternativa konfrontatsii - sozidanie... / Sost. i ruk. kollektiva d.i.n., professor Bugaj N.F.* [Russia-Georgia: alternative to confrontation – creation ... / Comp. N.F. Bugai] – M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 2011. – P. 419-435. (In Russian)

TIKHONOV V.V. *M.A. Polievktov kak kavkazoved* [M.A. Polievktov as a Caucasian researcher]. IN: *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh*. – Vyp. 5. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Rossiya na Kavkaze: tri veka politicheskoy istorii», posvyashhennoj 260-letiyu ustanovleniya rossijsko-osetinskikh otnoshenij. Moskva, 24 noyabrya 2009 g.* [The history of the peoples of Russia in the researches and documents. – Iss. 5. Materials of the scientific and practical conference «Russia in the Caucasus: Three Centuries of Political History», dedicated to the 260th anniversary of the establishment of Russian-Ossetian relations. Moscow, November 24, 2009]. – M., 2011. – P. 73-82. (In Russian)

TSINTSADZE I. *Professor M. Polievktov* [Professor M. Polievktov]. IN: *Trudy Tbilisskogo universiteta* [Proceedings of the Tbilisi University]. – 1943. – Vol. 25. (Article – in the Georgian language, the list of works in – Russian).

VOLKOVA N.G., SERGEEVA G.A. *Tragicheskie stranitsy kavkazovedeniya: A.N. Genko* [Tragic pages of Caucasus Studies: A.N. Genko]. IN: *Repressirovannyye ehtnografy*. – Issue 1. – M.: Vost. lit. publ., 2002. – P. 101–133. (In Russian)

ZEVAKIN E.S., POLIEVKTOV M.A. *K istorii Prikaspiyskogo voprosa* [To the history of the Caspian question]. – Tiflis: ZakGiz, 1933. – 41 p. (In Russian)

ZHUZHUNASHVILI G. *Teplota i lyubov', privezennye iz Petrograda v Tbilisi: (Pamyati professora M. A. Polievktova)* [Warmth and love brought from Petrograd to Tbilisi: (In memory of Professor M.A. Polievktov)]. IN: *Gruzino-rossijskie nauchno-kul'turnye svyazi v istorii Sankt-*

Peterburga: Sbornik materialov i dokumentov, biograficheskij spravocnik / Red.-sost. Partsvaniya-Charaiya Vakhushti Vazhaevich [Georgian-Russian scientific and cultural ties in the history of St. Petersburg: Collection of materials and documents, biographical reference book / Edit.-Comp. V.V. Partsvaniya-Charaiya]. – SPb.: Logos, 2003. – P. 385-391. (In Russian)

УДК 93/94 (470.631)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-66-81

ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА СЕМЬИ У АБАЗИН

М.Ю. КАМБАЧОКОВА

*ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: kambachokova@yandex.ru*

Аннотация. В работе представлен сопоставительный анализ традиционного и современного состояния института семьи, становления и развития семьи и соционормативной культуры абхазо-адыгов на примере абазин. Исследуются формы семьи, характерные для традиционного и современного обществ, и факторы, способствовавшие эволюции «семейной» нормативной культуры. Особое внимание в статье уделено изучению принципов существования семьи и норм семейного этикета, норм взаимоотношений в семье, правил образования семьи, распределения ролевых обязанностей и прав, системы символов и культурных универсалий. Отмечается сохранение констант обрядовой культуры и этнического этикета абазин в процессе адаптации этикетных норм к современным реалиям и трансформации традиционной культуры и устоев семейно-родственных отношений.

Ключевые слова: семья; большая семья; малая семья; патронимия; абхазо-адыги; абазины; этническая культура; семейный этикет; внутрисемейный быт; иерархия; трансформация.

TRADITIONAL AND MODERN STATE OF THE FAMILY INSTITUTION AMONG ABAZINS

M.Yu. KAMBACHOKOVA

*FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: kambachokova@yandex.ru*

Abstract. The article presents comparative analysis of traditional and current state of the institution of family by the case of Abazin society. Research develops within the general framework of formation and evolution of the family and socio-normative culture of abkhazian-adyghe peoples. Under investigation are the forms of family prevalent in traditional and modern society and factors that prompted the evolution of “family normative culture”. Special attention is lent to the principles of organization of family life, the norms of family members’ mutual relations, the rules of the making a new family, assignment of roles and functions between family members, symbolic system and cultural universalities governing family life. Some constant features of the rite culture and ethnic etiquette of Abazins are being preserved in the course of adaptation to the modern realities and respective transformation of traditional culture and fundamentals of relationships within the family as well as between relatives.

Key words: family; expanded family; nuclear family; patronymia; abhaz-adyghe; abazins; family etiquette; family life; hierarchy; transformation.

Со времен начала формирования этносов и развития их этнокультурных контактов социальные институты стали наиболее оптимальным и унифицированным инструментом межэтнических отношений. Любые атрибуты традиционной культуры свидетельствуют о специфических чертах культуры этноса, а потому ретроспекция генезиса и истории института семьи и соционормативной культуры абхазо-адыгов (абазин в частности) представляет значительный интерес не только в научно-теоретическом, но и практическом отношении, позволяя наметить перспективные пути дальнейшего изучения данных аспектов этнической культуры.

В научной литературе существует мнение, согласно которому **институт семьи** – принятая обществом форма постоянной совместной жизни мужчины и женщины, связанной с продолжением рода. Этот институт включает в себя нормы взаимоотношений в семье, правила образования семьи, распределение ролевых обязанностей и прав, систему символов, в которых общество фиксирует свои представления, связанные с этой сферой жизни. Так, в современном обществе семья понимается как моногамный союз мужчины и женщины, имеющих свободное равное право расторжения брачного союза, несущих совместную ответственность за детей, родившихся в их браке, имеющих право самостоятельно планировать семью, регулировать число детей и т.д.

В результате многовековых этнокультурных контактов народов Кавказа наблюдается их взаимовлияние в области материальной и духовной культуры. Так, характеризуя традиционное и современное состояние института семьи абхазо-адыгов, обнаруживаются значительные черты сходства традиционного этикета и обрядовой культуры этих народов, что не удивительно, так как их связывают не только соседские, но и близкородственные связи. В данной работе мы попытаемся осветить институт семьи абхазо-адыгов на примере самого малочисленного этноса этой группы – абазин.

В XIX в. у абазин имели место две формы семьи: малая, состоявшая из одного-трех поколений близких родственников, и большая, или патриархальная семья. Основной формой семьи во второй половине XIX в. была малая, или нуклеарная семья, хотя число больших семей в этот же период было еще значительным. Большие семьи (тгIачва-ду) в среднем состояли из 8-22 человек. В их состав входили: глава семьи – отец или дед, их жены и все их потомство, холостые и женатые сыновья с их семьями. Большая семья у абазин, как и у адыгов, именовалась и как «старая семья» (абаз.: «унагIважв»; кабард-черкес.: «унагъуэж»). Большие патриархальные семьи у абазин представляли собой единый хозяйственный коллектив, спаянный единством идеологического порядка. Подобная большая семья «была основана на принципах коллективной собственности, коллективного производства и коллективного потребления» [Дбар 2000: 9]. На существование большой отцовской семьи у абазин указывает прежде всего пережиточное сохранение отдельных значительных по

количеству хозяйственно-родственных коллективов. Так, например, в семье абазинского князя Джамбота Етлукова в 50-х годах XIX в. насчитывалось 35 человек (8 брачных пар); в семье башилбаевца Индриса Ганифанова было 32 человека (6 брачных пар); семья Тлисовых из аула Апсуа состояла из 49 человек; семья Апсовых из бывшего Лоовско-Кумского аула – из 60 человек; семья Балловых из аула Псаучье-Дахе – из 52 человек и т.д. [Данилова 1984: 112-113]. Всем жизненным укладом такой семьи руководил старейший мужчина. Глава семьи имел неограниченную власть в своей общине. Он распоряжался по своему усмотрению движимым и недвижимым имуществом семьи, распределял дела между мужчинами в зависимости от сезона и характера выполняемых работ.

Без ведома главы семьи никто из её членов, например, пожелавших выделиться, не мог самостоятельно решить этот вопрос. В противном случае такого могли лишиться имущества и изгнать из семейной общины. При женитьбе сына глава семьи распоряжался вопросами уплаты калыма; при замужестве дочери устанавливал размер получаемого с жениха калыма; разбираал ссоры, возникавшие между членами семьи; строго следил за тем, как соблюдались ими обычаи и общественные порядки. Вместе с тем он же нес моральную ответственность перед сельской общиной за каждого члена своей семьи.

Жизнью женской половины семьи руководила старшая женщина. Жена главы большой семьи ведала вопросами заготовки продуктов, приготовления пищи и одежды, бурок и сукна для продажи, воспитанием малолетних детей и распределением обязанностей между женщинами. Наряду с работой по дому, женщины вместе с мужчинами участвовали и в сборе урожая¹.

В патриархальной семье, входившей в состав сельской общины, сельскохозяйственные орудия, жилые постройки, скот и сад были достоянием всей семьи. Семья получала во время передела пахотные и сенокосные угодья, которые обрабатывались всеми членами семьи совместно. Доходы от земледелия и скотоводства были также общим достоянием. Но наряду с этим имела и личная собственность, которую составляли одежда и оружие у мужчин, приданое и подарки, полученные во время свадьбы у женщин.

Большие семьи встречались как у крестьян, так и у дворян, хотя нередко происходило так, что женатые сыновья последних, получив часть имущества, уходили из отцовского дома и создавали самостоятельные феодальные хозяйства.

Дальнейшее развитие частной собственности и проникновение товарно-денежных отношений в экономику горского хозяйства способствовали разложению семейной общины, на смену которой пришла малая семья. В связи с этим в аулах возникали целые родовые кварталы – патронимии. Члены последней пользовались тягловой силой и сельскохозяйственными орудиями. В период полевых работ они объединялись для их проведения, но урожай, полученный каждой семьей со своего участка, принадлежал только ей.

У соседних народов, к примеру, у адыгов, также сохранялись большие

¹ Мазова Люся Хаз-Гериевна, 67 лет, а. Псыж, 2006 г.

патриархальные семьи. Так, например, по свидетельству Э.Л. Коджесау, у шапсугов еще в начале XIX в. сохранились семьи, насчитывавшие до 100 и более человек [Коджесау 1954: 9]. Другими авторами также засвидетельствовано существование большой семьи у адыгских племен. Так, П.С. Потемкин констатировал в 1784 году наличие большой семьи у кабардинцев: «Каждое семейство, – отмечал он, – от прадеда и до последнего поколения, живет нераздельно и пищу употребляют из одного котла и по своему здесь народ говорит, сколько семей или дворов и столько котлов» [Косвен 1955: 283].

По мнению специалистов, большая семья наиболее устойчива у тех народов, для которых характерна отгонная система скотоводческого хозяйства. Один из исследователей быта населения в армянской деревне в XIX в. Ю.И. Мкртумян отмечает: «В тех районах, где практиковалась отгонная система содержания скота, создавались реальные предпосылки для сохранения больших семей» [Мкртумян 1968: 27]. Считается, что у абазин, к концу XIX в. таких семей оставалось уже немного. Уменьшение численного состава больших семей служит одним из показателей их постепенного распада. Вместе с тем процесс этот продолжался в течение длительного времени, и большая семья даже на последнем этапе своего существования устойчиво сохранялась в абазинском обществе [Данилова 1984: 113].

Отношения внутри семьи (как малой, так и большой) строились с соблюдением строгой иерархии: все её члены подчинялись главе – отцу или старшему брату. Отношения между другими членами семьи складывались на основе той же патриархальной регламентации: младший брат подчиняется старшему, младшая сестра – старшей, младшая невестка – старшей, младшая жена – старшей, первой жене. Во всей этой иерархии характерным было то, что с особенным почтением относились все к старшему из братьев, который являлся помощником и преемником главы семьи. Обращает на себя внимание тот факт, что по отношению к нему соблюдались те же правила этикета, что и по отношению к отцу. Даже старшая сестра, должна была слушаться своего брата. То же самое наблюдалось и у других народов Кавказа. Традиционное почитание старшего исключало какие-либо конфликты между главой семьи (отцом) и детьми.

Долгий процесс бытования у абазин большесемейных общин, по мнению многих исследователей, вызывался объективными социально-экономическими факторами: комплексным характером традиционного полунатурального хозяйства, низким уровнем развития производительных сил, рутинным состоянием техники и т.п. [Данилова 1984: 113].

Во второй половине XIX в. раздел больших семей становится обычным явлением; однако, как правило, братские неразделенные семьи оказывались менее устойчивыми и распадались быстрее. По мнению В.П. Невской, «случаи раздела семей чаще всего происходили после смерти отца» [Невская 1970: 208]. С точки зрения Л.З. Кунижевой, «раздел большой семьи происходил несколькими путями. Отец мог отделить старших сыновей после женитьбы, отчуждая им часть имущества и помогая построить дом. В таком случае

отцовский дом доставался младшему сыну. Но чаще бывало, что отцовская большая семья сохраняла свою нераздельность, однако сразу же после смерти отца или спустя некоторое время происходил раздел братской большой семьи. Инициаторами раздела обычно были младшие братья, стремившиеся к самостоятельности и не желавшие зависеть от старшего брата. Раздел семейного имущества происходил в присутствии родственников, а при конфликтах – в присутствии доверенных лиц и почетных стариков аула. Имущество делилось между братьями поровну, но младшие, в соответствии с майоратной традицией, отдавали старшему некоторую часть из своей доли. Что касается больших семей лыгов¹, то, по обычному праву, они могли делиться только с разрешения феодала и лишь в том случае, если имели свой скот. До отмены крепостного права владельцы всячески препятствовали их разделу, стремясь сохранить их экономически более сильными. При разделе каждая выделившаяся семья обязана была дать владельцу несколько овец. Выделившиеся семьи, как правило, состояли из родителей и неженатых детей. Обычно они старались селиться рядом. Теперь хозяйственной ячейкой была каждая выделившаяся малая семья. Но на первых порах между разделившимися семьями сохранялись тесные экономические связи, принимавшие форму временных трудовых объединений по совместной обработке земли, выпасу скота, уборке урожая, сена. Ведь при комплексном хозяйстве требовалось большое число рабочих рук, которых малая семья не имела. Полевой этнографический материал дает много конкретных примеров родственных хозяйственных объединений. Например, семеро братьев Баловых из аула Псаучье-Дахе (быв. Клычкыт), разделившиеся в предреволюционные годы, объединялись для совместного выпаса скота; Нипа Абдурахман из аула Старо-Кувинского также предпочитал выпасать скот совместно со своими, жившими отдельно, братьями и т.д.» [Абазины 1989: 160].

Раздел братской большой семьи сразу после смерти отца, либо спустя некоторое время – один из обычных путей дробления больших семей. Другой путь – отделение старшего сына при его женитьбе. В этом случае отец выделял ему скот, землю, помогал построить дом. С увеличением частнособственнических тенденций процесс распада больших семей ускорился, и малая семья стала господствующей формой семьи. Одной из причин, способствовавших разделу больших семей, были подымные земельные переделы, введенные в 60-70-х годах XIX в. Разделившиеся семьи образовывали родственные объединения – патронимии, которые включали большие и малые семьи, ведущие происхождение от общего памятного предка.

Абазинская семья на протяжении веков сохраняет многие принципы и нормы семейного этикета. Личные отношения в семье хорошо видны на примере обычаев избегания – различных запретов, соблюдаемых членами семьи или родственниками в отношении друг друга. В прошлом обычаи избегания у абазин, как и у других горских народов Кавказа, были широко распространены, а сроки их были длительными. Как указывалось в

¹ Лыг – одно из зависимых сословий в абазинском феодальном обществе.

специальном разделе данной работы, имелись случаи, когда невестка не разговаривала со свекром вплоть до его смерти. Женщины всегда строго придерживались обычая избегания и в отношении старших братьев мужа. По рассказам старожил, обычая избегания строго придерживалось то поколение женщин, замужество которых относится к дореволюционному периоду. Срок избегания в последующие десятилетия стал резко сокращаться. Тем не менее, в те годы еще нередко были и длительные сроки избегания.

Исследуя особенности данного обычая у народов Северного Кавказа, Я.С. Смирнова и А.И. Першиц выделяют четыре подсистемы избегания, при котором две из них ограничивают отношения между супругами и между родителями и детьми, две – отношения между каждым из супругов и его родственниками [Смирнова, Першиц 1978: 62].

Что касается обычаев избегания у абазин, то они чрезвычайно осложняли взаимоотношения членов семьи друг с другом, особенно женщин. Жене и мужу днем не полагалось находиться в одном помещении дома наедине, даже есть за одним столом. Это имело место и у других народов Кавказа. Так, например, К.Ф. Сталь писал об адыгах следующее: «Молодой муж не позволяет себе видеть жену днем, а непременно ночью и то украдкой. Видеть жену днем, входить к ней в саклю и разговаривать с ней в присутствии других может себе позволить пожилой простолудин, а князь и дворянин – никогда» [Сталь 1900: 28]. Необходимо подчеркнуть, что нарушение этих запретов было особенно недопустимо при старших, в особенности старших родственниках, в присутствии которых обычаи избегания, как правило, соблюдались даже немолодыми супругами.

Супруги не называли имени друг друга. Имея в виду своего мужа, женщина при разговоре могла употреблять выражения «он», «сам», «хозяин», «ваш отец» (при обращении к своим детям), «ваш зять» (при обращении к своим родственникам) и т.д.

Муж не считал для себя достойным вести какие бы ни было разговоры с посторонними о своей жене. Мужчина, имевший хотя бы небольшое признание в обществе (у соседей, друзей, знакомых, односельчан и т.д.), напрочь исключал для себя возможность намекнуть на достоинства супруги. В этом отношении в народе сохранилось изречение: «Умный хвалится родней, а глупый – женой». Но при крайней необходимости, подразумевая свою супругу, он пользовался выражениями «ваша мать» (при обращении к своим детям), «ваша сноха» или «дочь таких-то (называя девичью фамилию жены)» (при обращении к своим родственникам). Супруги и сами обращались друг к другу с помощью слов или словосочетаний, наиболее ярко характеризующих их внешний вид либо черту характера, или пользовались просто обращением «ей».

Невестка никогда, до конца своей жизни, не должна была произносить имен свекра, свекрови, деда, дядей, братьев и сестер свекра, свекрови и мужа. Она давала каждому из них отдельные имена, выражавшие в большинстве своем либо лучшие черты характера этого человека, либо благопожелания к нему, либо обозначавшие род его деятельности, профессию и т.д.: «Солнечный всадник», «Золотая Кан», «Черноглазая», «Кареглазая», «Самый лучший

дедушка», «Светлоликий», «Мальчик», «Кузнец» и др.

Прослеживая табуирование имен у разных народов мира, Б.Х. Бгажноков приходит к выводу о том, что запреты на произнесение личных имен восходят к представлениям древних людей о произвольности языкового знака [Бгажноков 1978: 119]. Первоначальное возникновение данного явления исследователь связывает с представлением о том, что произнесение личного имени равносильно призыву духа, души его обитателя [Бгажноков 1982: 62].

С первого дня своего замужества для невестки свекровь занимала место матери: невестка практически по всем бытовым, житейским вопросам должна была согласовывать свои действия с указаниями свекрови. Она не могла без ведома последней отлучаться из дому, ходить в гости, покупать что-либо, самостоятельно заправлять какими-либо домашними делами. Будучи полновластной властительницей над всей женской половиной дома, свекровь единолично распоряжалась вопросами приобретения и распределения одежды и нарядов женщин-домочадцев, хранения, приготовления и раздачи (в соответствии с занимаемым положением в семейной иерархии) пищи. Этим, на наш взгляд, объясняется то обстоятельство, что свекровь до самых преклонных лет сама готовила пищу, не допуская к этой процедуре невестку. По сведениям информаторов, даже в тех редких случаях, когда невестка готовила в силу крайней необходимости в отсутствие свекрови, последняя, по ее возвращении, проявляла недовольство, выражая это словами «Не успела я перешагнуть через порог, как эта несносная взялась за чугунок и очажную цепь»¹.

По этому поводу в народе сохранилось изречение: «Если невеста начинает ведать в доме вопросами приготовления пищи, то свекровь становится зависимой от нее».

Власть старшей женщины в этом отношении имела такое распространение, что даже взрослый сын, возвратившийся из наезда (похода) и привезший какие-либо предметы первой необходимости, по обычаю должен был, прежде всего, зайти к своей матери, справиться о ее здоровье и поставить перед ней свою походную сумку с приобретенными вещами (подарками), чтобы та распорядилась ими по своему усмотрению.

В то же время и свекровь имела определенные обязательства перед снохой. Так, она не могла заходить без особой нужды в комнату невестки. Более того, и в случае крайней необходимости она не переступала порога спальни невестки, если подозревала, что у последней постель еще не заправлена. Свекровь старалась приучать сноху к премудростям ежедневных домашних забот в семье не с помощью окриков и ругани, а посредством личного примера и примера других женщин-домочадцев, действуя по известному принципу «Наставляй дочь, чтобы слышала невестка»².

Следуя народной мудрости «Щенок, подражающий умной собаке, становится хорошим псом, жеребенок, походящий на хорошего коня, становится добрым конем», невестка постепенно перенимала у свекрови многие

¹ Какупшева Цацарка Муссовна, 82 года, а. Псыж, 2006 г.

² Мазова Люся Хаз-Гериевна, 67 лет, а. Псыж, 2006 г.

черты ее характера, становясь со временем похожей на нее по образу мышления, повадкам и сноровке.

В первое время после рождения ребенка невестке не позволялось ухаживать за ним: за ребенком и присматривала, и укладывала в люльку, и поднимала только свекровь. Без разрешения рядом сидящей свекрови невестка не смела ни успокоить, ни покормить грудью плачущего ребенка. При свекре и свекрови невестке не позволялось не только приласкать, но и ругать ребенка.

С течением времени и появлением у невестки нескольких (трех-четырех) детей, у нее в доме мужа появлялись определенные права (например, право разговаривать с пожилыми женщинами). К тому времени и свекровь, уже отягощенная своими годами, потихоньку начинала привлекать сноху к наиболее важным домашним делам, в первую очередь – к приготовлению пищи. Со временем свекровь полностью передавала снохе «очажную цепь». Но и при этом сноха могла предпринять какие бы ни было действия по дому только исключительно с позволения свекрови. Если же в доме находилось несколько снох, то свекровь устанавливала очередность их допуска к приготовлению пищи¹.

В большинстве своем безотносительно к достоинствам и недостаткам невестки, свекровь и свекор почтительно относились к ее родным, подчеркивая «Родные невестки и родственники мужа дочери равнозначны».

Самые сложные взаимоотношения в абазинской семье складывались между невесткой и свекром, невесткой и дедом мужа. Невестке нельзя было смотреть на них, находиться в местах их присутствия, разговаривать с ними или при них, показываться им с непокрытой головой. При случайном столкновении со свекром невестке надлежало поворачиваться к нему спиной. Она получала право сидеть в его присутствии после неоднократных его просьб, переданных через других лиц. Она не разговаривала с ним даже тогда, когда сама уже имела детей. В таких случаях свекор через младших членов семьи обращался к ней с просьбой прервать молчание. По этому случаю, он созывал соседей, устраивал угощение и преподносил невестке подарок.

Ночью невестке позволялось удалиться на отдых в свою половину только после того, как свекровь и свекор улягутся спать. Попутно отметим, что невестке также не позволительно было даже прилечь до возвращения домой супруга, как бы поздно он не возвратился (если его отсутствие не было сопряжено с многодневными походами).

Между тем во взаимоотношениях «свекор – невестка» определенные запреты налагались и на свекра. Так, свекру не позволялось при невестке сквернословить, шутить, заходить в комнату во время приема невесткой пищи либо кормления ею грудью ребенка, рассматривать вещи, принадлежащие невестке, трогать их.

Отметим, что аналогичным образом невестке запрещалось разговаривать со всеми старшими родственниками мужа как по отцу, так и, в особенности, по матери.

¹ Какупшева Цацарка Муссовна, 82 года, а. Псыж, 2006 г.

Характерным было то, что избегание между родителями и детьми в большей степени касалось отца, нежели матери. Отец никогда при посторонних и старших не брал ребенка на руки, не играл с ним, одним словом, он не должен был проявлять отцовские чувства. Такое наблюдалось у многих народов Кавказа. По этому поводу К.Хетагуров писал: «Только в самом интимном кругу (жены и детей) или с глазу на глаз позволительно отцу дать волю своим чувствам и поныть, приласкать детей. Если осетина-отца в прежние времена случайно заставляли с ребенком на руках, то он не задумывался бросить малютку куда попало... Я не помню, чтобы отец назвал меня когда-нибудь по имени. Говоря обо мне, он всегда выражался так: где наш сын? Не видел ли кто нашего мальчика?» [Хетагуров 1999: 339-340]. Вместе с тем, необходимо отметить, что за повседневным уходом за ребенком, для матери исключалась возможность сколько-нибудь выраженного и длительного избегания. Хотя ей в конечном итоге так же полагалось воздерживаться от явных проявлений своих чувств.

По мнению Я.С. Смирновой, «обычай избегания надолго сохранились у народов Северного Кавказа не просто в силу консервативности традиций. Возникнув при переходе от матрилокальности к патрилокальности, они в дальнейшем приобрели новые социальные функции, хорошо вписывавшиеся в вобравший их в себя семейный и общественный уклад. И с этой точки зрения главным, что обеспечило консервацию избегания, было на наш взгляд, не чувство стеснительности, не желание предотвратить ссоры и т.п., а трансформация ограничительных отношений в условиях патриархального, а затем патриархально-феодального строя» [Смирнова 1983: 47].

Во внутрисемейной жизни абазин особую роль играла женщина. Общественное положение абазинской женщины до революции октября 1917 года определялось прежде всего ее сословно-классовой принадлежностью. Дворянка находилась в более привилегированном положении, а положение абазинской крестьянки характеризовалось некоторыми правами и уважением в обществе. Положение женщины соответствовало тому месту, которое она занимала в общественном производстве и в трудовой жизни каждой семьи. Естественно, основные и наиболее трудоемкие отрасли производства – скотоводство, охота, устройство жилищ, обработка дерева и т.д. находились в исключительном ведении мужчин. В условиях натурального и полунатурального хозяйства, каким было хозяйство абазин в XIX в., круг обязанностей женщин в семье был широк и разнообразен.

Так, в крестьянской семье женщинам принадлежала немалая роль в полеводстве. В их обязанности, помимо всего прочего, входила уборка полей. В руках женщин находилось полностью производство всех огородных и технических культур. Прядением, ткачеством, изготовлением одежды и выделкой различных предметов домашнего обихода занимались также исключительно женщины. Одним из характерных тяжелых занятий абазинской женщины было мукомолье – работа на ручных мельницах, требовавшая немалых физических сил. Помимо всего вышперечисленного, на неё возлагалась и другая трудоемкая обязанность: приготовление пищи, кормление

членов семьи и гостей.

В малой семье женщина занимала такое же подчиненное положение, но в ней, особенно если она состояла только из родителей и детей, отношения между членами семьи не подвергались такой строгой регламентации, как в большой семье.

Вместе с тем в народе женщина всегда пользовалась уважением. Мужчина по отношению к женщине беспрекословно придерживался традиционного этикета, в соответствии с нормами которого он был обязан:

- встать при появлении женщины;
- уступить место женщине;
- при разговоре не перебивать её;
- защищать честь и достоинство женщины и т. д.

Особенно почитаемой была мать. Не допускались неприличные выражения, ссоры или драки в присутствии женщины. «Мужчина, видя проходящую мимо женщину, хотя бы в значительном расстоянии, – пишет Хан-Гирей, – непременно должен встать с места и не садиться вторично до тех пор, пока она не удалится, какого бы, впрочем, ни была она звания и достоинства, а также, встретясь с женщиной, он приветствует её подниманием руки к голове и желанием ей доброго дня. Также и женщины, встретив мужчину, останавливаются лицом к нему и, пропустив его, продолжают свой путь. Когда войдет в дом мужчина, какого бы он ни был звания и состояния, то женщина встает с места, хотя бы даже вошедший был её крепостной человек. Девуцы никогда не отказываются сшить что-нибудь, когда о том их просит мужчина» [Хан-Гирей 1992: 274].

Внутрисемейный быт, который складывался на основе вековых патриархальных традиций, выявлял подчиненное положение женщины и оно проявлялось во многих сферах семейного быта. С одной стороны, женщины высших сословий вели, как правило, праздный образ жизни, в основном занимаясь только лишь рукоделием. Они всегда пользовались большим почетом, и особенно это выявлялось на каких-либо торжествах. В частности, у адыгов наблюдалось своего рода рыцарское поклонение даме. По замечанию Б.Х. Бгажнокова, «во время рыцарских состязаний, устраиваемых по поводу того или иного торжества, победителю полагалось презентовать полученный им приз кому-либо из присутствующих знатных девушек. Возвращаясь из походов, воин считал своим долгом подарить что-либо из добычи признанной красавице округи или какой-нибудь почитаемой женщине» [Бгажноков 1999: 21-22].

Вместе с тем положение знатных женщин во внутрисемейном быте также осложнялось всевозможными запретами, как, например, запретом сидеть за одним столом с мужчинами, есть вместе с ними, сидеть в их присутствии, отсутствием права голоса в решении семейных дел.

Если же женщина не принадлежала к высшему сословию, она подвергалась двойному угнетению: классовому – со стороны господ и семейному гнету со стороны мужа.

Адат и шарият освящали и закрепляли приниженное положение

женщины. Здесь мы имеем сложное переплетение норм адата и феодального правопорядка. В нем нашли яркое отражение патриархальная практика и идеология. Это мы видим, в частности, в семейных и имущественных отношениях. Так, женщина у абазин не могла быть собственницей или наследницей недвижимого имущества ни у отца, ни в доме мужа. Ограничены были ее права и в отношении движимого имущества: она могла свободно распоряжаться лишь своим приданым. Приданое, которое иногда достигало значительных размеров и которое по праву принадлежало жене, укрепляло положение женщины в семье мужа, создавая материальные основы известной ее независимости. Следовательно, через приданое, наряду с другими средствами, род женщины влиял на ее судьбу в замужестве. Согласно обычному бракоразводному праву, являющемуся одним из критериев положения женщины, последняя при легко достижимом разводе забирала обратно доставленное ею приданое. Но из совместно с мужем нажитого имущества она ничего не получала, причем и дети, конечно, оставались непременно в отцовском роду. Иначе говоря, при разделе учитывался только мужской состав семьи, женщины же могли рассчитывать лишь на безусловное право наследования имущества своей умершей сестры.

Как отмечалось выше, после смерти отца наследство переходило к сыновьям, вдова же и дочери не получали никакой доли наследства, даже если в семье не было сыновей, имущество доставалось либо брату умершего, либо, при отсутствии такового, другому ближайшему родственнику по мужской линии. Конечно, при этом оговаривалось, что наследуемый должен был полностью взять на себя заботу об оставшихся без мужа или отца женщинах. Правда, в конце XIX в. уже выявляется тенденция, когда наследницей становилась жена. Но такое исключение из общего правила составляли, как правило, женщины из высших сословий. Например, в 1880-х гг. после смерти князя Сида Заурумова семейное имущество (100 овец, 10 голов крупного рогатого скота, 1 лошадь, сакля, домашняя утварь, выкупная плата с крепостных крестьян – 120 руб.) досталось его жене Наго [Мостовский 1874: 120].

Несмотря ни на что, в процессе этнического развития абазин женщина стала играть значительную роль в семье, в семейных отношениях и в обществе. Она становится координирующим звеном между старшими и младшими, между отцом и детьми, между родственниками мужа и ее родными. Новое положение абазинской женщины в семье, рост ее авторитета и независимости, расширение ее общественной деятельности – характерны сегодняшнему дню. Нынешняя экономическая самостоятельность и изменившееся положение женщины в обществе в условиях демократии и полового равноправия сыграли решающую роль в изменении ее положения в семье. Самым важным моментом во всем этом является то, что преодолен традиционный взгляд на женщину как на домашнюю хозяйку, принадлежащую только семейному очагу. Наряду с современными формами бытового равноправия сохраняются и закрепляются лучшие черты традиционных правил поведения по отношению к женщине.

Одним из основополагающих принципов во внутрисемейной этике абазин

является самоуважение. Если верно изречение «Глаза – зеркало души», то вполне закономерна и такая мысль: «Язык – зеркало народа». В связи с этим, у абазин существуют пословицы, которые призывают человека к самоуважению. Например: «Не уважая себя, нельзя добиться уважения от других», «Уважение со стороны людей соответствует твоему самоуважению».

В лексиконе абазинского языка немало значительных по смыслу и глубоким выражений и слов. К таким относится, например, дошедшее до нас сквозь призму веков слово «хІатыр». В абазинско-русском словаре оно представлено в двух значениях – «услуга» и «одолжение». Однако, употребляясь в различных ситуациях, термин «хІатыр» приобретает и другие значения. В семье всегда говорили младшим, что «человек, имеющий «хІатыр», всегда будет уважать себя». Обращаясь с просьбой об услуге, людьми часто употребляется данное слово: «Во имя Аллаха (АллахІ йхІатырла), прошу довести дело до конца», «Уважаемый (хІатыр зму) человек, помоги мне», «Бога ради (АллахІ йхІатырла), не позорь меня...» и т.д.

Поведение человека в семье определяло его самоуважение и уважение людей по отношению к нему. Старшие в семье поучали молодых: «Кто обладает самоуважением, другого человека не обманет, никому не навредит, не будет преследовать с не благими намерениями», наставляли: «Дурному отдай кусок кожи и проходи мимо». Достопочтенный человек всегда придерживался этой народной мудрости.

Важнейшей составляющей частью внутрисемейной этики является застольный этикет. Традиционный застольный этикет во всей полноте своей проявляется на многолюдных торжествах, свадьбах, при присутствии гостя в доме и т.д. Многие традиции, связанные с застольным этикетом, с течением времени подверглись трансформации, но основные его черты, выражающие мировоззренческую концепцию, сохранились.

В современном абазинском застолье сохраняется один из основных принципов – норма поведения между старшими и младшими, свидетельствующая о глубокой традиционности. Младшие, выражая уважение к старшим, не только должны больше молчать в их присутствии, но также не смеют садиться рядом с ними. Нужно иметь в виду, что при этом учитывается не только возраст, но и родственные отношения. Сын, например, никогда не сядет за один стол с отцом, зять – с тестем, племянник – с дядей, младший брат – со старшим¹.

В каждом застолье избирается тамада, который садится в «головной» части стола, рядом с ним – гости и соседи.

В абазинском застолье воплощается и этническая специфика народа, и потому первый официальный застольный тост, который произносит тамада, традиционно посвящается здравью народа. Тамада может подряд произнести несколько тостов, которые проникнуты гуманным смыслом. Затем он предоставляет слово старшему со стороны хозяев, после чего – старшему представителю гостей.

¹ Кенжев Рауф Салехович, 72 года, а. Кубина, 2005 г.

В момент провозглашения тостов тамадой, старшим из хозяев, все присутствующие за столом поднимаются и слушают стоя.

Обычно тамада пользуется значительными правами и привилегиями. Глава стола, предоставляя слово кому-либо, характеризует этого человека, а получивший право на тост, благодарит его.

Тамада всегда провозглашает тост за младших – что также традиционно. В своих словах он подчеркивает почтительное отношение младших к старшим и гостям, а также их выдержанность, скромность и терпение.

Только тамада имеет право на завершение застолья, а до этого никто не должен покидать стол без его позволения. Весь церемониал застолья длится несколько часов. Этика обязывает, чтобы никто не остался без внимания.¹

Следует отметить, что, несмотря на трансформационные процессы, детерминированные изменениями в традиционной культуре народов Кавказа в советский и постсоветский периоды, главные константы обрядовой культуры и этнического этикета абазин остались неизменными. К примеру, в современной жизни абазин, в семейно-родственных взаимоотношениях сохраняются основные черты традиций. Прежде всего роль и функции главы семьи исполняет по-прежнему отец, который наделен неограниченными полномочиями в семье. В роду все вопросы зачастую координирует старший по возрасту. Сохраняется семейная иерархия, где всегда можно наблюдать разграничения функций каждого члена семьи: старший, младший, племянник, внук и т.д. Старший сын в семье и сегодня является вторым лицом после отца; в отсутствие отца к старшему сыну традиционно переходят фактически все функции главы семьи, и он вправе решать все вопросы в семье [Тхайцухов 2005: 20]. Глава семьи (отец) при решении каких-либо проблем собирает старших по возрасту в своем роду, в том числе и старшего сына, а иногда и дочь, и советуется с ними по самым насущным вопросам, например, по организации свадьбы сына, племянника или же по вопросам, связанным с похоронно-поминальными обрядами и другими мероприятиями.

Воспитание ребенка также входит в компетенцию главы семьи. Традиционным остается подчинение младших старшему. Непослушание младшего по-прежнему расценивается как неуважение к семье в целом.

Вместе с тем в настоящее время встречаются исключения, когда функции главы семьи после смерти отца переходят к старшей женщине.

В семейно-родственных отношениях все еще сильны экономические связи, которые проявляются в трудовой и материальной помощи. Они являются особыми видами взаимопомощи между членами семьи и рода.

Взаимоподдержка между членами семьи и рода играет особую роль на свадьбах, во время привода невесты в дом её родителей, рождения первого ребенка, приезда желанного гостя издалека, на юбилейных торжествах, во время похоронно-поминальных обрядов и т. д.

Вместе с тем постепенно продолжается трансформация обычных запретов. Например, в настоящее время обычай избегания в той или иной мере

¹ Пазов Умар Исмаилович, 77 лет, а. Кубина, 2005 г.

свойствен скорее сельскому быту, нежели городскому, хотя в последние годы и в селах этот обычай стал понемногу ослабевать. Гораздо медленнее отмирает избегание между женой и старшими родственниками мужа. Теперь супруги, как правило, свободнее общаются друг с другом, называют друг друга по имени.

Многие замужние женщины перестали покрывать голову платком в присутствии старших. В большинстве семей уже не считается неприличным первым начать разговор с отцом, обедать с ним вместе, сидеть в его присутствии. Характерной чертой современной семьи стало равное участие мужа и жены в решении всех внутрисемейных вопросов.

В современную эпоху одним из важных факторов развития абазинской семьи, как и у всех народов Северного Кавказа, является быстрый рост ее материального благосостояния и культурного уровня. Новые явления в материальном быте и культурной жизни не могли не сказаться на разделении труда между членами семьи: теперь все чаще можно наблюдать отход от традиционного разделения труда по полу. Например, некоторые обязанности – привести детей в детский сад и забрать их оттуда, делать покупки, присматривать за детьми, обрабатывать огород и ухаживать за скотом и многое другое, которые были преимущественно женскими, теперь выполняются также и мужчинами. Вместе с тем многие работы по дому, такие, как приготовление пищи, уборка, стирка, побелка жилища, дойка коровы, в подавляющем большинстве остаются специфическим женским занятием.

Решающее значение в абазинской сельской семье имеют не те или иные конкретные формы, а установившийся в семейном быту общий принцип равноправия взрослых членов семьи, в том числе и их равных обязанностей.

Все изложенное дает основание заключить, что в современной абазинской семье наблюдается тенденция постепенного, но уверенного отхода от многих традиционных норм, столетия сопровождавших развитие этноса. Современная семья, как правило, нуклеарна (состоит из мужа, жены и детей), малодетна, ее идеал характеризуется равенством прав, обязанностей и ответственности, а также равенством свобод. Безусловно, мы не исключаем и того факта, что есть еще семьи, быт которых четко носит на себе отпечаток прошлого. Но и в этих случаях действует, трансформировавшись в новых условиях, народная традиция, сила общественного мнения, родственников, соседей и т.д.

Таким образом, сопоставительный анализ традиционного и современного состояния института семьи абазин показывает, что в послеоктябрьский период традиционные формы соционормативной культуры стали частью модифицироваться, частью подверглись существенным новациям. Трансформация общественно-семейного быта абазин привела к тому, что социальные институты функционируют путем конвергентного развития, сохраняя свое значение в этнокультуре, адаптируя этикетные нормы к современным реалиям, способствуя формированию этнического самосознания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абазины 1989 – *Абазины* (историко-этнографический очерк) / Научный редактор А.И. Першиц. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение ставропольского книжного издательства, 1989. – 240 с.
- Бгажноков 1999 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 97 с.
- Бгажноков 1978 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 163 с.
- Бгажноков 1982 – *Бгажноков Б.Х.* Психология и техника коммуникативного поведения адыгов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 47-75.
- Данилова 1984 – *Данилова Е.Н.* Абазины. Историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 144 с.
- Дбар 2000 – *Дбар С.А.* Обычаи и обряды детского цикла у абхазов (вторая половина XIX – начало XX вв.) – Сухум: «Алашара», 2000. – 133 с.
- Коджесау 1954 – *Коджесау Э.Л.* Семейные отношения шапсугов в прошлом и настоящем. Автореф. дисс. канд. ист. наук. – М., 1954. – 17 с.
- Косвен 1955 – *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Т. 1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – С. 265-374.
- Мкртумян 1968 – *Мкртумян Ю.И.* Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне второй половины XIX века // Советская этнография. – 1968. – № 4. – С. 14-29.
- Мостовский 1874 – *Мостовский М.С.* Этнографические очерки России. – М.: Университетская типография (Катков и К°), 1874. – 152 с.
- Невская 1970 – *Невская В.П.* Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX в. // Из истории Карачаево-Черкесии. Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. VI. Серия историческая. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1970. – С. 174-225.
- Смирнова 1983 – *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX вв.). – Москва: Наука, 1983. – 265 с.
- Смирнова, Першиц 1978 – *Смирнова Я.С., Першиц А.И.* Избегание: формационная оценка или «этический нейтралитет»? // Советская этнография. – 1978. – № 6. – С. 61-70.
- Сталь 1900 – *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Вып. 21. – Тифлис, 1900. – С. 1-178.
- Тхайцухов 2005 – *Тхайцухов М.С.* Принципы и нормы этики у абазин в историческом прошлом и современной повседневной жизни. – Черкесск-Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет, 2005. – 77 с.
- Хан-Гирей 1992 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 335 с.
- Хетагуров 1999 – *Хетагуров К.Л.* Особа (этнографический очерк) // Хетагуров К.Л. Собрание сочинений: в 5-ти т. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие В.А. Гассиева, 1999. Т. IV. – С. 313-374.

REFERENCES

- Abaziny (istoriko-etnograficheskii ocherk) / Nauchnyi redaktor A.I. Pershits* [Abazins (historical-ethnographic outline) / Scientific editor A.I. Pershits]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1989. – 240 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.Kh. *Adygskaya etika* [Adyghe ethics]. – Nal'chik: El'-Fa, 1999. – 97 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.Kh. *Adygskii etiket* [Adyghe etiquette]. – Nal'chik: El'brus, 1978. – 163 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.Kh. *Psikhologiya i tekhnika kommunikativnogo povedeniya adygov*

[Psychology and technics of communicative behavior of Adyghe]. IN: *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo obshcheniya narodov SSSR* [National-cultural specifics of discursive communication of the peoples of the USSR]. – M.: Nauka, 1982. – P. 47-75. (In Russian)

DANILOVA E.N. *Abaziny. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie khozyaistva i obshchinnoi organizatsii* [Abazins. Historical-ethnographic study of economy and social organization]. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984. – 144 p. (In Russian)

DBAR S.A. *Obychai i obryady detskogo tsikla u abkhazov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Customs and rites of childhood cycle among Abkhazians ()]. – Sukhum: «Alashara», 2000. – 133 p. (In Russian)

KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 335 p. (In Russian)

KHETAGUROV K.L. *Osoba (etnograficheskii ocherk)* [Osoba (ethnographic sketch)]. IN: *Khetagurov K.L. Sobranie sochinenii: v 5-ti t.* [Khetagurov K.L. Collected works: In 5 Vols.]. – Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie V.A. Gassieva, 1999. Vol. IV. – P. 313-374. (In Russian)

KODZHESAU E.L. *Semeinye otnosheniya shapsugov v proshlom i nastoyashchem. Avtoref. diss. kand. ist. Nauk* [Family relationships of Shapsugs in the past and the present. Thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. – M., 1954. – 17 p. (In Russian)

KOSVEN M.O. *Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniya Kavkaza v russkoi nauke* [Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science]. IN: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. Vol. 1. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955. – P. 265-374. (In Russian)

MKRTUMYAN Yu.I. *Formy skotovodstva i byt naseleniya v armyanskoj derevne vtoroi poloviny XIX veka* [Modes of cattle breeding and the way of life in Armenian village in the second half of the 19th century]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1968. – No. 4. – P. 14-29. (In Russian)

MOSTOVSKII M.S. *Etnograficheskie ocherki Rossii* [Ethnographic sketches of the Russia]. – M.: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K°), 1874. – 152 p. (In Russian)

NEVSKAYA V.P. *Perezhitki rodovoi obshchiny i semeinaya obshchina u karachaevtsev v XIX v.* [Vestiges of the clan community and family community among Karachais in the 19th century]. IN: *Iz istorii Karachaevo-Cherkesii. Trudy Karachaevo-Cherkesskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. Iss. VI. Seriya istoricheskaya* [From the history of Karachai-Circassia. Proceedings of the Karachai-Circassian research institute. Iss. VI. History series]. – Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. – P. 174-225. (In Russian)

SMIRNOVA Ya.S. *Sem'ya i semeinyi byt narodov Severnogo Kavkaza (vtoraya polovina XIX – XX vv.)* [Family and family life of the peoples of the North Caucasus (second half of the 19th – 20th centuries)]. – Moscow: Nauka, 1983. – 265 p. (In Russian)

SMIRNOVA Ya.S., PERSHITS A.I. *Izbeganie: formatsionnaya otsenka ili «eticheskii neutralitet»?* [“Avoidance”: formational assessment or “ethical neutrality”?]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1978. – No. 6. – P. 61-70. (In Russian)

STAL' K.F. *Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda* [Ethnographic outline of the Circassian people]. IN: *Kavkazskii sbornik. Iss. 21.* – Tiflis, 1900. – P. 1-178. (In Russian)

TKHAITSUKHOV M.S. *Printsipy i normy etiki u abazin v istoricheskom proshlom i sovremennoi povsednevnoi zhizni* [Principles and norms of ethics of Abazins in the historical past and modern everyday life]. – Cherkessk-Karachaevs: Karachaevo-Cherkesskii gosudarstvennyi universitet, 2005. – 77 p. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

УДК 821.352.30

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93

**О ВОПРОСАХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО УРОВНЯ
СОВРЕМЕННОГО КАБАРДИНСКОГО РОМАНА****Х.Т. ТИМИЖЕВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»*

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

E-mail: maryana.khezheva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы современного художественного уровня кабардинского романа, его жанрово-видовой эволюции и эстетической специфики. Научная значимость исследования состоит в выявлении проблемы диверсификации ценностной системы, формирующейся отдельно в кабардинской литературе в контексте общероссийского культурно-исторического пространства. Применен историко-типологический метод. Большое внимание уделяется, прежде всего, вопросу соотношения характерных для кабардинской литературы образов и мотивов в творчестве классиков и в творчестве авторов так называемого «среднего» поколения. На примере этих авторов прослеживается динамика развития поэтики, жанровых особенностей кабардинской прозы, в частности романа, которую можно рассматривать как ключевое определяющее направление в контексте национального литературного процесса. Здесь также отмечается, что современные авторы представляют прошлое этноса с современной точки зрения, с опорой на новые философские идеи. Практическая значимость работы обусловлена возможностью их использования в осмыслении специфики национального литературного процесса постсоветского периода и выявлению особенностей реализации творческих принципов конкретных авторов. Она также будет востребована в практике средней и высшей школы северокавказских республик, в которых изучается литература народов России.

Ключевые слова: кабардинская литература; адыгский роман; эволюция жанра; художественно-эстетические особенности; ментальность; фольклор; творческие принципы.

**TO THE QUESTIONS OF THE ART-AESTHETIC LEVEL OF THE
MODERN KABARDIN NOVEL****Kh.T. TIMIZHEV**

*Institute of Humanitarian Researches – the filial
of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: maryana.khezheva@yandex.ru

Abstract. The article deals with the contemporary artistic level of the Kabardian novel, its genre-species evolution and aesthetic specificity. The scientific significance of the research is to identify the problem of diversifying the value system, formed separately in the Kabardian literature in the context of the all-Russian cultural and historical space. The historical-typological method is applied. Much attention is paid, first of all, to the question of the correlation of images and motifs typical for the Kabardian literature in the work of the classics and in the work of the authors of the so-called «middle» generation. On the example of these authors, the dynamics of the development of poetics, the genre features of Kabardian prose, in particular a novel, can be traced as a key determining direction in the context of the national literary process. It is also noted here that modern authors represent the past of the ethnos from the modern point of view, with the support of new philosophical ideas. The practical importance of the work is due to the possibility of using them in understanding the specific features of the national literary process of the post-Soviet period and identifying the features of implementing the creative principles of specific authors. It will also be in demand in the practice of the secondary and higher schools of the North Caucasian republics, in which the literature of the peoples of Russia is studied.

Key words: Kabardian literature; literary process; Adygeyan novel; genre evolution; artistic and aesthetic features; mentality; folklore; creative principles.

XX лэщыгъуэм и иужьрей ильэсипщитым къриубыдэу къэралым зэхъуэкыныгъэшхуэхэр зэрыщеклуэкламрэ абыхэм йуэху еплъыклэщлэхэр къызырагъэщламрэ лъабжьэ хуэхъуащ адыгэ литературэм, хэгъэщхьэхуклауэ лъэпкъ прозэм игъуэта унэтыныгъэщлэхэм. Апхуэдэу адыгэ литературэр гъуэгущлэ тешэным щхьэусыгъуэ нэхьыщхьэ хуэхъуахэм ящыщ лэщыгъуитым (ильэс минитым) я зэблэкыгъуэхэм ирихьэлэу совет къэралыгъуэ иныр зэрызэхэщэщэжар, абы щыгъуу адыгэ тхыбзэ литературэр къыщэжъа, идеологие пыухыклам щлэту зыщиужъа лъэхъэнэри тхыдэм зэрыхыхъэжар. Абы и плэм къиуващ цыхухэм я псэуклэ-зэхэтыклэм, экономикэм, политикэм нэгъуэщлэ теплъэ езыта йуэху зехъэклэщлэхэр.

Литатурэр къапщтэмэ, апхуэдэ зэхъуэкыныгъэхэр абы лъэужьыншэу къыщынэркъым, сыт щхьэклэ жыплэмэ Хэкум, жылагъуэм къыщыхъухэм ар сыт щыгъуи куууэ хэпщлауэ къогъуэгурыклуэри. Аращ лъэпкъ прозэм, хэгъэщхьэхуклауэ роман жанрым къыкылауэ гъуэгуанэм дыщриплэжклэ, абы и фащэр ихъуэжу щыщлэидза лъэхъэнэу 90 гъэхэр къыщыхэдгъэщхьэхуклыр. Апхуэдэу щытми, къыхэгъэщын хуейщ блэкла лэщыгъуэм и 80 гъэхэм совет къэралым щыщлэидзэгъа нахуагъэмрэ цыхум игу илбыр жилену игъуэта хуитыныгъэмрэ лъэпкъ прозэм лъэужьыншэ зэрыщымыхъуари. Абыхэм фы куэд къадэклуащ, ауэ я йуэху еплъыклэр ехьэкл-къехьэкл хэмылтыу къалуэтэну, прессэм щыжалену ягъуэта хуитыныгъэхэм ди цыхухэр хуэмыхъэзыру къыщлэклат. Ахэр я лъабжьэу къэралым щеклуэклащ цыхубэ зэщлэхъееныгъэхэр, жылагъуэ-лъэпкъ зэжъэхъуэныгъэхэр, уеблэмэ щынальэ зауэхэр. Лъэпкъ прозэр а йуэхугъуэ гугъухэм хэмылэбэу лъэныкыуэклэ щытакъым (Нало З., Щамырзэ I., Сльон Л., Гъуцло З., нэгъуэщлэхэми я повестхэмрэ рассказхэмрэ), ауэ художественнэ псалъэм и къаруклэ нэгъэсауэ ахэр зэпкърыхыныр адыгэ литературэм иджыри зэфлэха щымыхъуа лэжыгъэщ.

Зи гугъуэ тщы лъэхъэнэм лъэпкъ прозэм, псом хуэмыдэу «тхыдэ романхэм, къыщыхъуа зэхъуэкыныгъэхэм ящыщ къэхъукъащлэ гуэрым хэт

литературэ лыхъужьым и дуней еплъыкIэки, псэки игъуэт зыужьыныгъэр къетхэкиным къыпыкIыу езы тхыдэ къэхъугъэр джыным, къэгъэльэгъуэным тхакIуэхэр зэрыхуэкIуар» [Тимижев, Тхагазитов 2009: 154]. Иджы ахэр хуцIокъу ляхэм и псэукIэр, цIыхубэм и дунейр зыхъуэж тхыдэ къэхъугъэ инхэр къэзышэ щхъэусыгъуэхэр къэхутэным, апхуэдэ дьдэуи къалэн зыщашIыж а къэхъукъашIэхэм, иджырей Iуэху еплъыкIэ зэхуэмыдэхэм тешIыхъауэ, яхуэфашэ пщIэ етынри. Художественнэ тхыгъэхэр къат щхъэхуэурэ зэтешIыкIыу щIадзэ. Литературэ лыхъужьым и сурэтыр иращIу тхакIуэ нэхъыжьхэм къагъэсэбэпу щыта плъыфэхэм адыгэ тхакIуэхэр къапокIри персонажхэм я дунейр, я хъэл-щэныр къэгъэльэгъуэным къыхашэ гъашIэ коллизие ткийхэр, лъэпкъ, дин, цIыхубэ зэщIэхъееныгъэ инхэм япыщIахэр. Мы ильэсхэм къэщIэрэщIэжу щIедзэ игъашIэ лъандэрэ лъэпкъым къыдекIуэкI хабзэфIхэм, адыгэм и художественнэ къэхъуым зезыгъэубгъу, гъашIэм и плъыфэ зэхуэмыдэхэм къэзыгъэщI псэкупсэ дунейм литературэр ешэлэныр. ШалъэкIэ Iэнкуну щыщыта ильэсхэр къызэренэкIри лъэпкъ литературэм зрешIыт къыщIэгъэляуэ адыгэм и блэкIар къэгъэльэгъуэжыным. Зым адрей иужь иту дунейм къытохъэ тхыдэ роман хъарзынэхэр (КIыщокъуэ А. «Лъапсэ», ШэджыхъэщIэ Хь. «ЛъыщIэж», МафIэдз С. «Гъыбзэ хуэфашэт», «Мыщэ лъэбжьанэ», Тыуаршы А. «Псыкъелъэм и макъамэхэр», Бэлагъы Л. «Гуащэнэ», АбытIэ В. «Уэсэпс шыугъэ», «Ирамышыжа нысащIэ», Елмэс А. «Бгъэхэм къуршым къагъээжэ», Жылэтеж С. «Пащтыхь хужьым и лыкIуэ», Къандур М. «Кавказ», «Шэрджэсхэр. Балкан тхыдэ», ХьэхъупащIэ Хь. «ГущIэгъуншэ», н.).

А ильэсхэм дунейм къытехъа тхыгъэшхуэхэм яхолъагъуэ адыгэ тхакIуэхэм тегушхуауэ зрапщыту зэрыщIадзар лъэпкъым и гъашIэр убгъуауэ къэгъэльэгъуэным, абыкIэ тхыдэ-революцэ лъэныкъуэмкIэ ещIа тематикэмрэ поэтикэмрэ зэлэзэрыт щIыжыным хуцIэкъухэу. ТхакIуэ щIалэхэм я къэлыхъуэныгъэхэм ахэр хуашаш гупсысэкIэ, унэтIыныгъэ зэмыщхъхэм къагъэщIа хъэтI зэмылIэужьыгъуэхэм заубгъуным, адыгэ литературэр хуабжыу зыхуэныкъуа лиризм шабэм къару игъуэтыным. Нэхъапэм ар усыгъэм нэхъ къыхэшу, абы пкъы хуэхъуу щытамэ, иджы абы и лъэр щигъэбыдэу хуежъаш зэуэ Iуэхугъуэ куэд къызэщIэзубыдэ, уеблэмэ тхыдэ къэхъукъашIэ инхэр къэзыIэт проэми. И тхыгъэм щилъхъэ гупсысэми, темэми тхакIуэр зэрабгъэдыхъэ щIыкIэми зыхъуэжаш: иджы ихъуреягъыр къетхэкиным ар къыпыкIри купщIэр къызэкIуэцIыхыным, цIыхум и псэкупсэ дунейр къызэлIухыным, психологизмэр нэхъ ткий щIыным яужь ихъаш. Абы езым къигъэщIыжу щIедзэ япэм адыгэ литературэм имыIа жанр-хъэтI гъэщIэгъуэнхэр. Утыку къохъэ пкъыгъуэ, унэтIыныгъэ зэмылIэужьыгъуэхэр щызэхэжыхъа, зэманым япэ ища мэгъу гупсысэхэр, щIагъыбзэ куухэр зыщIэль романхэмрэ повестхэмрэ (Шортэн А., КIыщокъуэ А., ЩоджэнцIыкIу I., Уэхъутэ А., Къашыргъэ Хь., ХьэхъупащIэ Хь., Кхъуэхъу Ц.). Псом япэу ахэращ зи фIыщIэр лъэпкъыр зыхэпсэукI дунейм зыгъэгугIэу е зыгъэпIейтейуэ хэльхэр художественнэ тхыгъэхэм тегушхуауэ къыщыгъэльэгъуэжэ зэрыхъуар. Апхуэдэ тхыгъэхэм къахохъэ «тхыдэм зи цIэр игъэляпIэхэм къадэкIуэу ар гуитIщхьитI зыщI цIыху щхъэхуэхэм я образхэри, къэхъукъашIэхэм зэрахущытыр я щхъэ

течауэ жызылэф лыхъужьхэри, къэралым, абы и унэтлакӀуэ къарухэм я Ӏуэху еплъыкӀэм демыжью гупсысэкӀэхэри» [История адыгской... 2013: 254].

Дызытепсэлъыхь лъэхъэнэм адыгэ прозэм щӀэуэ къыхыхьахэм ящыщ лъэпкъым къыдекӀуэкӀ жьэрыӀуатэ новеллэ гуэрхэр лъабжьэ зыхуэхъужа тхыдэ романхэр. Зы къэхъукъащӀэм теухуа хьыбарым роман псо къыгъэтэджыкӀын Ӏэмалыр, хэхэс адыгэхэм къахэкӀа тырку тхакӀуэшхуэ Хьэгъур Ахьмэд хуэдэу, къагъэсэбэпаш Къашыргъэ ХьэпашӀэ («ПшэкӀухь»), ШэджихьэщӀэ Хьэмыщэ («ЛьыщӀэж»), Журт Биберд («Унагъуэ») сымэ, нэгъуэщӀхэми. ЛъэхъэнэкӀэ мы романхэм къыщыгъэльэгъуэжар пщылӀхэмрэ гъэпщыллакӀуэхэмрэ щыщӀа зэманырщ, лъабжьэ яхуэхъуари адыгэхэм къадекӀуэкӀыу щыта хабзэ-зэхэтыкӀэхэрщ.

Къашыргъэ ХьэпашӀэ и романыр къызытрищӀыкӀыжар 1958 гъэм къызэрытрадзэу цӀэрыӀуэ хьугъа «Баз» рассказым къыщиӀуэтэжа хьыбар гуузырщ. Рассказым купщӀэ хуэхъуа гупсысэм зыщригъэубгъуащ тхакӀуэм и «ПшэкӀухь» романым, абы хэта персонажхэми, псом япэу мыщэм базкӀэ ебэну хэкӀуэда Аслъэмырзэ и къуэ Батыр, ар къан зыщӀыгъа Аслъэнбэч, Льостэн, пщы гущӀэгъуншэ Мысост, нэгъуэщӀхэми уащыхуозэ. Романым художественнэ Ӏэзагъ ин хэлъху къыщыгъэльэгъуэжаш тхьэмыщӀагъэмрэ щхьэхуимытыншагъэмрэ ирагъэза адыгэ мэкъумэшыщӀэхэм я хуитыныгъэхэм папщӀэ ирагъэкӀуэкӀа бэнэныгъэр.

ЕщӀэнокъуэ зэкъуэшхэм я лыгъэм, ӀуэхущӀафэм теухуа хьыбарымрэ уэрэдымрэ лъэпкъым куэд щӀауэ къыдокӀуэкӀ. Ахэращ лъабжьэ хуэхъуар ШэджихьэщӀэ Хьэмыщэ и «ЛьыщӀэж» романым. АдыгэлӀымрэ адыгэшымрэ я зэфӀэкӀым уэрэд хуаусу, адыгэ уэркъ щӀауэхэр лыгъэщӀапӀэ зэрымгъахуэу цӀэрыӀуагъкӀэ зэпеуэу щыщыта феодал лъэхъэнэрщ романым къыщыгъэльэгъуэжар. Лъэхъэнэр зыхуэдар наӀуэ ящӀ романым и лыхъужьхэм ящыщ зы ЕщӀэнокъуэ Уэзырмэс и псалъэхэм: «Дэтхэнэ зы къуажэдэсми дыхуэдэщ, ауэ къэхъуакъым лей дгъэгъуауэ, зыгуэрым и лыы щӀыхуэ къызытедгъэнауэ... Зы адыгэ лей къытехьамэ, лъэпкъ псом лей къытехьауэ аращ, а лейр бийм хуэбгъэгъумэ, уэ а лъэпкъым ущымыщу е ухуэмыфащэу фӀэкӀа нэгъуэщӀу плытэ хьунукъым» [Шекихачев 1994: 158]. Пщы-уэркъхэм я зэныкъуэкъу, зэдауэ мыхыжхэм цӀыхубэр гузэвэгъуэм хагъэкӀыркъым. Апхуэдэ гъащӀэм насыпфӀэ щыхьуркъым лыгъэрэ хахуагъэкӀэ къыхэжаныкӀэхэри, инэхьыбэрамэ, абыхэм къалъысыжыр я ужькӀэ къанэ хьыбархэмрэ гыбзэхэмрэщ: «ЕщӀэнокъуэ зэшитӀыр щыщӀалъхьа махуэм къригъажьэри махуэ плыщӀрэ тхукӀэ, уридэкӀуеиным хуэдэу, уэшх къешхауэ жаӀэж, зэкъуэшхэм дэтхэнэми илъэсу къыгъэщӀам и махуэ зырыз» [Шекихачев 1994: 193]. Лъэпкъыр бэлыхь хэзыгъэту, и цӀыху нэхьыфӀхэр зытекӀуадэу щыта хабзэжхэм ебэныныр щыщӀэгъэткӀия тхыгъэщ «ЛьыщӀэж» романыр.

Тхыдэ, тхыдэ-революцэ романхэмкӀэ щыз хьуа лъэпкъ литературэм щымащӀэ унагъуэ, цӀыху зэхущытыкӀэ темэрщ къыщиӀэтыр Журт Биберд и «Унагъуэ» романым. Къашыргъэмрэ ШэджихьэщӀэмрэ я тхыгъэхэм хуэдэу, «Унагъуэм» и сюжетым лъабжьэ хуэхъуар ӀуэрыӀуатэ хьыбар Ӏэрамэщ. Зэгуэрым щакӀуэ къыкӀыж гупым, пщы Елмырзэ зи пашэм, гъуэгум телъу сабий къегъуэт. ИужькӀэ къызэрыщӀэкӀыжымкӀэ, ар пщым и унэлут цӀыхубзым

нэчыхыншэу хуигуэта бынт. Щэхуу бзыльхугэм гурылуэри шу гупыр кызырыклуэжыну льяггуэм кыстригэльхьяуэ арат. Пщым сабийр зыларыхьэр зригэлььяггуну хуейти, ар быныншэ Инал хуиггэзащ. Адэклэ, хыбар фабулэм тету, мыльку гуэшыным кыщожьэри щлалэ цыклым и луэхум псалъемакь кьотэджык, зэкгуэшхэр зэщолей. Гуэгул балигь иджыри мыхьяуэ и адэ-анэр дунейм йохыж, езыри щлапэм кьрахури и занщлэр и гуэгу йожьэж. Ар «Ауц-Джэрджий бгыжым и льябжьэм щлэс жылэм носри» хэщлапэ хуохуэ. Романым и клэхми таурыхь тепльэщ илэр: и лэщлагэк, зэфлэккэ цларылуэ хьяуэ щлалэм еггээж кыздыдэклыгья жылэжым. Пщыр сымаджэу хэлыу ирохьэлэж. Абы Гуэгул иреггэблаггэри кыхуелуэтэж луэхур зэрыхуар икли кьольэлу хуиггэгуну, езым и пэккэ кьяажэпщ кызыэригганэри кыжре. Ауэ Гуэгул ар идэркым: «Лей зепхьамэ сэ пхузоггэгу, Алыхьым кыпхуиггэггуу щытмэ, нэггуэщккэ укысщымыгугь», – же.лэри кьожьэж. Щлалэр хуэлащлэрт фыуэ иляггуэ и унаггуэм, унаггуэ хуэапсэггуэм икли узыншэм. Арат абы и гьащлэ псор зыхэлгыр» [Журтов 2004: 196].

Журт Биберди, кьэдггэльггэгуа адреи тхаклуэхэм хуэдэу, луэрылуатэ кьэххым имыкыфами, романым кыпкьрык ггэсэнэггэ мыхьэнэр инщ. Льяпкым, жылаггуэм и кьарум и кыхэкльплуэ унаггуэр зэрыщытыр гупсысэ нэхьщхьэу щлэлыщ романым. Тхыггэм и пщлэр кьэзылэтхэм ящыщ этнографием ехьэла луэхугуэхэри. XIX лэщыггэуэм адыгэ кьяажэм и псэукар, цыху лэщлэпщлэхэм – гьуккэ, дыщккэ, фащлэ, ухуаклуэ лэзэхэм, нэггуэщлэхэми – я лэжьэккэмрэ луэхущлафэхэмрэ кыщыггэльггэгуэжа тепльггэуэхэм романыр реализмэм и бзыпхьэм кьрешэлэж.

Щлэблэр ггэсэнэм адыгэхэм ирату щыта мыхьэнэр, унаггуэм илбын хуей лэфаггыр, гуапаггыр, зэдэлху-зэшыпхьухэм яку дэлыпхьэ пщлэр, нэмысыр, зыр адреим кыщхьэщыжу псэун зэрыхуейр зыхозыггашлэ тхыггэщ Елггэр Кашиф и «Щыуаггэ» романри (1988). Елггэрым и лэдакьэщлэклым кыщилэт луэхугуэхэмрэ кыхэхьпхьэ дерсхэмрэ, дауи, унаггуэ, ггэсэнэггэ луэхухэм хуэбггэклуэныр мащлэщ. В. Распутиным и повестхэм хуэдэу, Елггэрым и романми льяпкь литературэм психологизмэр нэхь куу щиллащ, псэр дыкьяакгуэ щыхьум деж, напэм и тезырыр зэрынэхь хьэллэр кыщиггэльггэгуэжри.

Апхуэдэ щыккэ, тхаклуэм адыгэ литературэм кыхишащ тхыдэм нэхьрэ напэм и пащхьэ щихь жэуаплыныггэр зыккэ нэхь мащлэу зымылбытэ, и напэр и хеящлэу, и гьащлэ псоккэ ипшыныжыну тезыр зытезыльхьэж цыхум и образ гукьинэжыр. Цыхубэм шапхьэ зытрах лыхьужь зэпэщхэу льяпкь прозэм дызыщрихьэлэхэм ещхькым Мыващлэ Хьэжбатыр. Щыуэу Ичрэм кьэзыхьыжа цыхум и «фэепль сын» щыныркым тхаклуэм и гулытэр зыхуиггэлажьэр, атлэ абы и хьэл-щэныр кьэзыггэщлырщ, сыт хуэдэ ггэсэнэггэ зэпэщ кьэзыльхуахэм бггэдамьльхьами, и псэм тлэсхьаплэ гуэр илэнккэ зэрыхуенурщ. Апхуэдэ гуитлэщхьитыггэм кыхоккэ Хьэжбатыр и щыуаггэр – нэмыщэхэр ди Хэкум кыщытеуам, льябакгуэ пхэнж еч.

Зауэр ггэунэхуплэ тклийщ, абы и клэр хьэдаггэщ, хэклуэдахэр ягьеижккэ имыхуу. Кьелахэри абы псэккэ ныкгуэдыкгуэ ещлэ. Тхаклуэм зауэр кызыэриггэсэбэпыр и лыхьужьым и хьэл-щэныр иубзыхун, абы гуккэ

зэригъэзахуэ, псэкIэ игъэвхэр сэтей кърищIын, икIэм-икIэжым ар зэригъэзэхуэж Iэмэпсымэуш. А къалэным тхакIуэр зэрегугъур, гушIэгъу зыхуозыгъэщI цIыхуу Хьэжбатыр зэрыщытыр кыыхигъэщаш критик Щауэ Къалидари. Ауэ зэхэгъэкIыпIэ щихуэм, «дыкъуакъуэ хъуа и гупсысэм зэм нэмыщэхэм я дежкIэ, зэми ди дежкIэ иригъэщIаш, и тезырри езым зытрильхьэжащ» [Шаов 1989: 4]. Апхуэдэу щытми, лIыхъужьыр и напэм, и лъахэм, и лъэпкъым хуэпэжу къэнэжащ; гушIэгъу кыыхуэзыщIхэм факъырэ Iус кърату ар псэуаш, ауэ и адэми, и бынунагъуэми закъригъэцIыхужакъым. Ар дунейм ехыжа нэужь, хьэдэр игъэпскIыну къраджащ и адэ-ефэндыр. Мы теплъэгъуэр тхыгъэм и сюжетыр нэхъ ткIий щыхъу Iыхьэщ: Хьэжбатыр и бгъэгум тет анэлымкIэ адэм ар къицIыхужащ, икIи къэхъуар лIыжым и гум хуэшчакъым. ХьэдитIыр зэгъусэу а махуэм щIалъхьаш, ауэ зыльэгъуахэм къахуэщIакъым, игъэпскIын хуеймкIэ и Iэр шияуэ лIыжым и псэр щIыхэкIам и щхьэусыгъуэр.

ЦIыхур зэхэщIыкIын, щыуари щымыуари гульытэншэу къэмыгъэнэн – ахэраш романым кыыхэхыпхьэ дерсу тхакIуэм тхыльеджэр зыхуигъэIушщыр. Езы тхакIуэми зэритххщи, щымыуэрэ мыгъуащэрэ щыIэкъым, «сыт пщIэн мыгъуэ, небэ-къебэныр Хьэжбатыр деж щыпэублэкъым икIи щыпэухкъым». Апхуэдэ кыызэрыхъур дигу кыигъэкIыжу, М. Шолоховым и «черкесюгэ», «сампIэимыхьэ» Мелехов Григорий Хьэжбатыр «бгърильхьэ-бгъурихыурэ» тхакIуэм къытхукъуегъэплъ, и лIыхъужьыр абыкIэ иригъэзэхуэн мурад иIэу.

«Щыуагъэ» романыр адрейхэм къащхьэщызыгъэкI нэгъуэщI шапхьэхэри къыпхуэхьынуш. Апхуэдэщ, псалъэм папщIэ, тхыгъэм и гъэпсыкIэ гъэщIэгъуэнри (Хьэжбатыр и гъащIэм и къекIуэкIыкIар зэрыт тетрадыр), сюжет удэзыхьэхыр, цIыху куэдым я гъащIэ къыщынахуэр, нэгъуэщIхэри. Ауэ романым и къарум и кыыхэкIыпIэ нэхьыщхьэр тхакIуэм абы щышэщI «гупсысэм и Iэпсэлъэпсэуагъырщ, къыщIикъузыкI художественнэ дерсым и кууагъырщ» [Шаов 1989: 4].

КъэхъукъащIэ гуэр (нэхьыбэу революцэм, зауэм щыгъуэ къэхъуауэ) къэгъэлъэгъуэжыныр зи щIэдзапIэу щыта адыгэ романым философиие купщIэ игъуэтыным хэльхьэныгъэ щхьэпэ хуэхъуаш романхэу «Мывэ лъэхьэнэ» (Бештокъуэ Хь.), «Лъапсэ» (КIыщокъуэ А.), «ЩомыгъэтIыльам щыльыхъуэ» (Мэлбахъуэ Э.), «Къоджэм уигъэжейркъым» (Къэрмокъуэ М.), «Мыщэ лъэбжбанэ» (МафIэдз С.), «Бгъэхэм къуршым къагъээж» (Елмэс I.), «Абраг» (Куэшбей Ж.), нэгъуэщIхэри. Мы тхыгъэхэм гъэщIэгъуэну зэхэгъэжыхьа щыхъуаш лIэщIыгъуэрыбжэ литературэхэм къадэгъуэгурыкIуэ хабзэфIхэмрэ адыгэ лъэпкъ прозэм и поэтикэмрэ. Абы и шапхьэщ Бештокъуэ Хь. и «Мывэ лъэхьэнэ» романыр, усэбзэ дахэкIэ тхар. «Къамботрэ Лацэрэ» (ЩоджэнцIыкIу А.) и ужькIэ усэу тха роману лъэпкъ литературэм кыыхыхьар «Мывэ лъэхьэнэ» (Бештокъуэ Хь.), «Тенджызищым я Тхьэгуащэ» (АбытIэ В.), «Пащтыхь гуащэ» (Бэлагы Л.) тхыгъэхэрщ.

Эстетикэ купщIэшхуэ зыхэлъ дамыгъэхэр и щIэгъэкъуэну языныкъуэ адыгэ тхакIуэхэр гугъу езыгъэхь схематизмэм, хабзэ убзыхуахэм я къэухьым ибэкъукIын зыхузэфIэкIа зырызхэм ящыщ Бештокъуэр. Романым и пкъым щызэпыщIаш лIыхъужьым и гупсысэкIэ куури, лъэхьэнэ блэкIамрэ

къэкӀуэнумрэ я зэныкъуэкъури. Роман-притчэкӀэ узэджэ хьуну мы тхыгъэмкӀэ псом япӀэу кӀуапӀи жапӀи зимыӀэж «идиллие хронотропыр» (Бахтин М.) усакӀуэм зэхекъутэри зэманьшхуэ къызэщӀэзыубыдэ дунейм и теплъэ-зэхэлъыкӀэщӀэ ищӀыну хуожьэ. АбыкӀэ ар ебгъэшхь хьунуц Ахматов Ч., Пулатов Т. сымэ я повестхэм. Абы щыгъуэми, Ахматовым лъэпкъыр зэтеӀыгъэн къалэныр мифым и пщэм ирилъхьэмэ, Бештокъуэм и гупсысэр зыхуэунэтӀар мифым и малъхъэдисым къыӀэщӀэхауэ лӀыхъужьым и щхьэ закъуэ зэфӀэкӀыр къыхэгъэщынырщ.

«Мывэ лъэхъэнэ» (1985) романым игъэзащӀэ къалэнымрэ щӀэль гупсысэмрэ тещӀыхъауэ убгъэдыхьэмэ, жыпӀэ хьунуц абы унэтӀыныгъэ зытӀуц иӀэу. Ар къэплъытэ хьунуц философии усыгъэу, цӀыхумрэ щӀыуэпсымрэ яку къыдэхъуэ зэхущытыкӀэхэр къэзыгъэнахуэу, цӀыху хьэл-щэныр къэзыпщытэ гъэунэхуныгъэу, мыхъумыщӀагъэм лъэщу пэщӀэуэ тхыгъэу.

ФӀы и лъэныкъуэкӀэ къыхэгъэщыпхьэщ сюжетым къыхуигъуэта унэтӀыкӀэри. Тхыгъэм и пэщӀэдзэм дунейр пасэ зэман диям итщ, зэманри щӀыпӀэри аузым дэкъузауэ. Ауэ абы Ану къызэрыхыхьэу кӀэрэ пэрэ иӀэ мэхьу. Дунейм и инагъыр игъэлягъуэкӀэрэ, усакӀуэм къыдгурегъаӀуэ и лӀыхъужьым къыпэщыль къалэным и инагъыр. Ану Хьэнэлум щыхуэзэр тхыгъэм и лъагапӀэщ: абдежырщ лӀыхъужьыр и псэмрэ и напэмрэ хэдэн хуей щыхьур. ЦӀыхум зыужьыныгъэр къыпэщыльщ икӀи абы пимыкӀуэтыжынымэ, ар гугъуехькӀэ къилэжьын хуейщ. Ану зыхалъхуа дуней мыхьейр щыӀэжкӀым, ар зыхуэкӀуэнури гугъуехьыншэу къехъулӀэнукъым, аращи, гъащӀэм бӀыхьыр къыхохьэ, акъылыр зэщхьэщеху е езы гъащӀэр зэщхьэщокӀуэт, зым и фӀыр адреим и мыгъуагъэу. Абы Ану ирехужьэ, «дуней зэщхьэщыкӀар» и пӀэм изыгъэуэжын пэж къилъыхьуэну. Ар псым йокӀ, бгым докӀри зылъыхьуэр къыщицӀыгъуэтыр «къаруи-псэруи къыхуэмынэжауэ, и нэр щыукӀыфӀыкӀыу, жыгыщхьэм нэса нэужьщ – ар гъащӀэщӀэм хуэзышэ гъуэгурэ щӀыналъэ хьуэпсэгъуэрэщ...» [Бештоков 1985: 136].

Тхыгъэм и сюжетыр ауэ къекӀуэкӀ хьыбар гуэркӀым, ар философии гупсысэ куухэм я кӀадэщ, мифологием къыщечъэу иджырей цӀыхум и зэхэщӀыкӀым къэсыху псыхьа акъылкӀэ гъэнщӀауэ. Бештокъуэм хузэфӀэкӀаш цӀыху щхьэзакъуэм и зэхэщӀыкӀым зиужьурэ цӀыхубэм и пащхьэ къиувэ къалэнхэр къыпкърыхьэу, зыхищӀэу хьуныр къэгъэлъэгъуэжын. АбыкӀэ «Мывэ лъэхъэнэ» романыр лъэпкъ литературэ къупхьэм икӀри дунейпсо гъуазджэм къыпэщыль Ӏуэхугъуэ зэфӀэхыгъуейхэр зэригъэзэхуэну иужь ихьащ.

Къыгъэсэбэп художественнэ ӀэмалхэмкӀэ, щӀагъыбзэкӀэ къэлуэта гупсысэ куухэмкӀэ, лъэпкъым и къэкӀуэнум теухуа мэгъу псалъэхэмкӀэ Куэшбей Жэмбулэт и «Абраг» романыр (2004) пэгъунэгъуц Бештокъуэм и тхыгъэм. УрысыбзэкӀэ тха мы тхыгъэми щӀагъыбзэхэмрэ дамыгъэхэмрэ увыпӀэшхуэ щаубыд. ТхакӀуэм эпосымрэ нобэрей гъащӀэмрэ романым щызэхегъэткӀухьри гупсысэ пӀейтеяхэр щызэлъӀэс, щызэхэпщӀэ нэзхэм дуней гъэщӀэгъуэн къыщегъэщӀ, адыгэм и пльыфэхэмрэ нэщэнэхэмрэ щытепщэу. Нартхэм я хьэмтетыгъуэр щихым, а дунейм и фӀеплъу цӀыху лӀакъуэм къыхуагъэнат эпосыр, адэкӀэ ирипсэуну, иригъуэзэну. Ӏущыгъэм а и кӀадэм и щхьэр трахамэ, нартхэр къыхишырт гъэунэхуныгъэ нэхь гугъухэми. Ауэ «ЦӀыху ЦӀыкӀухэм» я

зэманыр къэсри, «хэгъэрейхэр» - лыхъужьхэм я Іэщэзехъэхэр, лыгъэщІапІэ ихъэну хуитыныгъэ зимыІэхэр – къэунэхуащ, лъэпкъым и лъапІэныгъэ нэхъыщхъэхэмкІи емыплъэкІыж хъуащ. Ауэ сытым хуэдэу гурыІуэгъуафІэт, къызэрыгуэкІт нарт хъыбарыжьхэр, ауэ «и кууагъым, щІэныгъэ лъащІэншэ иІэм демыгупсысу абы и щхъэфэм дрожэ. Ар Іэмал имыІэу дызыхуейщ, сыт щхъэкІэ жыпІэмэ Эпосым, мыхъурым и нэкІум хуэдэу, къытощ ди блэкІари, къэкІуэнури. БлэкІамрэ къэкІуэнумрэ ди Іэзэгъуэ имыт щхъэкІэ, нобэр – а лъэхъэнытІыр зэпызыщІэжыр – къыгуэхыпІэ имыІэу дэтхэнэ зыми къыдэпхащ» [Кошубаев 2004: 51].

Дунейм и зы картэми имыт Нарт хэкур зэманми, къэзэуакІуэ бжыгъэншэхэми пэщІэтыфащ. Абы и гъунапкъэр «кавказ лъэпкъхэм я гум зыщеукъуэдий. Дэ псоми ди къежъапІэр аращ» [Кошубаев 2004: 62]. Абы къыхэкІыу Абраг къалэр кІуэдыжами, ноби псэущ нарт лыхъужьхэр, Лъэпщи Нарт хэкум къыхуихъыжыну насыпым и лыхъуакІуэ ежъащ. Іэпщацэ З., Бещтокъуэ Хь. сымэ хуэдэу, Куэшбейри хущІэкъуащ адыгэм и блэкІар мифхэмрэ дамыгъэхэмкІэ, художественнэ Іэмалхэмрэ философии купщІэхэмкІэрэ къыгъэлъэгъуэжыну. ТхакІуэми ар къехъулащ.

Лъэпкъым и тхыдэ гъуэгуанэр блэкІа Іуэхугъуэ гуэркъым, абы адыгэхэм я нэгу шыщІэкІахэр – гуфІэгъуэри гузэвэгъуэри – нобэрей ди гъащІэм къуэпс быдэкІэ пыщІащ, ди гупсысэри ІуэхущІафэри иридунэтІу. ЛэщІыгъуэхэм я дэфтэр тхыльхэм къахотэджыкІыжри художественнэ псалъэм и фІыгъэкІэ иджырей гъащІэм къыхохъэж зи цІэр лъэпкъым и гум щихъумэ икІи щигъафІэ лыхъужьхэр. Абыхэм ящыщ зы, Къэбэрдейм и иужьрей пщы уэлий Жанхъуэт Кушыкурэ ар шыпсэуа лъэхъэнэмрэ теухуащ МафІэдз Сэрэбий и роман «Мыщэ лъэбжъанэ» зыфІищар (1998). А цІыху цІэрыІуэм и гъащІэмрэ и ІуэхущІафэхэмрэ нэгъуэщІ тхыгъэхэми къахощыж: Нало А. и роман-гукъэкІыж «Псы Іуфэм Іут унэ цІыкІу», «Нэхуц шухэр», Іутыж Борис и драмэ «Кушыкупщ», нэгъуэщІхэми.

80 – 90 гъэхэм къэралым щекІуэкІа зэхъуэкІыныгъэхэм Іуэху бгъэдыхъэкІэщІэхэр къыдэунэхуащ. Ахэр лъабжъэ хуэхъуащ адыгэм и блэкІам нэгъуэщІ еплъыкІэ худилэным, адрей лъэпкъхэми хуэдэу, мы дунеижьым гъащІэ гъуэгуанэ кІыхъ къызэрыщикІуар, зэрылъэпкъыжыыр, тхыдэ къулей зэриІэр, щІэуфэ хэмылбу тхыжыным. И щхъэ Іуэхумрэ лъэпкъ Іуэхумрэ хэдэн хуей хъу цІыхум и гущІэр къызысыкІ, и псэр зэхэзехуэн зыщІ гурыщІэ гуащІэхэр тхыльеджэм зыхригъэщІэну хущІэкъуащ тхакІуэр. АбыкІэ МафІэдз С. къыдэлэпыкъуащ Іэзэу къыгъэсэбэпа художественнэ Іэмалхэр – гум къиІукІ монологыр, щІагъыбзэр, тхакІуэм и образ гъэпсыкІэ щхъэхуэр. Иджырей цивилизацэм къыгъэщІ гупсысэхэмрэ Іуэху еплъыкІэщІэхэмрэ и тегъэщІапІэу, тхакІуэр бгъэдохъэ зэманым жьы дэмышъу лъэпкъ лъапІэныгъэхэмрэ тхыдэм къыхэхыпхъэ дерсхэмрэ.

Зи гугъу тщІа тхыдэ романхэм къащхъэщыкІыу мы тхыгъэм япэу зэфІэгъуэуа щыхъуащ зауэр зымыдэ, лъэпкъым и «зэлүзэпэщ псэукІэм и гъащІэри и унагъуэм ис дэтхэнэ зым и псэри» шапэлудз хуэзыщІыну хъэзыр, мамарщІэкъу хэкулІым и образ зэпэщ. Иджыри къэс къэдгъэлъэгъуэхэм пщыр зэрыхэтэр е мыхъумыщІэущ, е зауэм лыгъэ къыщигъэлъагъуэущ. МафІэдзым

и лыхъужьым лыгъэ кызырегъэлыагъуэр шылэныгъэшхуэ хэлъымрэ лъэпкъым и пашхъэ щихъ жэуаплыныгъэр зэрызэхичлэмклэщ. Пщым флыуэ кыгурылуэрт, - «Иэщэр дыбгъэгъэтлылу пхъэлэщэклыр дыбгъэубыдыну ара?» – жагъуэ, къеныкыуэкыу уэркъхэм я зэманыр зэрыблэклар. «Дауи, сэшхуэклэ зэрахъэ лыгъэр нэхъ налуэщ, нэлурытщ. Алыхъ-алыхъ. Ауэ гъавэ бэв къэбгъэклыныр, лэщышхуэ зепхуэныр, дыщэклыу, уанашлэу, хылмышхуэ уилэу уеджэныр абы нэхърэ нэхъ лыгъэ мащлэкъым. Аращ зэгупсысыпхъэр», – кыигъэдэлуэну хэтщ ар цлэрэ щхъэрэ илэу хэкум исыр. Езым и гъащлэри, и луэхушлэфэхэри зыхуэунэтлауэ щытар пщы уэлийуэ щыхахым щыгъуэ жила псалъэхэрщ: «Лъэпкъ гъащлэм дэ дызэрыхуитыр дгъэпсэумэщ, армышхумэ клуэдыплэм, укыплэм итшэну аракъым» [Мафедзев 1998: 47].

Гъэсэнныгъэ, ущииныгъэ кыаруушхуэ зыхэлъ романым XIX лэщлыгъуэм Кавказ зауэр зэхэзыубла кыэралыгъуэжхэм я лыкылуэхэм зэрахъа щлэпхъаджагъэхэри, лъэпкъ-щхъэхуитщлыжакыуэ бэнэныгъэм и лыхъужьхэм я луэхушлэфэхэри убгъуауэ кыщыгъэлыгъуэжаш. Блэклэм кыхэхыпхъэ дерсхэри щыщлэуфакъым Мафлэдзым и «Гъыбзэ хуэфашэт», «Мыщэ лъэбжъанэ» романхэм: лъэпкъыр хъума хъун щхъэклэ, «адыгагъэрэ цыхугъэрэ, акыларэ лэзагъэрэ, губзыгъагъэрэ зышылэныгъэрэ» кыигъэлыгъуээн зэрыхуейр «дэтхэнэ адыгэми и флэщ зэрыщлыпхъэр».

Иджырей адыгэ романым хэтлыагъуэ кыщхъэщыкыныгъэхэм ящыщ лъэхъэнэ зэхуэмыдэхэм къэхъуа луэхугъуэхэр зэшэллэри. Абы и шапхъэщ Мэлбахъуэ Э. «Шынагъуэт луашхъэмахуэ кыуэ гъуэгур» и романыр. А лэмалыр къагъэсэбэпаш Кыщокыуэ Алыми («Лъапсэ»), Журт Биберди («Гъуэжъкуий»), Къэрмокъуэ Мухъэмэди («Къоджэм уигъэжейркыым»). Иджырей лъэхъэнэм и зыужьыныгъэхэр, щлэныгъэр здынэса лыгаплэхэр тегъэщлэплэ ящлклэрэ, тхакылуэхэр нэхъ жыжыи маплэ, къалэт тхыдэ луэхугъуэхэри нэхъ куууэ зэпкърах. Абы и шапхъэщ Къэрмокъуэ Мухъэмэд «Къоджэм уигъэжейркыым» и романыр (1998).

Ди лъэхъэнэгъур зыхэпсэукл дунейр, абы нэрылыагъууи нэрымылыагъууи щекылуэклэ зэжъэхуэныгъэхэр къэгъэлыгъуэным кыдэкыуэ тхакылуэр хушлэкъуаш и лыхъужьым и псэм щыхъэхэр, абы гуклэ зэригъэзахуэ луэхугъуэ куэдыр художественнэ лэмал зэмыллуужьыгъуэхэмклэ кызылуихыну. Тхыгъэм хэт лирикэ лыхъужьыр лэпкълэпкъкыи пэклэ псыхъауэ кыхокл «Азэмэт» романым. «Къоджэм уигъэжейркыым» романыр япэм пызыщэщ. Гъэунэхуплэ мызэ-мытлэу ихуэ Азэмэт – романым щекылуэклэ псори зэхъэллар – луэхугъуэ гугъухэм хэдэн хуей мэхъу. Зэ еплыгъуэклэ романыр сюжетыншэ тхыгъэхэм ящыщу кыпщохъу – щхъэгъусэ кыхэхын, унагъэ щлын луэхум зэклэ мыхъэнэшхуэ ептыркыым. Ауэ романым тхыщлэкыуэ хуэхъуа а сюжет къудамэм мыщлэ щыгъуэ къэблэкыжащ тхыдэ къхъукъащлэхэри, гъащлэм и удын хъэлыу лыхъужьым кытехуэхэм теухуа теплыгъуэхэри. А лэмалымклэ – новеллэ щхъэхуэхэмклэ – тхакылуэм и романыр щлэщыгъуи еджэгъуафли ищлэщ.

Роман-гукъэкыж, роман-гъэсэнныгъэклэ зэджэ лэужьыгъуэрщ зыхыхъэр Къэрмокъуэм и тхыгъэр. Апхуэдэу щытми, мы тхыгъэм кыщыхъу-кыщыщлэхэр тхакылуэм кыбгъэдэкыуекыым кызырегъэлыгъуар, атлэ езым и хъэл-щэн, дуней тетыклэ, гупсысэклэ зыдэплыагъу, нэгъуэщылу жыплэмэ, и

прототип Азэмэтц. Жанрым и л'эужыгыуэщ'эм ар и шапх'эщ. Тхыг'эм и сюжетым и пк'ыр зыш'эщ'ыр тхак'уэм и н'эгу щ'эк'лауэ к'ылуэтэжхэмрэ езыр абыхэм зэрахушытымр'эщ. Абык'лэ г'ящ'лэм и п'эжыр художественнэ п'эжым хуег'як'лэ К'ээрмок'уэм.

Зэманк'лэ к'яапщ'тэмэ, романым к'ызыэщ'иубыдэр бл'эк'ла л'эщ'ыг'уэм и ет'уанэ йых'эрщ, езы тхак'уэр «г'ящ'лэ зэхэзэрых'ам дыхуэзыша л'эх'ээнэк'лэ» зэд'жэрщ. «А иль'эсхэм к'ытпк'рыуэу ид'жы е ек'луауэ к'ыд'эфык'лэ узыф'эхэм я х'ыбар щымащ'лэк'ымы мы тхыль'ым» [Кармоков 2004: 5] – щыже'лэ п'эублэ псал'эм тхак'уэм. Апхуэдэ х'ыбар-новеллэ щх'эухуэхэр ятеухуауэ романым уащрох'эл'лэ л'эпк'ь тхыдэм, щэнхабзэм зи ц'лэ к'ыых'эна ц'ыху щх'эухуэхэми: К'луащ Б., Бабич В., Бэрб'эч Х'ь., н'эг'уэщ'лэхэми, апхуэдэу езы тхак'уэм адыгэ газетым и редакц'эм, радиом к'ышщ'идэлэж'ья и ныб'ж'эг'у-лэж'эг'ухэми. А псори зэхых'эжри зы тхыг'эшхуэу зэхэжых'ыжаш, «ц'ыху г'ящ'лэ т'эк'лум» к'ыддыхэт дэтхэнэ зыри «имыг'эжейуэ к'едж'эхэр» и л'яабж'эу. 2002 г'эм «К'ьоджэм уиг'эжейрк'ымы» романым литературэмк'лэ К'эб'эрдей-Бальк'эр Республикэм и К'эрал сауг'этыр к'р'атащ.

Л'эпк'ь романым и зыужык'лэр к'эхут'эным ех'эл'лауэ едг'эк'луэк'ла лэжыг'ээхэм к'ызыэраг'эл'эг'уащи, ХХ л'эщ'ыг'уэм и 80 - 90 г'эхэм адыгэ литературэр г'уэгущ'лэ зэрытех'ар зэпхар к'эралым, ц'ыхубэм и г'ящ'лэм к'ышщых'уа зэх'уэк'ыныг'эхэрщ. Жылаг'уэм щек'луэк'лэ йуэхуг'уэхэр литературэми к'ыль'эмыл'эсынк'лэ л'эмал и'ак'ымы. Абы к'ыых'эк'лыуэ зэманым л'эпк'ь тхак'уэхэм я пашх'э к'эриг'эуэват к'ал'эныщ'лэхэр: политикэ, идеологие х'эха гуэрым и б'ж'ымы щ'лэмыт, йуэху еп'лык'лэ зэхуэмыдэхэм к'яг'эщ'ла тхыг'эхэмк'лэ тхыль'едж'эхэм ядэгуэщ'эну. К'ыжы'лэн хуейщ, 80 г'эхэм я к'лэхуым – зэх'уэк'ыныг'эмрэ нахуаг'эмрэ я иль'эсхэм – литературэр л'эх'ээнэщ'лэм хуаг'эх'эзырамы, адыгэ тхак'уэ псори абы занщ'лэу зэремыув'эл'лар (Г'убж М. «Йушым хешыр и Шыхуль'аг'уэ», Х'эх'уапаш'лэ Х'ь. «Г'уэгушщ'ыблыр щызэх'эк'лым», Налло А. «Псы йуф'эм йут унэ ц'ык'лу» романхэр, н'эг'уэщ'лэхэри). Ауэ зэх'уэк'ыныг'эхэм л'эпк'ь литературэр куэдрэ щ'т'л'эщ'табл'эу шаг'этак'ымы, г'ящ'лэм набдзэгубдзап'л'эу к'луэц'рып'лэ тхак'уэ паж'эхэм щ'лэх к'ягуры'уащ зэманыр зыхуэнык'уэ, жылаг'уэр зыщ'лэупщ'лэ литературэ л'эужыгыуэр.

Мы л'эх'ээнэм адыгэ прозэм зы'лэриг'эх'я ех'ул'лэныг'эхэм ящыщу к'ыых'эб'г'эщ х'уонуш романтизмэм и теп'л'эщ'лэ к'яг'эщ'лэ хуэдэ ар зэракудэу щыта этнографизмэмрэ фольклоризмэмрэ, дауэдапщ'э ех'эж'бахэмрэ псал'гэ дыг'элхэмрэ нэх'ь мащ'лэ зэрыщых'уари. Зы художественнэ тхыг'эм к'ыых'эк'лым адрейм л'эпх'уэурэ л'эпк'ь прозэм к'ышщызык'лух'ь х'ыбархэмрэ мифхэмрэ мащ'лэ зэрых'уам литературэр ц'ыхухэр зых'эпс'ук'лэ дунейр, абыхэм яку к'ыдэх'уэ зэхушытык'лэхэр нэх'ь уб'г'уауэ к'эг'эл'эг'уэным, психологизмэр нэх'ь куу х'уоным хуишаш.

Йуж'рей зэманым дунейм к'ытех'я тхыг'эхэр щых'эт тох'уэ л'эпк'ь прозэм и жанрхэм зэрызауб'г'уар, роману к'ыдэк'лри нэх'ыб'э зэрых'уар. Абыхэм яхэтщ лэжыг'эм, унаг'уэм, ц'ыху зэхушытык'лэхэм ех'эл'ла романхэри. Апхуэдэщ, псал'гэм папщ'лэ, Журт Б. и «Унаг'уэ», Кх'уэх'уэ Ц. и «Фат'имэт», «Анэм и п'эш», Емк'уж М. и «Дунейпсо псыдзэ», Бак'луу М. и

«МафIэ лыгъей» романхэр. Художественнэ литературэм нэхь мащIэрэ фIэки кыыхэмыш курыт лIэщIыгъуэхэм адыгэхэм я псэукIар кыщыгъэльэгъуэжахэри дуней кытехъаш. А лъэхъэнэм адыгэхэм кьахэкIа цIыху цIэрыIуэхэм ятеухуаш Жылэтэж С. и «Пащтыхь хужьым и лыкIуэ» романыр, Бекович-Черкасскэр лыхъужь нэхъыщхъэу зыхэтыр; Бэлагы Л. и «Гуащэнэ» романыр, Идар Темрыкбуэ ипхъумрэ Иуан Шынагъуэмрэ я гъащIэ теплъэгъуэхэр кыщыгъэльэгъуэжар, нэгъуэщIхэри.

Лъэпкъ романхэм кыщаIэт темэхэми хэхъуаш, класс бэнэныгъэм тешIыхъа художественнэ конфликтхэм кьапыкIри гъащIэмрэ цIыхухэм я зэхушытыкIэхэмрэ кьагъэщI коллизиехэр шытепщэ тхыгъэхэм бжыпэр яубыдаш. Нэхъапэхэм зытемыгушхуэу шыта Iуэху бгъэдыхъэкIэхэр, кьэлэуэтэкIэхэр, иджырей щIалэгъуалэм я псэлъэкIэ щхъэхуэхэр нэхь тегушхуауэ кьагъэсэбэп хъуаш. Совет зэманым лъэпкъ прозэм хабзэ щыхъуауэ шыта хьэти убзыхуам емыщхъу дэтхэнэ тхакIуэми езым и тхэкIэрэ жыIэкIэрэ кьигъуэтыжыну хущIокьу. Абы и фIыгъэкIэ авторым и «макьыр, и Iуэху еплъыкIэр» нэхь тегушхуауэ и тхыгъэм кыыхыхъэ хъуаш. Иджы ар тешIыхъауэ шытыжккыым кьэралым щекIуэкI политикэ убзыхуам, тхакIуэм и гупсысэр чэнджэщуй, зэрызэхуагъазэ псалъэуи, джэж пэлытэуи тхыгъэм ущрохьэлIэ. А псоми лъэпкъ романыр схематизмэм и кьупхъэм кьрашаш.

Адыгэ лъэпкъ романым, зэрыщыту прозэм кыщыхъуа зэхъуэкIыныгъэхэр кьризэщIэпкъуэжу жыпIэмэ, кыыхэгъэщыпхъэщ:

– фэрыщIагъ лейхэм кьапыкIыу ар цIыхум нэхь гъунэгъу зэрыхуэхъуар. Адыгэм и псэукIэр, гукIэ зэригъэзахуэ Iуэхугъуэхэр, псэкIэ зыхищIэ дунейр нэхь куууэ кьигъэльэгъуэну зэрыхущIэкьур;

– лъэпкъ прозэр Хэкум, лъахэм я блэклам и дерсхэр нобэрей щIэблэм гъащIэ гъуэмылэ хуэщIыным, адыгэхэм я тхыдэ гъуэгуанэм зэхуэщIауэ шыта и напэкIуэщIхэр художественнэ псалъэкIэ кызылухыжыным (КIыщокьуэ А. «Лъапсэ», МафIэдз С. «Гъыбзэ хуэфашэт», «Мыщэ лъэбжьанэ», Тыуаршы А. «Псыкьельэм и макъамэхэр», АбытIэ В. «Уэсэпс шыугъэ», «Тенджызищым я Тхьэгуащэ», Елмэс I. «Бгъэхэм кьуршым кьагъэзэж», ШэджыхъэщIэ Хь. «ЛыщIэж», Бэлагы Л. «Гуащэнэ» романхэр, н.) зэрыхуэлажьэр;

– адыгэ тхакIуэхэр тегушхуауэ нобэ тотыхь Октябрь революцэм, Граждан зауэм, 30 гъэхэм екIуэкIа политикэ залымыгъэм, Хэку зауэшхуэм цIыхубэм кыыхуахъа гуауэмрэ хэщIыныгъэмрэ. Ди кьэхутэныгъэхэм кызырагъэльэгъуэщи, 90 гъэхэм я пэщIэдзэхэм адыгэ тхакIуэхэр а Iуэхугъуэхэм иджыри гуитIщхьитI ящIу шыташ (Журт Б. «Гъуэжькуий», Гъубж М. «Iушым хешыр и Шыхульагъуэ», ХьэхъупащIэ Хь. «ГущIэгъуншэ», АбытIэ В. «Ирамышыжа нысащIэ», БакIуу М. «МафIэ лыгъей» романхэр, нэгъуэщIхэри);

– XX лIэщIыгъуэм и кIэхэм ди кьэралым, дунейм кыщыхъуа тхыдэ Iуэхугъуэшхуэхэм я жьауэм щIэту лъэпкъ романыр хущIокьу иджырей дунейм кыщыхъу-кыщыщIэхэр кыхутэну, гурыIуэгъуащэу шымыт нобэрей псэукIэм гугъу иригъэхь цIыхухэм кьащхъэщыжыну, хэкIыпIэ гуэрхэр кьахуилыхъуэну (КIыщокьуэ А. «Лъапсэ», ХьэхъупащIэ Хь. «Гъуэгушхьиблыр щызэхэкIым», Елгъэр К. «ШейтIан удж», АбытIэ В. «Хамэ фыз», «КIуакIужь» романхэр);

– адыгэ тхакӀуэхэм къагӀэсэбӀп художественнэ Гэмалхэми заубгӀуащ, псом хуэмыдэу абыхэм зыщаужащ лирическэ, романтическэ прозэм. Нэхъ тегушхуауэ тхакӀуэхэм я псалъэхэр къахэлукӀ хьуащ тхыгӀэхэм. Иджы ахэр нэхьыбэрэ къышагӀэсэбӀп персонажхэм я диалогхэм, авторым и гупсысэр къыщыӀуэта Ӏыхьэхэм, уеблэмэ чэнджэщхэм щыхуэкӀуэжи къэхьуу. Нобэрей лӀыхьужьым, ар къэзыухьуреихь дунейм и шыфэлӀыфэр, нэмыжыӀысауэ щымыту, хуиту къаӀуатэ хьуащ, ар иджырей литературэм и нэцэнэ нэхьыщхьэщ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бештоков 1985 – *Бештоков Х.К.* Каменный век [Мывэ лъэхьэнэ]. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 164 с.
- Журтов 2004 – *Журтов Б.К.* Семья [УнагӀуэ]. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 296 с.
- История адыгской... 2013 – *История адыгской* (кабардино-черкесской) литературы: в 2-х т. Т. 2 [Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) литературэм и тхыдэ. ЕтӀуанэ тхыль]. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2013. – 480 с.
- Кармоков 2004 – *Кармоков М.М.* Зов в ночи [Къоджэм уигӀэжейркӀым] // Кармоков М.М. Избранное. Т. 3. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 460 с.
- Кошубаев 2004 – *Кошубаев Дж.Х.* Абраг. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 294 с.
- Мафедзев 1998 – *Мафедзев С.Х.* Медвежий коготь [Мыщэ лъэбжъанэ]. – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 452 с.
- Тимижев, Тхагазитов 2009 – *Тимижев Х.Т., Тхагазитов Ю.М.* Адыгский роман: эволюция жанра и художественно-эстетические особенности. – Нальчик: КБИГИ, 2009. – 168 с.
- Шаов 1989 – *Шаов К.Х.* Ошибка [ЩыуагӀэ] // Адыгское слово [Адыгэ псалъэ]. – 1989. – 14 марта. – С. 4.
- Шекихачев 1994 – *Шекихачев Х.Т.* Месть [ЛьыщӀэж] // Избранное. Т. 2. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 518 с.

REFERENCES

- BESHTOKOV Kh.K. *Kamennyi vek* [The stone age]. – Nal'chik: El'brus, 1985. – 164 p. (In Kabardian)
- Istoriya adygskoj (kabardino-cherkesskoj) literatury* [History of the Adyghe (Kabardin-Circassian) literature]. Vol. 2. – Nal'chik: ООО «Tetragraf», 2013. – 480 p. (In Kabardian)
- KARMOKOV M.M. *Zov v nochi* [The call in the night]. IN: Karmokov M.M. *Izbrannoe* [Selectad writings]. Vol. 3. – Nal'chik: El'brus, 2004. – 460 p. (In Kabardian)
- KOSHUBAEV Dzh.Kh. *Abrag* [Abragh]. – Nal'chik: El'brus, 2004. – 294 p. (In Russian)
- MAFEDZEV S.Kh. *Medvezhii kogot'* [The bear's claw]. – Nal'chik: El'brus, 1998. – 452 p. (In Kabardian)
- SHAOV K.Kh. *Oshibka* [Mistake]. IN: *Adygskoe slovo* [Adyghe word]. – 1989. – 14-th march. – P. 4. (In Kabardian)
- SHEKIKHACHEV Kh.T. *Mest'* [Revenge]. IN: *Izbrannoe* [Selected writings]. Vol. 2. – Nal'chik: El'brus, 1994. – 518 p. (In Kabardian)
- TIMIZHEV Kh.T., TKHAGAZITOV Yu.M. *Adygskii roman: evolyutsiya zhanra i khudozhestvenno-esteticheskie osobennosti* [Adyghe novel: evolution of the genre, artistic and aesthetic specificities]. – Nal'chik: KBIGI, 2009. – 168 p. (In Russian)
- ZHURTOV B.K. *Sem'ya* [The family]. – Nal'chik: El'brus, 2004. – 296 p. (In Kabardian)

УДК 821.352.3

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-94-100

МОТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОЭЗИИ Х. КУНИЖЕВОЙ**Л.Б. ХАВЖОКОВА**

*Институт Гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию поэзии кабардинской поэтессы Хаишат Кунижевой. Автор ставит целью выявить основные мотивы лирики, определить идейно-тематическую направленность ее поэзии в целом. Исследование базируется на методе художественного анализа. В ходе исследования выявляются основные мотивные линии поэзии Х. Кунижевой, ее нравственно-философские и идеологические ориентиры. Автор делает предположение об удачном и оригинальном синтезе разных мотивов в лирике поэтессы. Результаты исследования могут быть применены в сфере литературоведческих исследований.

Ключевые слова: поэзия; мотив; тематика; проблематика; кабардинская литература; стихи; лирика; литературный процесс.

MOTIVE ANALYSIS OF H. KUNIZHEVA'S POETRY**L.B. HAVZHOKOVA**

*The Institute for the humanities research
Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-
Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkina st., 18
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru*

Abstract. The article's subject is the study of the poetry of Kabardian poetess Haishat Kunizheva. The author aims to identify the main motives of the lyrics, to determine the ideological and thematic focus of her poetry in general. The research is based on the method of artistic analysis. In the course of the study, the main motive lines of Kh. Kunizheva's poetry, its moral, philosophical and ideological guidelines are revealed. The author makes the assumption of a successful and original synthesis of different motifs in the lyrics of the poetess. The results of the research can be applied in the field of literary research.

Key words: poetry; motive; subjects; problems; Kabardian literature; poems; lyric poetry; literary process.

КЪУНЫЖЬ ХЬ. И УСЫГЪЭМ И МОТИВХЭР

Къуныжь Хьэишэт и усыгъэр и купщэкIэ, кыщиIэт IуэхугъуэкIэ зыми емышхьу жыпIэмэ, ущыуэнущ. Абы щытепщэр усыгъэм сыт хуэдэ зэмани кыдекIуэкI темэхэрщ (урысыбзэкIэ «вечные темы» жыхуаIэхэрщ). Апхуэдэщ хэкум, лъэпкъым, анэм теухуахэр, лъагъуныгъэ, пейзаж мотивхэр, гъащIэм и лъэныкъуэ псори кыызэщIэзыкъуэ философии лирикэр. Ахэр зы усэ кIэщIым и кIуэцIкIэ щызэхэхуэнауэ Къуныжьым и усыгъэм ущрихьэлIэ къохьу, икIи аращ усакуэм и художественнэ Iэзагъым и нэщэнэу, и хьэтIым и щхьэхуэныгъэу къэлгытапхьэр.

Къуныжь Хь. и граждан лирикэр, хэкур фIыуэ лъагъуным ехьэлIа мотивыр и усыгъэм щытепщэхэм ящымышми, щIыпIэ хэха щеубыд. Усакуэр псэ къабзэкIэ и лъахэм зэрыбгъэдэтым и щыхьэтщ абы зэрызыхуигъазэ мыпхуэдэ сатырхэр:

*УзимыIамэ, сытыт си дунейр,
СимыIэу псэху
ЗгъэлапIэ си щIыналъэ?
Пцэдей сихунум уи гум
Къэбэрдей,
ИреувыIэ нобэ
Си шыналъэр. [Кунижева 2015: 5]*

Усакуэм и лъагъуныгъэ усэхэр пщидджыжь акъужьым хуэдэу къабзэщ, гуапэщ, литературэджым, критикым и нэкIэ уеплэмэ, щIэныгъэр и лъабжьэу зэпкьрыпхмэ – образ щIэщыгъуэхэр кыщыгъэщIащ, гупсысэ къэIуэтэкIэ гъэщIэгъуэнхэмкIэ зэщIэуздащ. «Си лъагъуныгъэр езгъэпщэнут...» усэм и лирикэ лIыхъужьыр, псэм щигъафIэ гухэлъым и дахагъыр, кууагъыр лъэщагъыр кыIуэтэн папщIэ, ар зыхуигъэдэн, зригъэпщэн дунейм щимыгъуэту гупсысапIэ йохуэ: «уэгу вагъуэм хуэдэ мыIэрысэм» иригъэпщэнуги, ар «бжьыхьэм жьы къепщэнум ихьынущ игъуэ нимыгъэсу»; «жьэгум хьуаскIэ кыдэльэтым» хуигъэдэнуги, «щIымахуэр къэсым жьым кымыхьу щытам уэс щIыIэр, бзийр ипхьуатэу»; «пщэддыджьым уафэм кыхьэ дыгъэм» иригъэщхьынути, «дунейм имыхь сыт щыгъуи бзыгъэу...», нэгъуэщIу жыпIэмэ дыгъэри пшэм щыкыуилъафэ къохьу. ИкIэм-икIэжым, лирикэ лIыхъужьым кыгуроIуэ лъагъуныгъэ къабзэр зыхуэбгъадэ хьун зэрыщымыIэр, абы кыщынэмышIауэ, цIыху къэскIэ зэрызэмышхьым и щыхьэту, и гухэлъ щIыкIи зэриIэжыр, и гухэлъри езы цIыхум и псэм и пIыфэу кызэригъэщIыр. Ар зи гугъу тщIы усэм художественнэ бзэ дахэкIэ кыщыIуэтащ:

*НэгъуэщI ар зэщхь темыт мы щIыгум –
Си лъагъуныгъэр ещхьыжщ си гум. [Кунижева 2015: 11]*

Лъагъуныгъэ мотив кызыпкьрыщ усэу Къуныжь Хь. и Iэдакъэ кыщIэкIахэм зэдыщIэкIыу зы щхьэхуэныгъэ япкьрыльщ – гухэлъыр къабзэщ,

ар зыпкършыпсыхьа псэр итхьэщЫкІащ. Аращ усакІуэм и лъагъуныгъэ лирикэр «къабзэ», «лыд» «нур» псалъэхэмкІэ зэщІэузэдауэ щІыщытым и щхьэусыгъуэри. Къэтхьынщ шапхьэ зыбжанэ: «*Уи теплэ сызэжьэр кьихьэну нэхьей, / Лыдыжу щхьэгъубжэр сольэщІ*» [Кунижева 2015: 53]; «*Лъагъуныгъэ пхузилари уэ зым фІэкІ / Темыплъэну, мазэ нурым кІуэцІашыхь*» [Кунижева 2015: 54]. Абы шыгъуэми, мазэмрэ дыгъэмрэ хуэдэу, ХьэИишэт и усэхэм кьыхэщ лъагъуныгъэм лъэныкьуитІ иІэщ: и зы лъэныкьуэр гуапэмэ, адреир – гуауэщ. Гухэлъыр нэхь къабзэхукІэ, къару лъэщи хэлъщ икІи нэхь гуащІэщ. А гурыщІэр сыт шыгъуи гуапэу, ІэфІу зэрыщымытыр Къуныжьым «Сымымазэ, сымыдыгъэ...» зыфІища усэм ІупщІу кьыхощ: «*И щІопщ гуащІэм лъагъуныгъэм / Чыным хуэдэу сегъэльей...*» [Кунижева 2015: 56], – етх усакІуэм.

Къуныжь Хь. и пейзаж лирикэр и творчествэ псом щынэхь лъэщ дьдэхэм, щытепщэхэм ящыщ. УсакІуэм и дэтхэнэ усэми щІуэпсым и теплэ зэхуэмыдэхэр хэхуэнащ. Абы шыгъуэми, лирикэ лыхьужьым и псэм шыщІэхэм, и гурыщІэхэм дунейм и щытыкІэр пэщІэгъэувакьым, атІэ поджэж: щІуэпсым и образхэмкІэ цыхум и зэхэщЫкІыр, гухэлъыр, гупсысэр къэлуэта мэхьу. «Зы гьатхэр тІуми...» усэм деж фІуэ зэрылъагъухэм гьатхэми закьыдешІ, къахуогуфІэ, къопсэльылІэ, абыхэм я гурыщІэм и плыфэ фашэкІэ дунейр зэщІехуапэ:

*И лъагъуныгъэм
КъытхуищІащ и гугъу,
Дэ тІум ди лъагъуныгъэр
ТхуигъэлъанІэу.
КъыищІэм тІуми
Шейтеяуэ дигу,
Хыхьащ жыг хадэм
ТхэмтэкІэ ихуапэу. [Кунижева 2015: 15]*

ГьащІэм ехьэлІа гупсысэ куухэр кьыщиІуатэкІи Къуныжьым щІуэпсым и образхэр Іэзэу къегъэсэбэп. Абы и усыгъэм хьэл зэрыхуэхьуащи, дунейм и щытыкІэр къетхэкІыныр мащІэщ, ар цыхум и гупсысэ-гурыщІэ гуэрхэм ехьэлІауэ щытыпхьэщ, цыхупсэм и гьуджэу увьпхьэщ. Нэхьыщхьэжращи, усакІуэмрэ щІуэпсымрэ псэкІэ зэпыщІащ, зэрощІэ: «*Цыху гуэр сфІоуцІ хуейуэ / Си гуицІэгъу, / Жьы щІыІэ ябгэм / СылуцІэхукІэ*» [Кунижева 2015: 22], – щетх абы «Жьы щІыІэр жэщми мыгъуэлъыж...» зыфІища усэм.

Къуныжь Хь. и усыгъэм гьащІэм и философии куу хьболъагъуэ. УсакІуэм кьигъэщІа илъэсхэри, игъэва гурыгъу-гурыщІэхэри, акьылрэ псэкІэ зыхуэкІуа гупсысэхэри зэхэшыпсыхьарэ а псом кьыхудэкІуа Іушыгъэр и тегъэщІапІэу, езым и дуней еплъыкІэ и усэхэм кьышигъэщІыжын лъэкІащ. Апхуэдэ щІыкІэм тету абы гьащІэм сыт шыгъуи кьыдекІуэкІ хабзэ гуэрхэр иубзыхуащ, усэбзэ дахэкІи кьіуэтащ. Абыхэм языхэз «Зэ хьуамэ псыІэ пэшхьэку яжьэр...» усэм кьыщыхьащ:

*Мырауэ сфIоуцI и лъабжьэр гъащIэм:
Зым хуэхъур хуцхъуэ зым и цхъухъуц.
ТIум яз хэмытмэ – гуанэр мащIэц.
ТIум яз хэмытмэ – гуауэр кIыхъуц. [Кунижева 2015: 27]*

Мы сатырхэм усакIуэм щIагъыбзэу щIилъхъэр гъащIэм IэфIри дыджри зэрыщызэщIэлъырщ, гуфIэгъуэри гуауэри зэрыщызэльэпагъырщ, ер умыгъэунэхуауэ фIыр зэрызэхыумыщIэрщ.

Къуныжь Хь. и усыгъэм къыпкърыщ псэр къуэпс быдэкIэ адыгэм и тхыдэм, пасэрей хабзэхэм, нарт эпосым, IуэрыIуатэм, уэрэдыжьхэм зэрапыщIар усакIуэм и лъэпкъ зэхэщIыкIыр зэрылъагэм и щыхъэтц. Абы щыгъуэми, тхыдэм щыхуэусэкIэ, ХьэIишэт и усыгъэм цIыхухъу хьэл къештэ – и псалъэр быдэу егъэувыф, и къэIуэтэкIэм ерыщыгъэ щIелъхъэф, и гупсысэр къару къэмылэнджэжкIэ епсыхъыф. ЖытIам и зы щыхъэтц тхыгъиплI къызэщIэзубыдэ «Уэрэд» усэ Iэрамэр. Абыхэм языхэзым адыгэм ижъ-ижъыж лъандэрэ къыдекIуэкIа хьэл-щэныр екIуу къыщыгъэлъэгъуэжащ. Мыращ, усакIуэм пэжу зэритхымкIэ, адыгэр къызэрыгъуэгурыкIуар, зэрихъа хабзэ-бзыпхъэр, лIэныгъэм и шынагъэкIи IэщIыб ирамыгъэщIыфу къыдекIуэкIа псэукIэр:

*Къыхуепсыхамэ хъэщIэу хамэр,
Къэмыхъут хуимыщIу хамэм дзыхь.*

<...>

*Гурыцхъуэ щIыныр имыхабзэт,
Къарум, акъылым ящIт хэмыщт.
Хыхъамэ зауэм – хуэдэт шабзэм,
Мэи губгъуэм хисэмэ – емышт.*

*ХамэщI имыхъэт ихъунищIэну,
И лъэпкъ нэмысыр ихъумэжт... [Кунижева 2015: 32]*

Щабэу, гуапэу, удз гъэгъакIэ зэщIэбгъауэ, акъужь къабзэ къыщIихуауэ, гъатхэр щытепщэу гъэпсауэ щыт зи гугъу тщIы Къуныжь Хь. и усыгъэм лъэпкъым и блэкIар зы узыфэ IэпапIэу къыхощ. А тхыдэр усакIуэм «гугъу» жыхуиIэ эпитетымкIэ егъэбелджылы.

«Тенджыз ФIыщIэм и Iуфэм» фIэщыгъэм щIэт усэм лъабжьэ хуэхъуар ИстамбылакIуэрщ, Кавказ зауэм и кIэухыу XIX лIэщIыгъуэм икухэм адыгэхэм я лъахэр зэрырагъэбгынауэ щыта Iуэхугъуэрщ, Тырку щIыналъэм шагъэIэпхъуэм, Тенджыз ФIыщIэм ди лъэпкъэгъу куэд зэрыхэкIуэдарщ:

*СыщымыIа ТыркущIым,
Чэбэр сымылъэгъуа.
Я гуауэм сегъэпIыщIэ
И щIагъ тенджызым хъуам. [Кунижева 2015: 74]*

Усаклуэм кыггьэлъэгъуэж лъэхъэнэ лъандэрэ лэщыгъуэрэ ныкьюэрэ дэжыжами, нобэр кыздэсым тхыдэм и гуауэр ужьыхакъым, усаклуэпсэми ар гуащлэу зыхещлэ:

*Узыбгынахэр, Хэку,
Щигъуауэ зы лэщыгъуэ,
Ягу кытыцлэбэгу
Уэрклэ, мес, мэщыгъуэ.
Хэкужъым икыжахэр
Зэрогъуэт,
Адыгэ быниц... [Кунижева 2015: 117]*

Къуныжъ Хьэишэт и усыггэм и щхьэхуэныггэхэм языхэзщ абы езым и макъ кызырыхэлукыр, и дуней еплъыклэ щхьэхуэ зэрыщызэфлэгъувар. И усэхэм языхэзым усаклуэр и щхьэ хуиубзыхужа хабзэ хэхахэм, кыыхиха гъуэгуанэм тезышыфын зэрыщымылэр налуэу кыыхош: «*Сыщыхасэм сыкыщыкыгу, / Уэ зэгъащлэ, – сымыдзэл, / Си къудамэр кыгуащыкылым, / Гуэщыкылылэр си анэли*» [Кунижева 2015: 102]. Зи гугъу тщы гупсысэм – Къуныжъым езым и художественнэ хьэтл, макъ щхьэхуэ зэрызэфлэгъуэвфам – кыпащэ усаклуэмрэ усыггэмрэ я зэхущытыклэр кызыхэщ усэхэм. Усэ зытхыр и усыггэм, и лэдакъэщлэкхэм я тепщэу, художественнэ псалъэр здыхуей лъэныкьюэмклэ иунэтлу тфлэщми, абы кыпэщлэу еплъыклэ Къуныжъ Хьэ и «Усэ сэ стхыркъым...» тхыггэм дыщрохьэллэ:

*Усэ сэ стхыркъым,
Езы усэм си гъащлэр зэхельхьэ,
Зэрегъэзахуэ си хьэлыр. [Кунижева 2015: 160]*

Къуныжъым и усэхэм я поэтикэм – зэрытха бзэм, ритмикэм, строфикэм, абыхэм кыщыггэсэбэпа рифмэ лэужьыгъуэхэм, н. – щхьэхуэу кытеувылэпхьэщ. Псом япэу кыыхэггэщыпхьэраши, усаклуэм и анэдэльхубзэр лэзэу егъабзэ, абы и лэмал гъэщлэгъуэнхэр и усыггэм лэкуэлъаклуэу хеухуанэ. Нэхьыбэрэ абы узыщрихьэллэхэм ящыщ зэгъэпщэныггэ, метафорэ, къэггэпсэуныггэ лэмалхэр, эпитет гъэщлэгъуэнхэр, егъэлеиныггэхэр. Къэтхьынщ шапхьэ зыбжанэ: «*Уэшхым кыыхыхьауэ дыггэ бзийхэр къофэ*» [Кунижева 2015: 8], «*Сыножъэ сэ бэшэчу, лэм и гъунэу, / Щы зэгъуэчар зэрежъэм хуэдэу псым*» [Кунижева 2015: 10]; «*Адэ цлэиныфлэци, гуггэм, / Сыщыхэтыми бэлыхь, / Шыщлэм хуэдэу, гъатхэ губгъуэм / Емызэшу кыщцежыхь*» [Кунижева 2015: 35]; «*Еплъыт, пиэплъыр, бащлъыкь плъыжъу, / Едзэклащ бгы дамэм. / Псыри хуэдэщ бгырыс хьыжъэм / Иггэпса гъуэгуанэм*» [Кунижева 2015: 37]; «*Зэманыр шыфлу клуэрт мылэащлэу, / <...> / Гу лъыдытэххээрэ, ди гъащлэр / Ди сабий щхьэцхэм уэшхыу ныжт*» [Кунижева 2015: 40]; «*Шыщлэм пцлэхэль дыжъын уэдджынэу, / Уи флэщлэ жыгым мазэр флэщ*» [Кунижева 2015: 75]; «*Мазэр хуэдэу кхъуейхьэл ныкьюэм / Пиэ шэжыпсым ныхоткхь*» [Кунижева 2008: 563], н.ку.

Къуныжым и усэхэм ритмикэ шэщІа ящІэлъщ, языныкъуэхэм укыщеджэкІэ макъамэ щІэлъу зыхыбощІэ. Мис, псальэм папщІэ, усэ зэхуэмыдэхэм кыыхэтха щапхытІ:

*Къыдыхъэжам я жьэгум,
Къахохъэри къару,
Къыщофэ гуфІэу уэгум:
«Къру, къру, къру». [Кунижева 2015: 42]*

.....
*Дышыпсэу, дыпсысэу
Дихъэжми уафэгу,
Къэдгъанэ гупсысэр
Щыблэнур ди жьэгущ. [Кунижева 2015: 142]*

Рифмэ лІэужыгъуэхэм ящыщу ХьэІишэт и усэхэм нэхьыбэ дыдэрэ кыыщыгъэсэбпар кІэух рифмэ зэблэдзарщ:

*Зы щІалэгъуэщ цІыхум иІэр...
Илъэс къэскІэ уэсыр къос,
Щымахуае щащыху щІыІэр
ИгъэткІуну дыгъэр къопс. [Кунижева 2015: 56]*

ИщхъэкІэ къэтхъа щапхъэм деж рифмэ зэблэдзакІэ зэпыщІащ япэ сатырымрэ ещанэмрэ (*иІэр – щІыІэр*), еІуанэмрэ еплІанэмрэ (*къос – къопс*) я кІэуххэр. Ахуэдэуи зи гугъу тщІы усыгъэм сатыркІуэщІ рифмэм и щапхъэ дахэ ущрохъэлІэ: «*Си нэбгъузым щоджэгу уафэ нэзыр*» [Кунижева 2015: 108]. Мыбдежым сатырым и пэщІэдзэмрэ и кІэухымрэ «*нэбгъузым – нэзым*» жыхуиІэ рифмэ къулеймкІэ зэпыщІащ.

Гу зылытапхъэхэм ящыщц усэхэр зэрыгъэпса строфикэр. Адыгэ усыгъэм нэхьыбэрэ кыгъэсэбэп сатыриплІ строфам нэмыщІ, Къуныжым и усыгъэм сатыр бжыгъэ зэхуэмыдэу – сатырихыу, сатыриблү, сатырийуэ – зэхэль строфахэм ущрохъэлІэ. Псальэм папщІэ, «Ди уэрэдыжъхэр» усэр сатырихыу зэхэль строфакІэ тхащ:

*Адыгэ уэрэдыжъхэм я макъамэр,
Кхъузанэм хуэдэу си акъылым ез.
Си бзэ шэщІар хъыринэ ирегъащІэ,
ИмыщІа куэди си гум кърегъащІэ,
Темыльа куэди си псэм къытрелъхъэ,
Хэль дэп жьэражъэм махуэ Іэджи сфІес. [Кунижева 2015: 67]*

Сыт хуэдэ гъэпсыкІэ-ухуэкІэ ямылами, Къуныжъ Хь. и усэхэр зы жыпхъэ гуэрым е гупсысэ щхъэхуэм ихузауэ щыткъым: абыхэм псэ яІутщ, я щыІэкІэ-псэукІэ яІэжщ, сыт щыгъуи купщІэкІи фащэкІи заужь зэпытщ. Абы щыхъэт тохъуэ усакІуэм и ІэдакъэщІэкІ мыпхуэдэ сатырхэри:

Си усэхэр жынукъым мывэу,
 Си псалъэхэр бзууэ щхъэхуитщ. [Кунижева 2015: 65]

КъызэщIэкъуауэ къапщтэмэ, Къуныжь Хь. и усыгъэ дунейр псалъэ зыбжанэкIэ пхуэгъэбелджылынуц – «дахагъэ», «гуапагъэ», «щIыуэпс», «нэхуц», «лъагъуныгъэ», «гущIэгъу». Псом нэхърэ нэхъыщхъэраци, зи гугъу тщIы гурыIуэныгъэхэр усакIуэ нэсым и тхыгъэхэм образ гъэщIэгъуэнхэмкIэ хэгъэтIухъауэ щыт хабзэщ. Сыт а къалэн мытыншыр Къуныжьми къыщIехъулIэр? – УсакIуэм и псэр дунейм щытепщэ дахагъэм, гъащIэм хэль гуапагъэм и плъыфэщи, щIыуэпсым хуэдэу щхъуэкIэплъыкIэщи, акъужьым хуэдэу къабзэщи аращ! Дэ дызэрэплъымкIэ, эстетикэ лъагэм и шапхъэщ мы сатырхэр:

*Дыжьбыныху макъыр хэльщ нэхуцым,
 Дыщафэ тиэплъым дыгъэр хэльщ,
 Дунейм дахагъэу къыщыушым
 Сэ си псэм зыхипцэну хэтиц.* [Кунижева 2015: 58]

Мы едзыгъуэм дежи зэрыщынэрылъагъуши, усакIуэм и IэдакъэщIэкIхэм я нэщэнэ нэхъыщхъэхэр усыгъэ лъагэм и пщальэу щытыпхъэ гурыIуэныгъэхэрщ. Апхуэдэ нэщэнэхэм Къуныжь Хь. и усэхэм «я гъуэгъу кIыхъ хъуну», сыт хуэдэ лъэхъэнэми езым я щIэджыкIакIуэ хагъуэтэну, мылIэжыныпсэ яIуту къэтлътэнымкIэ шэсыпIэ драгъэхъэ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Кунижева 2015 – *Кунижева Х.М.* Праздник весенней травы. Стихи, поэмы. (На каб. яз.). Нальчик: Эльбрус, 2015. – 208 с.

Кунижева 2008 – *Кунижева Х.М.* Стихи // Антология кабардинской поэзии. (На каб. яз.). – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.». Издательский центр «Эль-Фа», 2008. – С. 559-564.

REFERENCES

KUNIZHEVA Kh.M. *Prazdnik vesennei travy. Stikhi, poemy* [Spring grass feast. Poetry, poems]. – Nal'chik: El'brus, 2015. – 208 p. (In Kabardian)

KUNIZHEVA Kh.M. *Stikhi* [Poems]. IN: *Antologiya kabardinskoi poezii*. [Antology of Kabardian poetry]. – Nal'chik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.». Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2008. – P. 559-564. (In Kabardian)

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.422

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-101-119

**УРОВЕНЬ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ:
НА МАТЕРИАЛАХ ПО КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ****Ж.М. ХАМДОХОВА**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: janenal@mail.ru*

Аннотация. Исследование социальной структуры общества может осуществляться в рамках различных подходов. На наш взгляд, наибольшими эвристическими возможностями применительно к анализу социальной структуры регионального сообщества обладают ресурсная парадигма, а также модель, построенная на основе показателей уровня жизни, где в качестве критерия выделения различных социальных слоев учитываются их жизненные шансы в сфере потребления, которые определяют различия в образе жизни тех ли иных слоев, а также определяют перспективы социальной мобильности. Построение моделей социальной структуры на одних и тех же массивах эмпирических данных с использованием упомянутых теоретических подходов позволяет получить достаточно полную и объемную картину социального пространства современного российского региона. Цель настоящей статьи – анализ социальной структуры современного кабардино-балкарского общества по критерию уровня жизни. Рассматриваются конфигурация и параметры модели стратификации кабардино-балкарского общества, анализируется реальный уровень жизни населения КБР на основе оценки благосостояния и уровня депривации граждан, рассматриваются численность и характерные признаки основных слоев, факторы принадлежности к социальному слою. В статье представлены результаты социологического исследования ЦСПИ КБНЦ РАН, проведенного в Кабардино-Балкарской Республике в 2017 г.

Ключевые слова: Россия; Кабардино-Балкарская Республика; социальная структура; социальная стратификация; одноступенчатый классовый подход; социальный слой; уровень жизни; депривация.

**STANDARD OF LIVING AS THE BASIS OF SOCIAL STRATIFICATION:
BY THE CASE OF KABARDIN-BALKAR REPUBLIC****Zh.M. KHAMDOKHOVA**

*FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»,
Center of socio-political researches*

360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18

E-mail: janenal@mail.ru

Abstract. Studies of the social structure may be conducted on the basis different approaches. In the author's opinion the most heuristically effective for the researches of social structure of regional communities are the resources allocation paradigm and the models built on the indicators of standard of living. In the last case life chances of various groups in the sphere of consumption, which determine differences in their ways of life as well as their prospects for social mobility are took as the criteria for social stratification. Modeling of the social structure on the same mass of empirical data with the use of above named theoretical approaches allows to get full enough and volumetric vision of modern Russian regions' social space. The aim of this article is to analyze social structure of modern Kabardin-Balkar society through application of standard of living criteria. Under consideration are configuration and parameters of the stratification model of Kabardin-Balkar society, real standard of living of the Republic's population through an estimation of well-being and extent of deprivation of the people, proportions and characteristics of basic groups, factors of belonging to that or this social stratum. The article presents preliminary results of sociological research, conducted by Center of socio-political researches of the Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Kabardin-Balkar Republic in 2017.

Key words: Russia; Kabardin-Balkar Republic; social structure; social stratification; one-dimensional class approach; social stratum; standard of living; deprivation.

Введение

В предлагаемой статье продолжено изучение социальной структуры общества Кабардино-Балкарской Республики на основе материалов социологического исследования, проведенного Центром социально-политических исследований КБНЦ РАН в 2017 г. Анализ полученных данных осуществлялся через призму двух подходов – ресурсного и одноступенчатого классового. Результаты исследования в рамках ресурсного подхода, где в качестве оснований для стратификации выделяются объем и структура ресурсов (капиталов, активов), которыми обладают индивиды, представлены в предыдущей статье [Хамдохова 2018]. В ней рассмотрены факторы социальной структуризации, определен общий объем и структура имеющихся у населения КБР ресурсов, предпринята попытка связать тип и объем ресурсов с местом, занимаемым индивидом в социальной иерархии.

Ниже будет представлен анализ социальной структуры современного кабардино-балкарского общества в рамках одноступенчатого классового подхода основанного на измерении неравенства жизненных шансов людей в сфере потребления. Используется предложенная Н.Е. Тихоновой, Н.М. Давыдовой и И.П. Поповой методика стратификации, в соответствии с которой дифференциация населения осуществляется с использованием специального индекса уровня жизни (ИУЖ) [Тихонова, Давыдова, Попова 2004]. Данный индекс выстраивается авторами исходя из 7 показателей: 1) субъективных оценок наличия наиболее значимых форм депривации; 2) имущественной обеспеченности; 3) наличия недвижимости, которой можно было пользоваться в повседневной жизни, но которую можно было бы и продать, получив дополнительный финансовый ресурс; 4) качества жилищных условий;

5) наличия денежных сбережений и вкладов в различных формах; 6) возможности использования платных социальных услуг; 7) досуговых возможностей, связанных с дополнительными расходами. При расчете ИУЖ признаки депривации (т.е. испытываемые человеком лишения и ограничения в общепринятом наборе потребительских благ) оцениваются со знаком «минус» и, напротив, показатели благосостояния (т. е. наличие имущества, недвижимости, сбережений, возможностей использовать те или иные услуги, практиковать те или иные формы досуга и отдыха) оценивается со знаком «плюс». Общее количество индикаторов составляет 46 единиц. На основании последовательного суммирования (и вычитания) баллов по отдельным индикаторам рассчитывался индивидуальный индекс качества жизни для каждого респондента. В целом, значения интегрального показателя могли варьироваться в интервале от -18 до +54 [Тихонова 2014: 105].

Итак, в соответствии с методикой, работа с эмпирическими данными строилась следующим образом. Для расчета индекса благосостояния использовались следующие вопросы: «Использовали ли Вы за последние три года за счет собственных средств платные образовательные услуги для взрослых; платные медицинские услуги; платные оздоровительные услуги для взрослых; платные оздоровительные учреждения для детей; платные образовательные учреждения или услуги для детей; туристические или образовательные поездки за рубеж; осуществляли строительство или покупку жилья?»; «Что из перечисленного находится в вашей собственности (коттедж; дача либо садово-огородный участок с домом; садово-огородный участок без дома; земля; гараж или место на коллективной стоянке; второе жилье)?»; «Сколько квадратных метров общей площади приходится на каждого члена Вашей семьи?»; «Имеете ли Вы, сбережения, достаточные для того, чтобы прожить на них не менее года; сбережения, недостаточные, чтобы жить на них длительное время; банковские кредиты?»; «Чем Вы обычно занимаетесь в свободное время: посещаю дискотеки, ночные клубы, другие развлекательные мероприятия; посещаю спортклубы, секции, тренировки; посещаю театры, концерты, кино; посещаю музеи, выставки, вернисажи?»; «Имеете ли Вы в наличии следующие предметы обихода (ТДП) и если имеете, то сколько им примерно лет»? При этом для расчета индекса благосостояния в вопросе об имущественной обеспеченности засчитывались ответы о наличии каждого из 17 предметов длительного пользования сверх обязательного имущественного набора (холодильника, телевизора, стиральной машины, мебели, ковра). При наличии более 8 видов ТДП из общего списка и более 3 купленных за последние 7 лет присваивались дополнительные баллы. Кроме того, при наличии свыше трех из пяти наименее распространенных в повседневной жизни большинства населения ТДП (посудомоечной машины, антенны спутникового телевидения, кондиционера, спортивного тренажера, домашнего кинотеатра) также присваивались дополнительные баллы.

Для расчета индекса депривации засчитывались ответы об отсутствии холодильника, телевизора, стиральной машины, мебели, ковра, а также наличие в домохозяйстве менее 6 видов ТДП и отсутствие хотя бы одного вида ТДП,

приобретенного за последние 7 лет. Кроме того, для расчета индекса депривации использовались следующие индикаторы: самооценка сторон своей жизни как «плохих» (возможности питаться, одеваться, проведения досуга, отдыха в период отпуска); отсутствие возможности использования различных платных социальных услуг; жилищные условия (проживание в общежитии, коммунальной либо съемной квартире при отсутствии второго жилья), отсутствие недвижимой собственности.

Следует отметить, что использованная методика стратификации по критерию уровня жизни достаточно полно отразила неравенство жизненных шансов населения КБР практически во всех сферах потребления.

Модель социальной стратификации

Как выглядит модель социальной стратификации кабардино-балкарского общества по критерию уровня жизни, построенная на основе полученных нами показателей индекса, показано на рисунке 1.

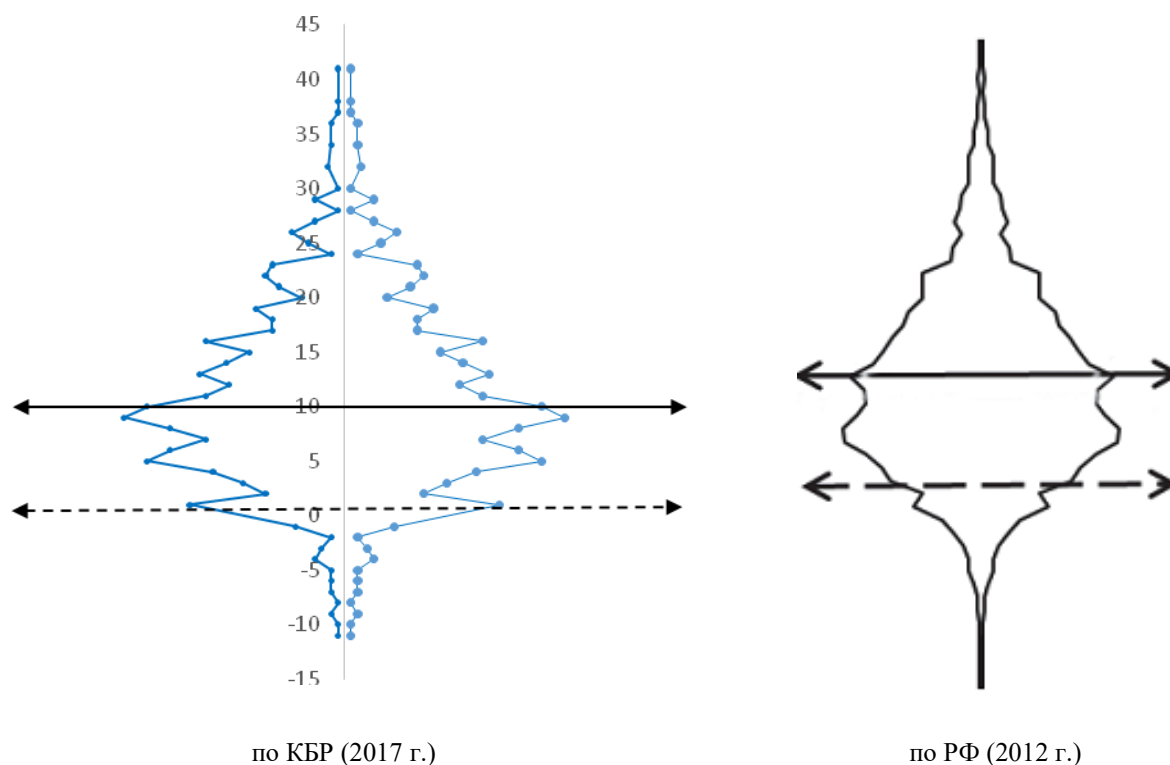

Рисунок 1 – Модели социальной стратификации кабардино-балкарского общества и российского в целом по критерию уровня жизни

Для сравнения на рисунке справа представлена модель стратификации российского общества по состоянию на 2012 г., построенная авторами упомянутой методики [Тихонова 2014: 107]. Методически модель строилась следующим образом: по оси абсцисс откладывались процентные значения числа набравших соответствующий балл по ИУЖ, а затем, для большей

наглядности и придания фигуре симметрии, значения ИУЖ по оси абсцисс зеркально откладывались в область отрицательных значений.

Как оказалось, конфигурация полученной модели стратификации кабардино-балкарского общества представляет собой тип стратификации по шкале «бедность – богатство», характерный также и для современного российского общества в целом. На рисунке видно, что полученная модель в своей верхней и нижней частях резко сужается, а это означает, что представители богатых слоев населения и депривированная часть общества составляют в нем относительное меньшинство. В основном же население КБР сосредоточено в «крыльях», которые относятся к медианной группе модели.

Сплошной линией на рисунке 1 показана медиана распределений, а пунктирной – порог, ниже которого находится та часть населения КБР, для которой признаки депривации перевешивают признаки благосостояния.

Для наглядности оценка параметров распределения индекса уровня жизни (ИУЖ) представлена в таблице 1. В левой части таблицы приведены общие параметры значений ИУЖ по всей выборке, а в правой – показаны доли респондентов от общего их числа (процентили) и соответствующие им максимальные значения ИУЖ (от 1,00 до 22,00). Из таблицы видно, что средняя величина ИУЖ составляет 10,73 балла, показатель медианы ниже – 10 баллов, а это значит, что у 50% населения республики ИУЖ не превышает 10 баллов.

Таблица 1

Распределение значений индекса уровня жизни населения КБР

Показатели	Значение ИУЖ	Процентили:	Значение ИУЖ
Среднее значение	10,73	10	1,00
Медиана	10,00	20	4,00
Мода	9	25	5,00
Размах величины	52	30	6,00
Минимум	-11	40	8,00
Максимум	41	50	10,00
		60	12,00
		70	14,00
		75	16,00
		80	17,00
		90	22,00

Размах величины ИУЖ довольно большой (52 балла), при этом наименьшая его величина составляет -11 баллов, наибольшее значение равно 41 баллу. Самое «типичное», то есть наиболее часто встречающееся значение ИУЖ составляет 9 баллов (мода). Четверть респондентов имеют ИУЖ не более 5 баллов и еще четверть – более 16 баллов. Десятая часть респондентов имеют ИУЖ не более 1 балла, 20% – не более 4-х баллов. У 90% респондентов ИУЖ

не превышает 22 баллов. Только десятая часть респондентов имеет ИУЖ свыше 22 баллов.

На долю депривированной части населения КБР (с ИУЖ менее 1 балла), у которой сократились возможности удовлетворения основных жизненных потребностей и нет ресурсов вести типичный для данного общества образ жизни, приходится 7%, и даже плюсовое значение в 1 балл (5% опрошенных) означает жизнь как балансирование на грани бедности.

Основные параметры модели стратификации кабардино-балкарского общества в сравнении с данными по РФ представлены в таблице 2.

Таблица 2

Параметры модели стратификации общества по ИУЖ (в баллах)

Характеристики модели	По РФ	По КБР
	2012 г.	2017 г.
Минимальные значения ИУЖ	-15	-11
Максимальные значения ИУЖ	39	41
Среднеарифметические значения ИУЖ	11,23	10,73
Медианные значения ИУЖ	11	10

Таким образом, конфигурация и параметры модели стратификации кабардино-балкарского общества по ИУЖ практически совпали с российской моделью, полученной упомянутыми авторами методики [Тихонова 2014: 108]. Сравнение показателей за 2017 г. с показателями за 2012 г. представляется возможным, поскольку, по словам Н.Е. Тихоновой, кризис в 2014-2015 гг. привел к тому, что модель стратификации российского общества в 2016 г. воспроизвела модель 2012 года [Тихонова 2017].

После анализа распределений ответов респондентов, набравших определенное количество баллов по ИУЖ и характеризующихся отчасти сходным в качественном плане уровнем жизни, было выделено пять социальных слоев кабардино-балкарского общества, а именно: бедствующие (от -11 до 0 баллов включительно), малообеспеченные (от 1 до 9 баллов включительно), среднеобеспеченные (от 10 до 19 баллов включительно), обеспеченные (от 20 до 27 баллов включительно), высокообеспеченные (от 28 баллов и выше). Данные о их доле в составе населения КБР представлены в таблице 3.

Таблица 3

Основные социальные слои в РФ и КБР по показателям уровня жизни, %

Слой/классы	По РФ	По КБР
	2012 г.	2017 г.
Бедствующие	7	7
Малообеспеченные	48	42
Среднеобеспеченные	23	36
Обеспеченные	19	12
Высокообеспеченные	3	3

Как видно из таблицы 3, совокупная доля неблагополучных слоев (бедствующих и малообеспеченных) составляет половину (49%) населения КБР, по РФ – 55%. Чуть более трети в КБР составляют среднеобеспеченные (по РФ – 23%), на долю обеспеченных и высокообеспеченных приходится 15% (по РФ – 21) [Тихонова 2014: 113].

Основные слои кабардино-балкарского общества по шкале «бедность – богатство»

Рассмотрим теперь выделенные слои, чтобы понять, каковы различия между ними по основным признакам (имущественному, профессиональному, уровню образования, престижу и др.).

Одним из компонентов социально-экономического статуса является наличие различных видов имущества, не используемого для целей получения дохода, но вполне ликвидного для того, чтобы в случае его продажи можно было получить значительные средства, сопоставимые с доходами от занятости или бизнеса хотя бы за несколько месяцев. Речь идет прежде всего о различных типах недвижимости. Выясним в этой связи, какова обеспеченность представителей различных слоев метражом общей площади, приходящейся на каждого члена семьи (см. рис. 2).

Как оказалось, обеспеченность большим метражом общей площади *не является привилегией только богатых (кстати, доля проживающих в отдельных домах по всему массиву опрошенных составила 61%)*. Разница между обеспеченными и малообеспеченными слоями не столь существенная (см. рис. 2). Это обстоятельство можно объяснить тем, что жители региона, в особенности сельчане, любят строить большие дома с различными хозяйственными постройками. И в результате по метражу жилье может быть большим, но это вовсе не означает, что оно обязательно будет качественным и благоустроенным. Поэтому обеспеченность большим метражом общей площади не может сама по себе служить основанием для стратификации.

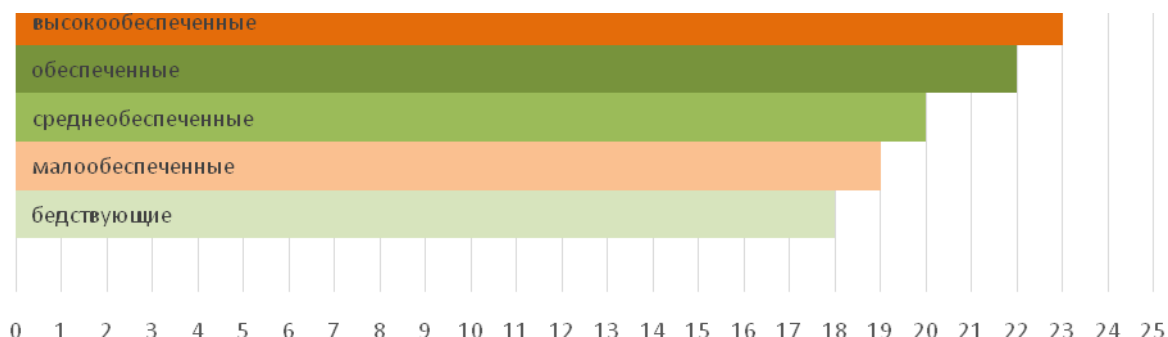

Рисунок 2 – Количество метров общей площади, приходящейся на человека по месту проживания, в различных слоях КБР (м², среднее значение по слою)

Сам тип жилья, в котором проживают представители разных слоев, существенно различается: так, не имеет отдельного жилья, т.е. живет в общежитии либо снимает жилье каждый третий из числа бедствующих. Среди малообеспеченных респондентов этот показатель составил 8%, в группе среднеобеспеченных – 2%.

Заметно различается по слоям наличие в собственности (помимо занимаемого жилья) какой-либо иной недвижимости, типа дачи, гаража, земли, второго жилья и т.п. Такая недвижимость наличествует у 1% бедствующих, 13% малообеспеченных, 27% среднеобеспеченных, 37% обеспеченных и 82% высокообеспеченных. Что же касается наличия второго жилья, пригодного для всесезонного проживания, то оно является привилегией среднеобеспеченных, обеспеченных и высокообеспеченных слоев. Так, в бедствующих и малообеспеченных слоях его вообще никто не имеет, в среднеобеспеченных, обеспеченных и высокообеспеченных слоях его имеют соответственно 3%, 11% и 35%.

Таким образом, только высокообеспеченные в массе своей обладают экономическим ресурсом в виде собственности. А неравенство в обладании недвижимостью является, как известно, одним из основных проявлений социальных неравенств в текущем потреблении.

Весьма заметно различаются респонденты из разных слоев и по количеству имеющегося у них движимого имущества – товаров длительного пользования (ТДП). При этом медианным выступал показатель в 13,3 видов товаров длительного пользования (ТДП) на домохозяйство. Бедствующие, малообеспеченные и среднеобеспеченные слои имеют показатели ТДП ниже этого уровня, а обеспеченные и высокообеспеченные – выше него.

Как и следовало ожидать, имущественная обеспеченность населения КБР наглядно отражает сложившуюся в современном кабардино-балкарском обществе стратификацию по шкале «бедность – богатство». Таблица 4 показывает степень обеспеченности разных слоев населения товарами длительного пользования. *Знаком «+» отмечены товары, которые имеются более чем у половины представителей соответствующего слоя, а «0» – те товары, которых нет у большинства представителей данного слоя.* Из таблицы 4 видно, что широкий набор имущества, отражающий специфику потребления благополучных слоев общества, появляется с четвертого слоя, т.е. характерен лишь для обеспеченного и высокообеспеченного населения.

Сверх общепринятого обязательного имущественного набора, куда входят холодильник, стиральная машина, цветной телевизор, ковер или палас, мебельный гарнитур и пылесос (их не имеют соответственно 1%, 3%, 6%, 12%, 12% и 15% опрошенных), в стандарт жизни всех слоев населения КБР вошел мобильный телефон и практически всех слоев (за исключением бедствующих) – микроволновая печь (гриль, тостер и т.п. бытовая техника), компьютер, спутниковая антенна и отечественный автомобиль.

Жизненный стандарт двух верхних слоев с точки зрения имущественной оснащенности существенно отличается от остального населения и

демонстрирует не только другие материальные возможности, но и иной образ жизни. Так, представители двух верхних слоев населения больше заботятся о своем физическом здоровье, поддержании спортивной формы в домашних условиях, о чем свидетельствуют следующие данные: 54% обеспеченных и 71% высокообеспеченных имеют спортивные тренажеры (для сравнения: они наличествуют лишь у 7% среднеобеспеченных и 2% малообеспеченных, а у бедствующих они отсутствуют).

Таблица 4

Наличие ТДП в разных слоях населения КБР

Виды ТДП	бедств.	малооб.	среднеоб.	обеспеч.	высокооб.
Телевизор цветной	+	+	+	+	+
Холодильник	+	+	+	+	+
Ковер, палас	+	+	+	+	+
Стиральная машина	+	+	+	+	+
Пылесос	0	+	+	+	+
Мебельный гарнитур	+	+	+	+	+
Видеомагнитофон	0	0	0	+	+
Микроволновая печь и т.п.	0	+	+	+	+
Электродрель и т.п.	0	0	+	+	+
Музыкальный центр	0	0	0	+	+
Отечественный автомобиль	0	+	+	+	+
Мобильный телефон	+	+	+	+	+
Компьютер	0	+	+	+	+
Видеокамера, цифр. фотоап.	0	0	+	+	+
Автомобиль-иномарка	0	0	0	+	+
Домашний кинотеатр	0	0	0	+	+
Кондиционер	0	0	0	+	+
Морозильная камера	0	0	0	+	+
Посудомоечная машина	0	0	0	+	+
Спутниковая антенна	0	+	+	+	+
Мотоцикл, мотороллер	0	0	0	+	+
Импортные тренажеры	0	0	0	+	+

Если говорить об особенностях сберегательного поведения населения КБР, то как видно из рисунка 3, представители всех слоев имеют хоть какие-то сбережения, при этом доля владельцев сбережений в двух верхних слоях составляет абсолютное большинство.

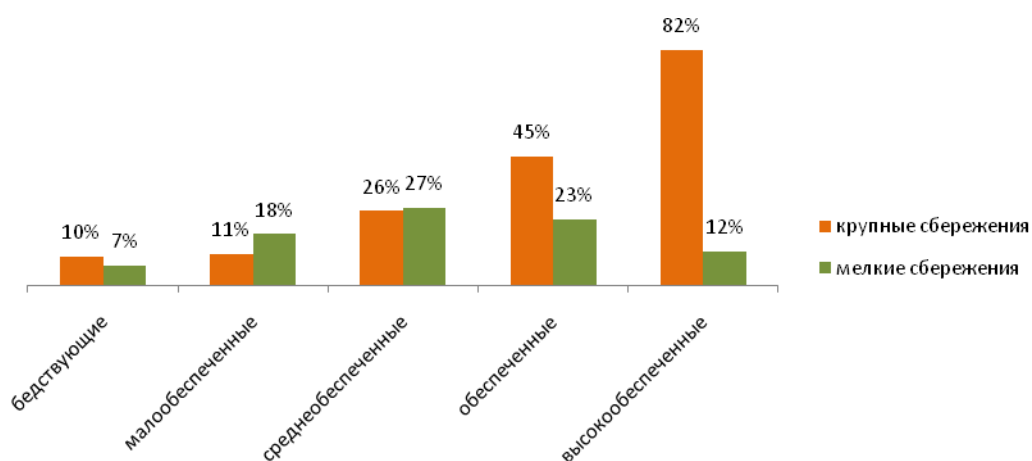

Рисунок 3 – Доля имеющих сбережения разного типа в составе различных слоев населения КБР

На рисунке 3 просматривается качественный скачок от мелких сбережений к крупным (сбережениям, позволяющие респонденту, с его точки зрения, прожить на них не менее года), который происходит в верхних слоях. Именно в группе обеспеченных доля владельцев крупных сбережений начинает превышать долю обладателей мелких сбережений, а доля обладателей крупных сбережений в группе высокообеспеченных достигает 82%.

Что касается кредитного поведения представителей разных слоев КБР, то существенных расхождений не выявлено. Доля респондентов, имеющих невыплаченные полностью банковские кредиты, составила в различных социальных группах от 15% до 20%.

Расхожее мнение, что долги состоятельных граждан по коммунальным услугам отнюдь не редкость, подкрепляется следующими результатами: долги по квартплате более чем за два месяца имеют от 5% до 9% представителей 1-4 слоев и 18% представителей 5-го слоя (т.е. высокообеспеченных). Причем последние являются владельцами второго жилья – инвестиционной недвижимости, за которую, как они полагают, не следует платить, поскольку в ней они не проживают.

Наличие второго жилья, иной недвижимости, а также крупных сбережений говорит о том, что высокообеспеченный слой имеет ощутимый экономический ресурс, причем 71% из числа его представителей обладают экономическим ресурсом в качестве капитала (для сравнения: среди обеспеченных и среднеобеспеченных этот показатель гораздо меньше и составляет соответственно 35% и 18%).

Неравенство жизненных шансов в различных сферах

Неравенство жизненных шансов в различных сферах, как стратифицирующий признак одноступенчатого подхода, имеет много аспектов, и различия в возможности как-то улучшить свою жизнь – один из них. Анализ этих возможностей показал, что они сильно разнятся в пяти выделенных слоях (см. табл. 5).

Как видно из таблицы 5, абсолютному большинству бедствующих (74%) ничего существенного за последние годы добиться не удалось. Особенно сильно бедствующие отличаются от более обеспеченных слоев населения ограниченными возможностями повышения уровня своего материального положения, улучшения жилищных условий, осуществления дорогостоящих покупок (квартиры, автомобиля, мебельного гарнитура и т.п.). Следует при этом отметить, что хотя по большинству показателей малообеспеченные примыкают скорее к бедствующим, чем к среднеобеспеченным, тем не менее более половины из них (58%) изменили жизнь к лучшему.

Таблица 5

Динамика достижений представителей разных слоев КБР в течение 3-х лет перед опросом, % (допускалось несколько ответов)

Чего удалось добиться	бедств.	малооб.	среднеоб.	обеспеч.	высокооб.
Повысили уровень своего материального положения	7	14	34	46	59
Улучшили жилищные условия	12	36	54	60	82
Сделали дорогостоящие приобретения	-	9	24	28	47
Повысили уровень образования, квалификации	5	14	20	14	29
Получили повышение на работе или нашли новую, более подходящую работу	2	4	13	20	41
Побывали в другой стране мира	-	1	7	12	29
Открыли собственное дело	2	2	6	12	24
Ничего из вышеперечисленного добиться не удалось	74	42	21	12	-

В отношении среднеобеспеченных можно сказать, что они занимают позиции где-то посередине между нижними и верхними слоями. Результаты опроса отражают положительную динамику их жизни. Так, лишь каждый пятый представитель данного слоя (21%) не имел в течение последних трех лет каких-либо улучшений, каждый четвертый (24%) сделал дорогостоящие приобретения, каждый третий (34%) повысил уровень своего материального положения, каждый второй (54%) улучшил жилищные условия.

Абсолютное большинство обеспеченных и высокообеспеченных улучшили свою жизнь (соответственно 88% и 100%).

Таким образом, несмотря на явное неравенство жизненных шансов, четыре слоя из пяти характеризовались в последние годы положительной динамикой: у большинства представителей этих слоев были возможности улучшить свою жизнь. Из этого процесса были исключены в массе своей только бедствующие.

Другой аспект проблемы неравенства жизненных шансов связан с возможностью использования платных социальных услуг, которые являются своего рода инвестициями в человеческий капитал. Как оказалось, здесь разрыв между слоями еще более значителен (см. рис. 4).

Так, абсолютное большинство бедствующих респондентов (81%) в течение последних 3 лет вообще не пользовались платными социальными услугами, остальные пользовались лишь медицинскими услугами (14%) и платными образовательными услугами для детей (5%).

Не мог позволить себе платные социальные услуги практически каждый третий из малообеспеченных (38%) и каждый десятый из среднеобеспеченных (12%). В то же время среди высокообеспеченных платные социальные услуги использовали все без исключения, в т. ч. 77% – платные медицинские услуги, хотя состояние здоровья высокообеспеченных относительно лучше, чем у бедствующих (доля тех, кто оценил состояние своего здоровья как «плохое» составила соответственно 0% и 33%).

Рисунок 4 – Потребление платных социальных услуг представителями разных слоев КБР, %

Давая характеристику разным слоям, рассмотрим профессиональный статус их представителей, поскольку он также может быть проявлением неравенства жизненных шансов. Как видно из таблицы 6, профессиональный состав всех без исключения слоев неоднородный, и разница в доле представленных в них различных профессиональных групп (за исключением бедствующих) не так очевидна.

Таблица 6

Профессиональные позиции работающих представителей разных слоев, %

Профессиональные позиции	бедств.	малооб.	среднеоб.	обеспеч.	высокооб.
Профессиональные позиции среднего класса, в т. ч.:	22	50	66	63	100
предприниматели, имеющие наемных работников, самозанятость	11	9	19	18	15
руководители разного уровня	-	10	7	10	21
профессионалы, в т. ч. офицеры	11	31	40	35	64
Профессиональные позиции рабочих, в т. ч.:	54	24	23	27	-
рабочие высокой квалификации	24	14	15	23	-
разнорабочие, подсобные рабочие	30	10	8	4	-
Прочие позиции, в т. ч.:	24	26	11	10	-
служащие из числа технического и обслуживающего персонала (охранник, секретарь, машинистка, лаборант, парикмахер и т.д.)	24	26	11	10	-
Итого	100	100	100	100	100

Тем не менее, профессиональная статусная позиция повышает либо, напротив, понижает шансы на благополучную жизнь. Так, среднеобеспеченные, обеспеченные и высокообеспеченные в массе своей занимают позиции, традиционно относимые к профессиональным позициям среднего класса (от 63% до 100%). Наиболее типичные профессиональные позиции бедствующих – рабочие, а если учесть служащих из числа технического и обслуживающего персонала (также относимых к рабочему классу), то на долю данной профессиональной позиции бедствующих приходится 78%. Наибольшим разнообразием своего состава характеризуются малообеспеченные: у них в равной степени представлены профессиональные позиции среднего класса, а также рабочих и служащих.

Еще один аспект проблемы неравенства жизненных шансов в производственной сфере связан с оценкой ситуации у себя на работе и возможностью самореализации в профессиональной сфере (см. рис. 5).

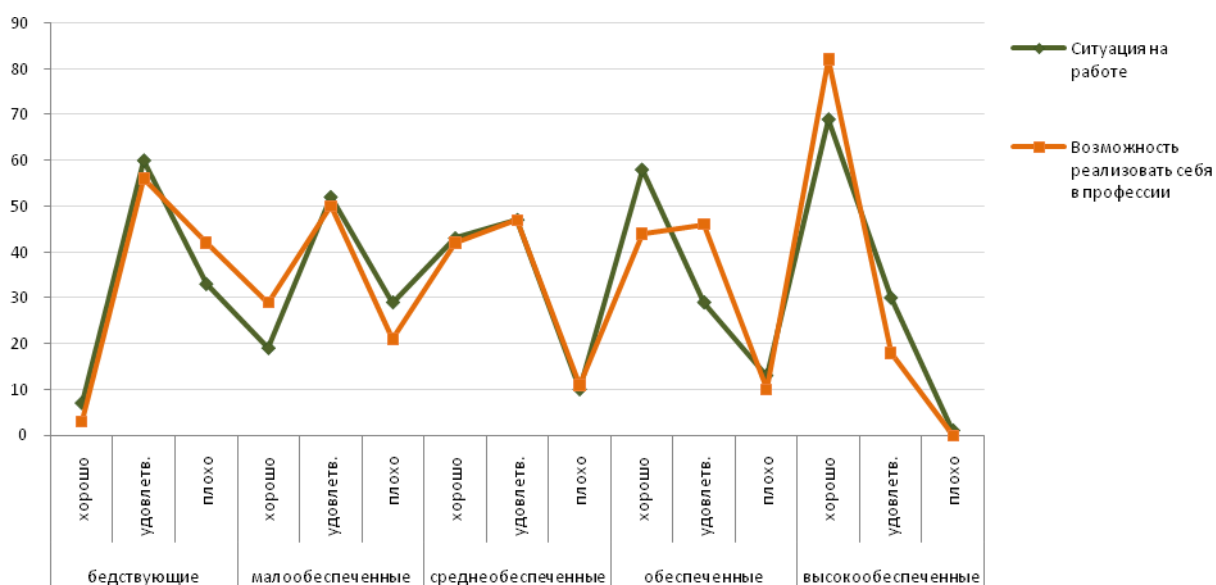

Рисунок 5 – Оценки ситуации на работе и возможности самореализации в ней представителями различных слоев КБР (в % к работающим)

Так, если 58% обеспеченных и 69% высокообеспеченных оценивают ситуацию у себя на работе как хорошую, то у бедствующих этот показателькратно меньше и составляет 7% (у малообеспеченных и среднеобеспеченных – соответственно 19% и 43%). Что же касается возможностей самореализации в производственной сфере, то тут различия между высшим и низшим слоями еще более впечатляющие: соотношение оценивших их как хорошие составило 82:3. Таким образом, в различных слоях значительно различаются не только уровень, но и качество жизни, в том числе и в сфере производственной деятельности.

Также достаточно четко прослеживаются различия между нижними и верхними слоями в оценке своей работы как интересной. К примеру, доля бедствующих, оценивших свою работу как интересную, в 4,5 раза меньше, чем у высокообеспеченных (соответственно 15% и 69%).

Следует отметить, что производственной сферой различия в качестве жизни социальных слоев не ограничиваются. В таблице 7 представлена самооценка различных сторон своей жизни как «хороших» представителями разных слоев.

Таблица 7

Самооценка различных сторон своей жизни как «хороших» представителями разных слоев КБР, %

Стороны жизни	бедств.	малооб.	среднеоб.	обеспеч.	высокооб.
Питаетесь	33	56	75	82	94
Одеваетесь	26	47	67	69	94
Жилищные условия	29	49	62	72	100
Отношения в семье	52	64	80	75	88
Возможности проведения досуга	17	28	51	60	71

Возможность отдыха в период отпуска	5	17	31	45	77
Возможность общения с друзьями	52	56	70	75	82
	21	36	44	55	82
Место, регион, в котором Вы живете	36	46	60	60	82
Ваше положение, статус в обществе	24	40	60	65	88
Уровень Вашей личной безопасности	31	41	59	60	65
Жизнь в целом складывается	37	46	60	69	100

Из таблицы видно, что по качественным аспектам своей жизни наиболее благополучные слои населения КБР существенно превосходят наименее благополучные. Вместе с тем следует отметить, что ни в одной из социальных групп число оценивающих свое место в обществе как плохое не превышает число оценивающих его как хорошее.

В наиболее массовой по численности группе малообеспеченных большинство респондентов отметило как «хорошие» возможности питаться и общения с друзьями (по 56%), а также отношения в семье (64%).

Что касается среднеобеспеченных, то, судя по результатам опроса, это уже относительно благополучная часть населения КБР, не отягощенная проблемами выживания. По многим качественным аспектам своей жизни среднеобеспеченные сблизались с благополучным слоем.

Факторы принадлежности к социальному слою при «одноступенчатом» классовом анализе

Как было сказано выше, в кабардино-балкарском обществе нет жесткой связи между профессиональным статусом и уровнем жизни. Вместе с тем вероятность оказаться в составе неблагополучного или благополучного слоя для предпринимателей, руководителей и профессионалов, с одной стороны, и рабочих либо рядовых работников сферы обслуживания, с другой, значимо различается.

Известно, что включенность взрослых в процесс непрерывного образования является одной из наиболее характерных особенностей, отличающих жизнь различных слоев российского общества, что подтверждается и результатами настоящего исследования. Данные об использовании любых форм пополнения своих знаний (курсы повышения квалификации, переподготовка, чтение специальной литературы и т.д.) представителями различных слоев КБР приведены на рисунке 6.

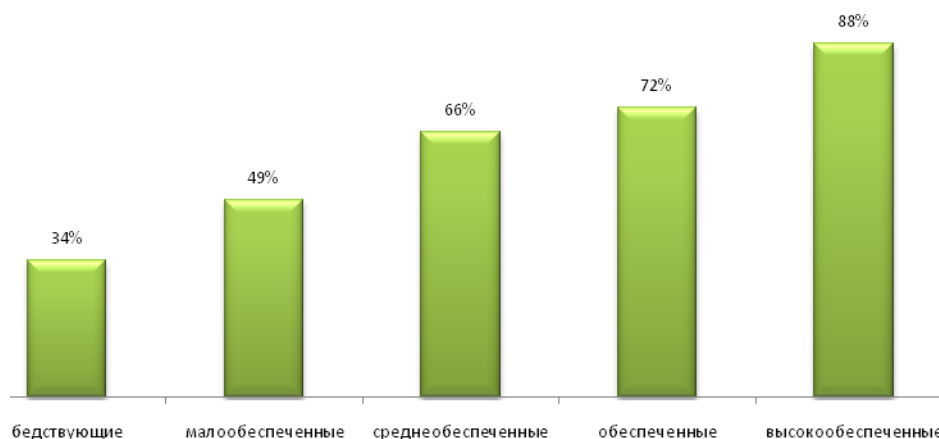

Рисунок 6 – Использование за последние 3 года любых форм совершенствования профессиональных навыков представителями различных слоев КБР, % от работающих

Судя по результатам исследования, представители нижних слоев КБР гораздо реже используют различные способы повышения образования и квалификации, способствующие сохранению и наращиванию человеческого капитала. И, напротив, внимание к этой стороне своей профессиональной деятельности довольно выражено у верхних слоев.

Анализ факторов, обуславливающих вероятность оказаться в одном из социальных слоев, показывает, что, хотя образовательный уровень респондентов демонстрирует некоторую связь с их пребыванием в том или ином слое, эта связь не столь однозначная (см. рис.7). Так, например, большая часть из числа бедствующих (41%) имеет высшее образование.

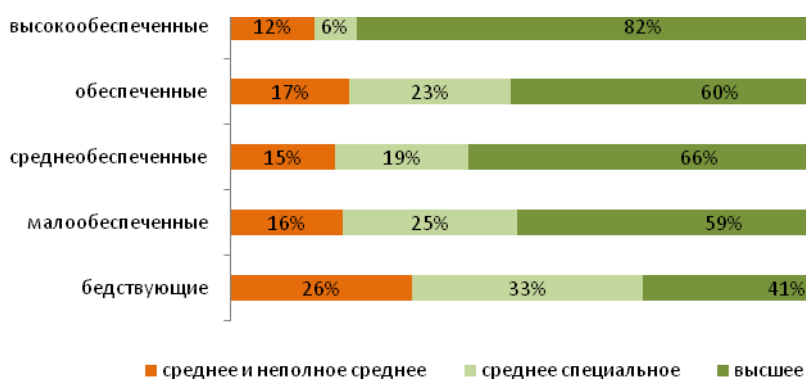

Рисунок 7 – Уровень образования представителей различных слоев КБР, %

Как оказалось, более значимым для попадания в те или иные слои является уровень образования родителей. Как видно из рисунка 8, высокообеспеченные заметно отличаются от остальных групп высокой долей (59%) выходцев из высокообразованных семей. Во всех остальных слоях данный показатель колеблется от 20% до 43%.

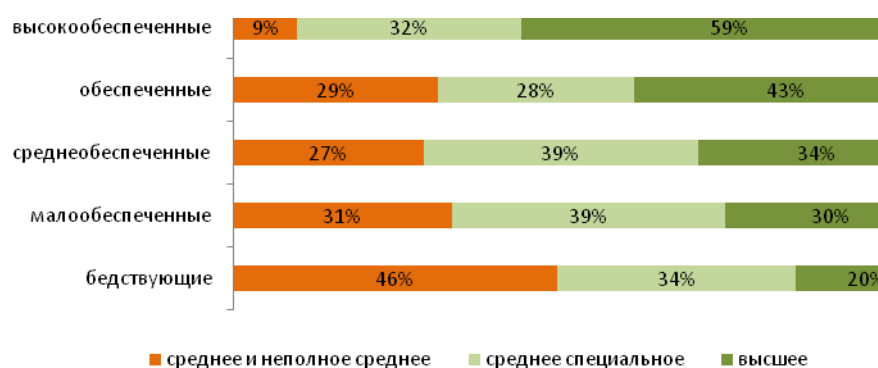

Рисунок 8 – Уровень образования родителей представителей различных слоев КБР, %

В этой связи отметим следующее обстоятельство. Когда речь шла об образовании самих респондентов, то высокообразованные составляли больше 50% во всех слоях, за исключением бедствующих (см. рис. 7). Таким образом, как профессиональная статусная позиция, так и уровень образования сами по себе не задают жестко уровень благосостояния человека. Они лишь повышают/понижают для него риски оказаться в тех или иных слоях населения, различающихся по уровню жизни.

Проанализируем теперь влияние социально-демографических характеристик респондентов на их уровень жизни.

Как видно на рисунке 9 у респондентов в возрасте 30-39-лет больше шансов попасть в группу бедствующих (33%), а у 50-59-летних – в группу высокообеспеченных (31%).

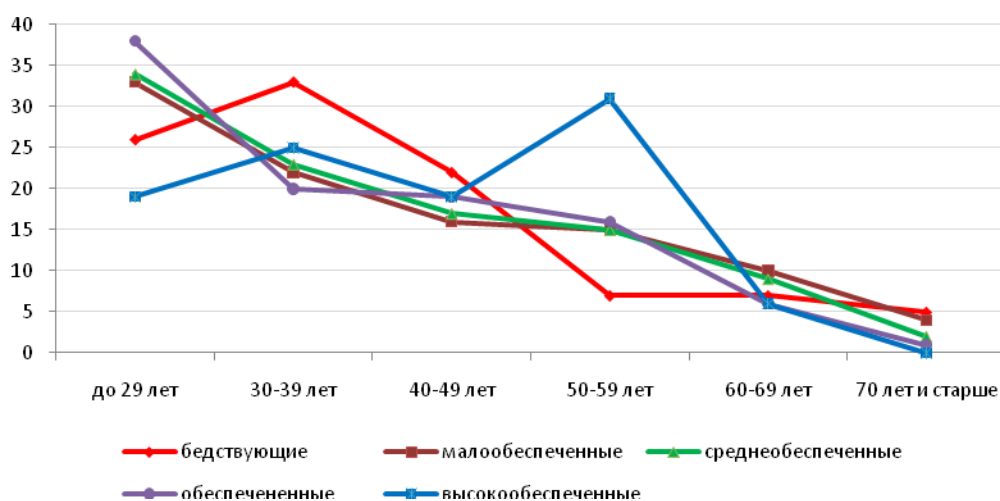

Рисунок 9 – Возрастной состав представителей различных слоев КБР, %

В целом же влияние возраста на занятие респондентами той или иной социальной позиции выражено не столь очевидно, как, к примеру, влияние места жительства (см. табл. 8).

Таблица 8

Доли представителей различных слоев в составе населения
разных типов поселений КБР, %

Тип поселения	бедствующ.	малообес.	среднеоб.	обеспечен.	высокооб.
село	21	28	47	42	24
райцентр	38	34	24	29	24
республиканский центр (г. Нальчик)	41	38	29	29	52

Судя по данным таблицы 8, в неблагополучные слои населения КБР попадают преимущественно горожане, а среднеобеспеченные и обеспеченные категории населения концентрируются прежде всего в селах, хотя, казалось бы, в городах у людей открыт доступ к большему числу ресурсов, чем в селах. Отчасти это может быть связано с тем, что после введения санкций на импорт сельхозпродукции из-за рубежа сельчане стали больше зарабатывать, торгуя выращенными продуктами. По данным и.о. министра сельского хозяйства КБР **М. Шетова**, на начало 2014 г. сельхозпроизводством в республике занималось 317 предприятий, 1120 фермеров, 5822 арендатора. Сельскохозяйственную продукцию производили 114,5 тыс. личных подсобных хозяйств¹. Косвенно это подтверждается и данными нашего исследования: доля опрошенных сельских жителей из среднеобеспеченного и обеспеченного слоев, торгующих выращенными продуктами, практически втрое превышает долю таковых из числа бедствующих и малообеспеченных сельчан (соответственно 9% и 25%). Всего же по массиву опрошенных доля сельских жителей, торгующих выращенными продуктами составляет 29%, а обеспечивающих себя продуктами питания – 41%.

Выводы

Использование для построения модели стратификации кабардино-балкарского общества ИУЖ, учитывающего как признаки благосостояния, так и признаки депривации, показало, что конфигурация и параметры модели стратификации кабардино-балкарского общества по уровню жизни практически совпали с российской моделью, полученной авторами примененной в настоящем исследовании методики.

Полученная модель стратификации позволила зафиксировать распределение респондентов по пяти основным слоям кабардино-балкарского общества: бедствующие составляют 7% населения, малообеспеченные – 42%, среднеобеспеченные – 36%, обеспеченные – 12% и высокообеспеченные – 3%. Таким образом, чуть менее половины населения (49%) сосредоточено в слоях ниже среднего, а доля структурных позиций, относящихся к верхним слоям

¹ Коков: в районах Кабардино-Балкарии допущены перекося в предоставлении земли, субсидий и грантов // Интернет СМИ «Кавказский узел». URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/237249/> (дата обращения: 05.06.2018).

составляет 15%. Депривация в области базовых потребностей затрагивает 7% населения. Соотношение неблагополучной и относительно благополучной части населения КБР составляет 49:51.

Стратификация по уровню жизни позволила также выявить характерные признаки основных слоев кабардино-балкарского общества.

Как свидетельствуют эмпирические данные, степень благополучия представителей разных слоев сильно дифференцирована. Весьма заметно различаются представители разных слоев по количеству имеющегося у них движимого и недвижимого имущества, наличию сбережений, а также возможностей как-то улучшить свою жизнь и использовать платные социальные услуги. Возможность самореализации в производственной сфере и ситуация на работе также является проявлением неравенства жизненных шансов представителей разных слоев.

Основными детерминантами, обуславливающими принадлежность к разным социальным слоям, являются включенность в процесс непрерывного образования, уровень образования родительской семьи и место жительства.

ЛИТЕРАТУРА

Тихонова, Давыдова, Попова 2004 – Тихонова Н. Е., Давыдова Н. М., Попова И. П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 120-130.

Тихонова 2014 – Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. – Москва: Новый хронограф, 2014. – 402 с.

Тихонова 2017 – Тихонова Н.Е. Стратификация по доходу в России: специфика модели и вектор изменений // Общественные науки и современность. – 2017. – № 2. – С. 23-35.

Хамдохова 2018 – Хамдохова Ж.М. Ресурсообеспеченность как фактор социальной стратификации: на материалах по Кабардино-Балкарской Республике // Электронный журнал – Кавказология. – 2018. – №1. – С. 223-244. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-1-223-244> URL: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2018/03/hamdohova_kavkazologija_2018_1.pdf

REFERENCES

TIKHONOVA N.E., DAVYDOVA N.M., POPOVA I.P. *Indeks urovnya zhizni i model' stratifikatsii rossiiskogo obshchestva* [Living standard index and stratification model of Russian society]. IN: *Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 2004. – No. 6. – P. 120-130. (In Russian)

TIKHONOVA N.E. *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Russia's social structure: theories and reality] – Moskva: Novyi khronograf, 2014. – 402 p. (In Russian)

TIKHONOVA N.E. *Stratifikatsiya po dokhodu v Rossii: spetsifika modeli i vektor izmenenii* [Income Stratification in Russia: Model Specifics and Vector of Dynamics]. IN: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 2017. – No. 2. – P. 23-35. (In Russian)

KHAMDOKHOVA ZH.M. *Resursoobespechennost' kak faktor sotsial'noi stratifikatsii: na materialakh po Kabardino-Balkarskoi Respublike* [Availability of Resources as the Basis of Social Stratification: by the Case of Kabardin-Balkar Republic]. IN: *Elektronnyi zhurnal – Kavkazologiya* [Caucasology]. – 2018. – No. 1. – P. 223-244. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-1-223-244> URL: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2018/03/hamdohova_kavkazologija_2018_1.pdf (In Russian)

ПАМЯТИ ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА ЧЕРНОУСА

УДК 93/94 (470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-120-124

**АДЫГСКИЙ МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ И СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ*****В.В. ЧЕРНОУС**

*Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
E-mail: isir@sfedu.ru*

Аннотация. Интеграционный процесс адыгского и русского миров насчитывает более тысячи лет, прошел несколько этапов, в ходе которых общие интересы и комплиментарность сменялись конфликтами, в т.ч. вооруженными. Институциональный конфликт при реализации имперских административных практик в Кабарде и Северо-Западном Кавказе проявился в трагических последствиях Кавказской войны и мухаджирства. Адыгский (черкесский) суперэтнос стал разделенным народом. В XX в. российские адыги вместе с другими народами России пережили трагические страницы и, вместе с тем, стали строителями и органичной частью российской цивилизации, государства-континента. После распада СССР адыги, как и все народы бывшего Советского Союза переживают непростой период кризиса идентичности, из которого рождается самоидентификация – геополитическая, цивилизационная, национальная (гражданская), этническая. Динамика современной ситуации доказывает, что на основе узкого этноцентризма решать этнонациональные проблемы невозможно. Перед Россией, русскими, адыгами, другими народами стоят общие задачи. Их интересам отвечает не конфронтационное, а конструктивное солидарное взаимодействие на основе диалога по укреплению гражданской общероссийской идентичности, что является гарантом безопасности всех народов России, их этнической идентичности и модернизации.

Ключевые слова: Адыгский мир; Россия; история; современность; интеграция; конфликты; этническая идентичность; гражданская идентичность; модернизация.

**ADYGHE (CIRCASSIAN) WORLD IN HISTORICAL DESTINY AND
MODERN RUSSIA****V.V. CHERNOUS**

*Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University
344006, Russia, Rostov-on-Don, Pushkin st., 160
E-mail: isir@sfedu.ru*

* Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Адыги (черкесы) история и современность» (25-27 апр. 2014 г. Нальчик, Россия).

Abstract. Process of integration of Circassian and Russian worlds comprises by now more than one thousand years. It passed through several phases in the course of which common interests and mutual complementarity have been replaced by conflicts, occasionally armed conflicts. Institutional conflict generated by realization of imperial administrative practices in Kabarda and North-West Caucasus has led to tragic consequences of Caucasian war and muhajeer exile. Adyghe (Circassian) super-ethnos became the divided people. In the 20th century Russian Adyghe (Circassians) together with the other peoples of Russia lived through tragic pages and simultaneously became the builders and organic part of the Russian civilization – continent-state. After the fall of the USSR Adyghe alike the all other peoples of the former Soviet Union confront identity crisis, which gives birth to the search of identification – geopolitical, civilizational, national (civil) and ethnic. Dynamics of current situation proves that it is impossible to solve ethno-national problems on the basis of narrow ethno-centrism. Russia and Russians, Adyghe and other peoples confront common tasks. Not the confrontational but constructive cooperative action based on dialogue for the strengthening of All-Russian civil identity is in their interest and that is what may guarantee to all the peoples of the Russia security, preservation of their ethnic identity along with modernization.

Key words: Adyghe (Circassian) world; Russia; history; modernity; conflicts; integration; ethnic identity; civil identity; modernization.

Интеграционный процесс адыгского и русского миров насчитывает более тысячи лет, прошел несколько этапов, в ходе которых общие интересы и комплиментарность сменялись конфликтами, в т.ч. вооруженными.

Адыгский и Русский миры находятся в процессе цивилизационно-культурного взаимодействия со времен формирования древнерусского государства, оставив след в южнорусских говорах, топонимике, составе дружинных элит древнерусских княжеств, в истории Тмутараканского княжества.

Адыги и Русь в равной степени испытали нашествие Монгольской империи в XIII в., а затем Тимура. Оказались в зависимости от Золотой Орды, что имело для них сходные социально-экономические и культурные последствия, сказалось на динамике политогенеза.

Противоречиво и неоднозначно складывались отношения адыгов и Московского (Русского) государства с Крымским ханством, формируя их общие интересы. Несмотря на цивилизационно-типологические отличия адыгского и русского миров, близкий стадийный уровень и общие геополитические интересы создали предпосылки для интеграции адыгских политий и Московского царства в XVI в. Князья Черкасские заняли ведущие позиции в Боярской элите XVI – нач. XVIII вв. Московского царства.

В XVIII в. в условиях европеизации и утверждения в ходе русско-турецких и русско-иранских войн Российской империи на Кавказе, становления российской администрации, опирающейся на европейские методы инкорпорации новых земель и народов, происходит конфликт с частью горских владетелей и обществ, включая адыгов, который перерос в Кавказскую войну. Кризис кавказской горской цивилизации в конце XVIII в. привел к обострению внутрикавказских социальных противоречий. Возможные альтернативные внутренне обусловленные пути развития Кавказской горской цивилизации,

включая адыгов, в контексте борьбы за гегемонию на Кавказе Англии, России и Турции не могли быть реализованы.

Кавказская война как результат глубокой геополитической переструктуризации Черноморско-Каспийского региона привела к включению его в состав Российской империи. Углубление стадийного расхождения Российской империи и адыгского мира привело к институциональному конфликту при реализации имперских административных практик в Кабарде и Северо-Западном Кавказе и проявилось в трагических последствиях Кавказской войны и мухаджирства.

Адыгский (черкесский) суперэтнос стал разделенным народом. Дальнейшее развитие потомков черкесских мухаджиров происходило в составе Османской империи, а после ее распада в составе образовавшихся в XX в. ближневосточных государств.

Виктор Владимирович Черноус выступает на Международной научной конференции «Адыги (черкесы) история и современность» (25-27 апр. 2014 г. Нальчик, Россия)

Оставшиеся на исторической родине адыгские этносоциумы, несмотря на тяжелые демографические последствия Кавказской войны, разрушение некоторых цивилизационных институтов, в XIX – XX вв. начинают адаптацию к российской социокультурной и политической системе: трансплантация российских форм модернизационной культуры, хозяйственной жизни,

включение в правящий класс России, формирование этнонациональной интеллигенции и т.д.

В XX в. российские адыги вместе с другими народами России (Российской империи, СССР, Российской Федерации) пережили как трагические страницы Гражданской войны, репрессий, Великой Отечественной войны и распада СССР, так и были создателями величайших достижений в истории человечества в самых различных сферах жизни, строителями и органичной частью российской цивилизации, государства – континента.

После распада СССР адыги, как и все народы бывшего Советского Союза переживают непростой период кризиса идентичности, из которого рождается самоидентификация – геополитическая, цивилизационная, национальная (гражданская), этническая.

В этом процессе положение адыгов не уникально, хотя, безусловно, имеет свою специфику. Как и русские, другие народы бывшего СССР адыги являются разделенным народом. В условиях конструирования российской политической нации встают проблемы как теоретического характера (концептуализация этносов, нации в условиях глобализации и информационного общества), так и практик формирования и укрепления общероссийской идентичности (гармонизации цивилизационной, гражданской, конфессиональной, этнической идентичностей).

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г. и «дорожная карта» по ее реализации отражают осознание властью, обществом и экспертами важности национального вопроса, но не содержат четкого определения теоретических позиций законодателем, а значит и ясной стратегической цели (для авторов «многонациональный народ России» и «российская нация» – синонимы, хотя это разные сущностно социальные феномены) и реальных, а не только имиджевых технологий и практик. Первые результаты реализации стратегии не вняты.

На актуальность этих вопросов указывает крах проекта конструирования «украинской политической нации» в многосоставном полиэтничном обществе на основе этноцентризма и административной украинизации национальных меньшинств, смены российской цивилизационной парадигмы последних нескольких столетий на западную. Из украинского печального опыта необходимо сделать ответственные выводы.

Адыгейцы, Кабардинцы, Черкесы – потомки тех адыгов, которые сделали в XIX в. выбор в пользу интеграции в состав России и ныне являются российскими гражданами не ассимилированными, но полностью адаптированными к политической, социальной, культурной, научно-образовательной и другим сферам жизни страны. Выдающиеся представители российских адыгов представлены в российской социокультурной, политической, научной, силовой, спортивной бизнес–элите. Судьбу российских адыгов невозможно отделить от судьбы русского и других народов нашего федеративного государства.

У современных адыгских народов существуют противоречия, проблемы развития экономического, социально-политического, культурного характера,

они обусловлены объективными процессами глобализации, геополитической конкуренции, российских трансформаций и субъективными просчетами федеральной и региональной политики. Зарубежные и российские адыги сталкиваются с провокациями и прямой агрессией этноконфессиональных экстремистов и террористов, спонсируемых международными неправительственными организациями и спецслужбами некоторых государств Востока и Запада.

Одним из подобных проявлений стала информационная война вокруг «черкесского вопроса» накануне проведения Олимпийских игр 2014 в Сочи. Реальные вопросы исторической памяти, последствий и историографии Кавказской войны и другие проблемные вопросы адыгской жизни были использованы, как попытка, что теперь стало очевидным, не столько для того, что бы навредить Олимпиаде, сколько для того, чтобы обострить этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе, разобщить ученых и политиков по этническому принципу (что едва им не удалось), а главное использовать угрозу срыва Олимпиады как информационное прикрытие для смены власти на Украине и установление над ней контроля со стороны США и НАТО.

Динамика современной ситуации доказывает, что на основе узкого этноцентризма решать этнонациональные проблемы невозможно. Этноцентризм по своей природе ориентирован на конфронтацию во взаимодействии с другими народами и политическими институтами и объективно становится удобным объектом манипуляций со стороны глобальных или крупных региональных акторов.

Перед Россией, русскими, адыгами, другими народами стоят общие задачи выстраивания экстерриториальной институционализированной общности со своими диаспорами, в т.ч. опираясь на современные информационные технологии, позволяющие воспроизводить цивилизационную и этническую идентичность. Интересам адыгов, русских и других народов отвечает не конфронтационное, а конструктивное солидарное взаимодействие на основе диалога по укреплению гражданской общероссийской идентичности, что является гарантом безопасности всех народов России, их этнической идентичности и модернизации.

УДК 93/94 (479)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-125-136

**ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА ЧЕРНОУСА
(17.10.1949 – 8.02.2018)****П.А. КУЗЬМИНОВ**

*ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: petrakis_hist@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу научной и общественной деятельности известного кавказоведа В.В. Черноуса. Освещена его подвижническая деятельность в деле организации и развития исторической науки, подчеркнут его вклад в интеграцию северокавказского научного сообщества на современном этапе. Его идеи, обоснованные теоретически и фактологически во многом определили развитие истории и социологии в области элитологии в России. Виктор Владимирович являлся одним из основателей и бессменным организатором авторитетного научного форума историков-кавказоведов, разработчиком Этического кодекса ученого-кавказоведа. Виктор Владимирович знал, любил и понимал Кавказ. Обладал талантом в научных дискуссиях находить истину, примирять порой непримиримых в своих позициях ученых-кавказоведов, за что его ценили, любили и уважали.

Ключевые слова: В.В. Черноус; историческая наука; кавказоведение; Северный Кавказ; конференции; развитие науки; организация науки.

**CREATIVE WAY OF VIKTOR VLADIMIROVICH CHERNOUS
(17.10.1949 – 08.02.2018)****P.A. KUZ'MINOV**

*FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: petrakis_hist@bk.ru*

Abstract. The article presents an analysis of scientific and public activities of a famous caucasologist V.V. Chernous. It is brought to the light his devotional works for the sake of organization and progress of historical science, the stress is laid out on his role in the consolidation of North Caucasian scientific community at the present time. His ideas, having been theoretically and empirically well founded, predetermined in large extent the development of historical and sociological research in the field of Russian elite studies. V.V. Chernous was a founder and ever standing organizer of influential scientific forum of historians of the Caucasus. He elaborated an Ethical Codex of academician-caucasologist. He knew, loved and understood Caucasus. V.V. Chernous had a skill to grasp the truth in scientific disputes, to reconcile students of the Caucasus who occupied seemingly irreconcilable positions. That is why he was highly esteemed, respected and loved.

Key words: V.V. Chernous; historical science; Caucasian studies; North Caucasus; conferences; progress of science; organization of science.

Доброе, улыбающееся лицо. Добрые улыбающиеся глаза, Добрая улыбка. Карие, с прищуром, умные глаза. Вечные усы и борода, с годами меняющие цвет: от черного к светлому и совсем седому в последние десять лет, ставшие предметом добрых шуток. Во время встреч друзья непременно спрашивали: белая борода, куда спрятала черный ус? Обаяние. Мягкий спокойный голос, приглашающий к разговору. Четкость мысли, продуманность идеи, тезиса, который хотел донести Виктор Владимирович Черноус аудитории, коллегам, друзьям. Таким он остался в памяти всех, с кем он общался на протяжении десятилетий...

8 февраля 2018 г. на 69-м году жизни скоропостижно скончался кандидат политических наук, профессор Института социологии и регионоведения ЮФУ Черноус Виктор Владимирович, директор Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК Южного федерального университета и ИСПИ РАН. Автор более 400 научных и учебных публикаций, в том числе 15 монографий, более 20 учебников и учебных пособий. Один из крупнейших специалистов в области истории русско-кавказских отношений, цивилизационно-культурного диалога, современных социокультурных и этнополитических процессов на Северном Кавказе и Юге России. Ответственный редактор серии проблемных сборников научных статей, монографий «Южнороссийское обозрение», член редколлегии научных журналов «Научная мысль Кавказа», «Известия вузов. Северо-Кавказский регион», заместитель главного редактора журнала «Гуманитарий Юга России», ряда других журналов и продолжающихся изданий, в том числе ежегодных сборников Ассоциации по комплексному изучению русской нации (АКИРН, Москва), член экспертного совета Российского агентства международной информации «РИА Новости» и др.

Несмотря на огромную загруженность, он был членом редколлегии информационно-аналитического издания «Геополитика» (Московский государственный университет), заведующим отделом политологии и социологии политики Кавказа Южнороссийского филиала Института социологии РАН, Членом-корреспондентом Академии критических технологий и региональных исследований.

Перечисленных должностей и общественных нагрузок хватит на дюжину более молодых ученых. Он их выполнял не спешно, качественно, думая о слагаемых, принимаемых решений, их реализации, результатах. Конференции, форумы, круглые столы, участником которых был Виктор Владимирович, как правило, были лучшими образцами организации научных дискуссий по заявленной проблеме. Да, конечно, чтобы это стало системой нужен был огромный подготовительный этап, работа «за кадром» с учеными, по приглашению участников, выстраивание логики выступлений, подготовки резолюций и др. Он эту работу делал легко, без видимого напряжения. Улыбаясь. Мягко настаивая именно на том или ином решении вопроса. Но они требовали сил, здоровья, энергии, которых с годами становилось все меньше и меньше...

Отдав жизнь научной и организационной работе, Виктор Владимирович заслужил признание и авторитет в научном сообществе кавказоведов как в России, так и далеко за её пределами. Он знал, любил и понимал сложную, во многом трагичную, историю народов Кавказа.

Виктор Владимирович родился 17 октября 1949 г. в г. Порккала-Удд Ленинградской области (ныне Финляндия) в семье военного морского офицера Владимира Ивановича – потомственного кубанского казака и учительницы Ольги Георгиевны. Детство прошло в Кронштадте, на берегу Финского залива, в музеях Питера, кораблях, стоящих на причале и манящих в просторы океана. Переезд родителей в г. Ростов-на-Дону кардинально изменил планы. В 1968 г. он поступил на исторический факультет Ростовского государственного университета, где преподавали замечательные ученые, профессора – Н.А. Акимкина, В.А. Золотов, Ю.В. Кнышенко, А.П. Пронштейн, Ю.И. Серый, К.А. Хмелевский и др., давшие ему разносторонние знания по истории Донского казачества, Родины, человечества. Учился легко, осваивая сложности анализа источника на семинарах Александра Павловича Пронштейна, полных жизни и многообразия фактов лекциях Владимира Александровича Золотова о внешней торговле южной России в первой половине XIX в., хлебном экспорте России через порты Черного и Азовского морей в 60-90-х гг. XIX в., транспорте, казачестве и др. Замечательные лекции педагогов, рано проявившаяся внутренняя ответственность, позволили блестяще окончить университет, зарекомендовать себя серьезным специалистом в области истории и обществоведения. По рекомендации преподавателей, которые его учили, был принят на работу в Северо-Кавказский научный центр высшей школы (СКНЦ ВШ) (1973 – 1992 гг.), где он курировал научные учреждения вузов Северного Кавказа. Много ездил по региону, вникая в систему организации науки в вузах.

Недавно созданный СКНЦ ВШ объединил 50 высших учебных заведений и 206 научно-исследовательских учреждений, где трудилось около 50 тысяч сотрудников, в том числе свыше 21 тысячи научных работников. Это было больше, чем во всей дореволюционной России [Жданов 1973: 7]. При организационной и методической помощи центра, на базе пединститутов с 1957-го по 1972 г. были открыты Кабардино-Балкарский, Дагестанский, Северо-Осетинский, Кубанский, Чечено-Ингушский университеты [Земзин 1976: 69]. Ю.А. Жданов поставил вопрос о миссии классических университетов, их взаимодействию с академическими структурами, поднял проблему синтеза культур и целостности научного знания [Волков, Елифанцев 2010: 3]. Решал он эту задачу, вспоминал В.В. Черноус, на основе деятельностной теории культуры, а практической площадкой стал Северо-Кавказский экономический район РСФСР, в котором была построена общерегиональная научно-образовательная инфраструктура как основа принятия управленческих решений и механизм формирования региональной общности.

К этому времени были налажены научно-организационные связи вузов, академических и отраслевых научных учреждений, детально изучен кадровый потенциал, проведен сравнительный анализ научной деятельности и ресурсной базы вузов. На основе теории культуры Ю.А. Жданова и науковедческих

исканий М.К. Петрова была предложена оригинальная концепция региона как локализованного по месту и времени социального творчества, важнейшей характеристикой которого была человекоразмерность, а не доминирующий административно-правовой подход. На основе этой творческой концепции была разработана модель инновационного регионального научного центра высшей школы (эти важные разработки опубликованы только недавно) [Петров 2009: 28]. Модель легла в основу структуры и деятельности СКНЦ ВШ (хотя полностью она и не была реализована) с учетом стратегий развития науки и образования в СССР и мире. В СКНЦ ВШ была создана система отделений по отраслям наук, а в их составе располагались секции и проблемные группы, которые одновременно являлись северокавказскими отделениями соответствующих подразделений АН СССР. Они объединяли ведущих ученых вузов, академических и отраслевых научных учреждений Северного Кавказа, что позволило создать каркас единого научно-образовательного пространства региона как органичной части общесоюзного [Кузьминов 2011: 75]. Многонациональные коллективы ученых вырвались из своих «этнических квартир», плена мелкотемья, замкнутости исследований и активно разрабатывали общерегиональные (северо-кавказские) проблемы: «Природные ресурсы и производственные силы Северного Кавказа», «История народов Северного Кавказа», математическая модель Азовского моря, прогнозы социально-экономического развития СКЭР и отдельных регионов и т. д. Были задуманы «Свод памятников истории и культуры Северного Кавказа», «Свод фольклора народов Северного Кавказа» и др. Ю.А. Жданову удалось в деятельности СКНЦ ВШ частично преодолеть ведомственные барьеры между вузовской, академической и отраслевой наукой, характерные для эпохи советского «застоя», сблизить позиции ученых-гуманитариев, представлявших различные нации и этнические группы в том числе и потому, что рядом с ним работали такие молодые ученые как В.В. Черноус. Процессы консолидации и новаторского научного поиска начались у научной элиты кавказоведов, а затем через других коллег и учеников распространились на весь «цех» гуманитариев Северного Кавказа, который органично интегрировался в отечественный научный комплекс, – позднее вспоминал Виктор Владимирович [Черноус 2011].

Для становления молодого ученого было крайне важно, что в СКНЦ ВШ активно отстаивали региональный, но не местнический (!) подход, стремясь объединить ученых всех республик, краев и областей Северного Кавказа для разработки совместных актуальных проблем во всех сферах науки. Только интеграция, как принципиальная политика научного сообщества, позволяла решить глобальные проблемы региона и страны. Это выработанное в процессе конкретной работы убеждение легло в основу всей последующей работы Виктора Владимировича.

Одним из важнейших проектов СКНЦ ВШ стал четырехтомник «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней», в подготовке которого принимали участие около 200 авторов из Москвы, Ленинграда, Грузии, всех регионов Юга России. Во главе проекта стояли директор Института истории АН СССР академик А.Л. Нарочницкий и член-корреспондент АН СССР

Ю.А. Жданов. Редакционные коллегии томов возглавили известные ученые СССР академики Б.Б. Пиотровский, Ю.А. Поляков, М.П. Ким, а в авторский коллектив вошли практически все ведущие кавказоведы страны. Для организации и координации работ над проектом были созданы две группы: одна в Институте истории СССР АН СССР, которую возглавил выпускник КБГУ Н.Ф. Бугай и вторая в СКНЦ ВШ во главе с аспирантом В.В. Черноусом. Несмотря на юный для возраст, Виктор Владимирович, сначала в соответствии с должностью, а потом втянувшись в проблему «по велению сердца», принимал участие в рабочих заседаниях редколлегий всех томов и отдельных глав в Москве, Ленинграде, научных центрах Северного Кавказа. На них, что очень важно, открыто, спокойно, неформально обсуждались сложнейшие и дискуссионные проблемы региона и отдельных народов: от появления человека и этногенеза народов Кавказа, до новейших событий.

Постоянное творческое общение с элитой советского кавказоведения, включенность в научные лаборатории ведущих ученых страны стали для вчерашнего выпускника **Академией** в самом высоком смысле этого слова. Волею судьбы он становится и сам кавказоведом, хотя первоначально его научные интересы были связаны с исторической социологией и социальной психологией. Ведь тема диссертационного исследования под руководством Ю.И. Серого была посвящена деятельности боевых дружин в 1905 г. в Москве, Ростове-на-Дону и Горловке, представлявших самое радикальное крыло революционеров. Это были вооруженные отряды рабочих, созданные большевиками в ходе революции 1905–1907 гг., которые появились после девятого января 1905 в Петербурге как организации самообороны российского пролетариата. Эта тема разрабатывалась им в рамках «нового направления» в исторической науке, но после идеологического разгрома «нового направления», вынужден был переключиться на проблему цивилизационно-культурной идентичности России.

В 90-е годы разрабатывал совместно с В.Ф. Патраковой концепцию трансрегиональной русской (российской) цивилизации, проблемы элитогенеза в России и на Северном Кавказе, влияние геополитических трансформаций и конфессиональных взаимоотношений на динамику этнополитических процессов на Юге России. Большое внимание уделял роли русского (славянского населения) и Русской Православной Церкви в регионе.

Наряду с Ю.И. Серым, учителем В.В. Черноуса был А.П. Пронштейн, который бесценно возглавлял отделение гуманитарных наук (позднее отделение истории и права) СКНЦ ВШ. Многие дало В.В. Черноусу сотрудничество и дружба с учеными Северного Кавказа: В.Г. Гаджиевым, А.И. Поповым, А.М. Бугаевым, Д.Д. Гакаевым, В.П. Крикуновым, А.И. Хасбулатовым, В.Б. Виноградовым, М.Б. Мужухоевым, Я.З. Ахмадовым, Ш.Б. Ахмадовым, М.С. Тотоевым, М.М. Блиевым, Б.Х. Ортабаевым, Т.Х. Кумыковым, Р.Х. Гуговым, Х.Т. Медалиевым, Е.Дж. Налоевой, С.А. Чекменевым, В.П. Невской и другими.

Несмотря на организационные и идеологические сложности первые два тома увидели свет в 1988 г. [История народов... 1988а; История народов...

1988b]. Из-за распада СССР третий и четвертый тома так и остались лежать в рукописях в архиве. Интересно, что в содержательной статье, посвященной Учителю, Виктор Владимирович пишет, что одновременно с северокавказским проектом, одновременно, были приняты решения о подготовке и публикации еще ряда региональных трудов в Советском Союзе: «История Закавказья», «История Средней Азии и Казахстана», «История Прибалтики», но все они были прекращены на начальном этапе из-за в общем-то личностных проблем (борьба амбиций, коллизии, интриги) [Патракова, Черноус 2012: 173].

Из комплекса статей и очерков, подготовленных для «Истории народов Северного Кавказа» позднее были опубликованы и другие региональные издания: «Крестьянство Дона и Северного Кавказа», «Рабочие Дона и Северного Кавказа», «Свод фольклора Северного Кавказа» и др., в которых В.В. Черноус принимал организационное и авторское участие. Особо следует отметить первый том «Библиотеки Дона и Северного Кавказа в дневниках, воспоминаниях и свидетельствах современников» – «Кавказ и Дон в произведениях античных авторов», составителем которого он стал вместе с супругой В.Ф. Патраковой [Кавказ и Дон... 1990].

Глубокий общественно-политический и экономический кризис конца 80 – начала 90-х годов XX в. обусловил распад СССР, свертывание серьезных научных государственных программ, привел к прекращению работы над коллективными региональными проектами, что, в свою очередь, разорвало налаженные связи между вузами и научными учреждениями, учеными Северного Кавказа.

Нужно было искать новую работу, которая обеспечила бы семью материально, помогла бы решать повседневные витальные проблемы, найти приложение творческих сил. В этих условиях Виктор Владимирович перешел на работу в вуз нового типа – Северо-Кавказскую академию госслужбы (первоначально Северо-Кавказский кадровый центр, ныне Южнороссийский институт управления РАНХ и ГС). Воспользовавшись региональным статусом вуза, он стал одним из тех, кто пытался в условиях дезинтеграции научных связей, сохранить и возродить взаимоотношения между гуманитариями Северного Кавказа.

По заданию правительства РФ он работает экспертом от СКНЦ ВШ в зоне осетино-ингушского конфликта, расколовшего Центральный Кавказ в 1992 г. Одновременно, начался процесс формирования новой государственности чеченского и ингушского народов, и если в Чеченской республике он принял страшный характер гражданской войны и противостояния с правительством Б.Н. Ельцина, то в Ингушетии, несмотря на все трудности становления государственного устройства, он пошел по пути вхождения в общероссийское политическое пространство. Участие в этих трагических событиях все больше убеждало Виктора Владимировича в необходимости преодоления межэтнических конфликтов в регионе, повышения социальной ответственности интеллигенции, особенно историков, замкнувшихся в своих национальных «квартирах».

Он принимает участие во многих новых проектах регионального характера, инициированных Ю.А. Ждановым и А.П. Пронштейном. В сложных условиях 90-х не все они получили поддержку власти и общества, не все были реализованы, но многое состоялось.

В первую очередь, нужен был серьезный консолидирующий центр, инструмент сплочения, обсуждения, поиска оптимального решения жизненно важных вопросов научного сообщества. Им должен был стать печатный орган, который в условиях братоубийственных войн и конфликтов на Кавказе, отстаивал бы идеи мира и дружбы между народами. В 1995 г. был создан демонстративно интеграционный, на фоне военных действий в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Чечне, научный, общественно-теоретический журнал «Научная мысль Кавказа». В состав редколлегии вошел В.В. Черноус и оставался заместителем главного редактора до 2012 г., где отвечал за разделы, связанные с кавказоведением. Должность заместителя была на бумаге, а фактически вся организационная и редакторская работа лежала на его нешироких плечах и И.А. Пехтеревой. Конечно, она была эффективна только при тесном содружестве с учеными республик и краев Северного Кавказа. На страницах журнала печатались рядом ученые Армении и Азербайджана, Грузии и Абхазии, Осетии и Ингушетии, Чечни и др. В этих статьях по важнейшим проблемам Кавказа, шло зарождение ростков научного диалога между учеными региона.

В конце 90-х годов В.В. Черноус, вместе с другими учеными, разрабатывает концепцию кавказской горской цивилизации и предлагает рассматривать диалог ее с российской цивилизацией как магистральную парадигму исторического процесса на Северном Кавказе. Дискуссия, организованная на страницах журнала «Научная мысль Кавказа» была поддержана большой группой историков, философов, социологов, правоведов. В ходе обсуждения были выявлены главные слагаемые этой многозначной категории. Вместе с тем, восприятие горских общностей как единого кавказского социума, как оригинальной самобытной цивилизации, на наш взгляд, несколько девальвирует их этническое своеобразие, лишает самобытности, уникальности, но вместе с тем позволяет выявить главные сущностные начала горцев, действующие на всей территории Северного Кавказа, не зависящие от случайного стечения обстоятельств. Одновременно появляется возможность за частоклом разнородных событий и фактов выявить основной вектор движения горского общества, уточнить механизм социокультурного взаимодействия российского и горского обществ [Кузьминов 2007: 83].

Возможно, этапным моментом в жизни было назначение В.В. Черноуса заведующим сектором Северного Кавказа в НИИ Кавказа, созданного в структуре СКНЦ ВШ в 1998 г. По заданию Ю.А. Жданова он активно участвует в разработке концепции «Энциклопедии культур народов Юга России» и как зам. главного редактора и один из основных авторов в подготовке первого тома «Народы Юга России» (в свет вышел, с изрядной задержкой из-за отсутствия финансирования, только в 2005 г.). Впервые в одной книге были приведены

научно выверенные сведения практически о всех народах и этнических группах, проживавших на территории Юга России. При этом будем учитывать, что в 90-е гг. этническую историю народов Кавказа захлестнули «штудии знатоков», которые густо сеяли семена паранаучного чертополоха, доказывая происхождение «своего» народа в эпоху палеолита, а значит его абсолютное политическое и территориальное лидерство в регионе, что способствовало межэтническим фобиям и нагнетанию напряженности. Приезжая в Нальчик, или встречаясь на конференциях в других городах, Виктор Владимирович всегда просил подготовить статью именно о таких «деятелях от науки».

Несмотря на ожесточенный характер военных действий в Чечне, Виктор Владимирович в 1995-1996 гг. несколько раз приезжал в разрушенный войной Грозный, стремился помочь чеченским ученым выжить, остаться в общероссийском научно-образовательном пространстве. Активно помогал им печататься в ростовских журналах, включал в научные проекты, поддерживал в решении организационных задач защиты диссертаций. Он реально помог возобновить связи ученых Чечни с учеными РГУ (ЮФУ), помогал в организации научных конференций, был привлечен к разработке «Концепции государственной национальной политики» в Чеченской республике. В свою очередь, ни одна научная конференция в ИППК РГУ (ЮФУ), где он был заместителем директора по науке, не проходила без участия ученых из Чечни и других республик Северного Кавказа.

Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета, куда осенью 1999 г. В.В. Черноус перешел и до последнего дня своей жизни работал, после защиты диссертации «Правящие элиты традиционного общества России» по специальности 23.00.02 «Политические науки», стал наиболее плодотворным местом его общественной и трудовой деятельности. В разные годы Виктор Владимирович был заместителем директора института по науке, заведующим кафедрой конфликтологии и национальной безопасности, директором Центра системных региональных исследований и прогнозирования, зав. отделом политологии и социологии политики Кавказа Южнороссийского филиала Института социологии РАН. В качестве ответственного редактора серии проблемных монографий и сборников статей «Южнороссийское обозрение», опубликовал более ста выпусков.

Виктор Владимирович являлся одним из организаторов авторитетного научного форума историков-кавказоведов (провел 6 форумов, последний в ноябре 2017 г.). Особое значение имел IV форум кавказоведов в октябре 2013 г. В разгар «историографических войн», он совместно с Ш.А. Гапуровым и другими учеными-историками стал инициатором и организатором проведения консолидирующего международного Форума историков-кавказоведов в Ростове-на-Дону, на котором был поставлен вопрос о разработке **Этического кодекса** учёного-кавказоведа. В результате бурной дискуссии была принята **Хартия ученых кавказоведов**, получившая широкую поддержку большей части научной общественности Кавказа и Юга России. Тем самым был заметно ослаблен «огонь» противостояния в науке и обществе. Его слово, совет, конкретная помощь в решении научных и организационных проблем десяткам,

если не сотням молодых и зрелых ученых, стали для них путеводными нитями, дав прекрасные результаты.

Виктор Владимирович Черноус – ученый, чье имя знает научное сообщество на всем постсоветском пространстве, но с особым уважением и почтением к нему относятся на Северном Кавказе. Член оргкомитетов и участник многих десятков международных, всероссийских и региональных научных конференций. Руководитель и соисполнитель многочисленных научных работ по грантам РФФИ, РГНФ, зарубежных фондов, договорам с федеральными и региональными органами власти. Долгое время Виктор Владимирович Черноус был занят над одним из крупнейших научных проектов – созданием геополитической модели Северного Кавказа. В основе данной модели лежит идея Черноуса об использовании многовекторных модуляторных шкал для интегрированной оценки и прогнозирования этнополитических процессов.

Научную и организационную работу он сочетал с преподавательской деятельностью на кафедре теоретической и прикладной регионалистики ИППК ЮФУ. Среди его учеников победители научных конкурсов различного уровня, в т. ч. медаль РАН для студентов, первая премия конкурса научных работ по кавказоведению и южнороссийскому регионоведению им. Ю.А. Жданова и др. Для Черноуса научное руководство студентами и аспирантами – это была не работа, а призвание. Доброта и душевная щедрость Черноуса не позволяла ему пройти мимо просящего о помощи студента или аспиранта. Студенты обожали профессора Черноуса как преподавателя, считали Виктора Владимировича уникальным преподавателем, чьи лекции без всяких усилий превращались в увлекательные интеллектуальные беседы.

Созидание являлось неотъемлемой частью личности Виктора Владимировича. Чем бы он не занимался, он это делал творчески: читал лекции, организовывал конференции, руководил научной частью Института и т.д. В основе успеха всех научных мероприятий лежал организаторский талант ученого. Творческим потенциалом Черноуса безвозмездно пользовалось огромное количество людей: добрый совет по научной или личной проблеме находился у профессора для каждого. В рабочий кабинет Черноуса люди приходили с разными целями, но всех их объединяло настроение, с которым они покидали его – это счастье от соприкосновения с интеллектом порядочного, честного, искреннего Человека.

Сотни работ, посвященных жизни народов Кавказа, глубокий анализ постсоветской действительности, проекты выхода народов в региона из кризиса в постсоветский период, заслуженно поставили Виктора Владимировича в когорту выдающихся людей современности: рядом с Ю.А. Ждановым, которого он по-сыновьи любил, Н.И. Покровским, А.П. Пронштейном, А.И. Козловым и др.

Виктор Владимирович был признанным кавказоведом, авторитетным учёным в области элитологии, в центре его внимания находились проблемы совместной жизни горских народов с русским народом.

Виктор Владимирович знал, любил и понимал Кавказ. Он обладал талантом в научных дискуссиях находить истину, примирять порой непримиримых в своих позициях учёных-кавказоведов, за что его ценили, любили и уважали. Бескомпромиссная позиция – в поиске понимания и гармонии в регионе, была настолько глубокой и явной, что противостоящие группы разных республик, краев и народов, отдавали ему пальму первенства.

Он был отмечен многими общественными и государственными наградами: нагрудным знаком к почетной грамоте парламента Чеченской Республики; медалью в память 200-летия вхождения Абхазии в состав Российской империи; памятной медалью Кавказской академии к 150-летию со дня рождения Коста Хетагурова; памятной медалью Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона «20 лет провозглашения Нагорно-Карабахской Республики»; медалью Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР «Маршал Советского Союза Жуков» – к столетию; медалью Российского Лермонтовского комитета к 190-летию М.Ю. Лермонтова «За личный вклад в восстановление мира и согласия на Кавказе»; памятной медалью ЦК КПРФ «90 лет ВЛКСМ»; памятной медалью ЦК КПРФ «В ознаменование 130-летия со дня рождения И.В. Сталина»; медалью Кавказской академии «За мир и гуманизм на Кавказе»; лауреатом в номинации «За верность долгу» ежегодной премии совета Интеллектуального центра Чеченской Республики; медалью Министерства образования и науки РФ «Почетный работник высшего профессионального образования»; юбилейной медалью III степени «За заслуги перед ЮФУ»; знаком (регалии) Who is Who Gesellschaft für biographische Forschung 1150 Wien.

Черноус Виктор Владимирович был замечательным Человеком, надёжным другом, верным товарищем, терпеливым наставником, мудрым учителем. Был заботливым мужем и отцом, нежным любящим дедушкой. Он ушел, но дело, которому он посвятил жизнь – живет полноценным, научным, общественным бытием на благо всех народов Кавказа!

В очерке использованы материалы о В.В. Черноусе, подготовленные редакцией журнала «Гуманитарий Юга России», А.В. Сериковым, Е.Г. Гежой и др.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Волков, Епифанцев 2010 – Волков Ю.Г. Епифанцев С.Н. Кавказ в жизни и творчестве Ю.А. Жданова // Ю.А. Жданов. Кавказские мотивы. – М.-Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания. 2010. – С. 3-12.

Жданов 1973 – Жданов Ю.А. Северо-Кавказский научный центр высшей школы // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия: Общественные науки. – 1973. – № 1. – С. 7-13.

Земзин 1976 – Земзин М.П. Из истории организации вузовской науки на Северном Кавказе // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия: Общественные науки. – 1976. – № 4. – С. 65-70.

История народов... 1988а – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в – 1917 г.) / Отв. ред. акад. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 659 с.

- История народов... 1988b – *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* / Отв. ред. акад. Б.Б. Пиотровский. – М.: Наука, 1988. – 544 с.
- Кавказ и Дон... 1990 – *Кавказ и Дон* в произведениях античных авторов / Сост. В.Ф. Патракова, В.В. Черноус; отв. ред. М.Р. Гасанов. – Ростов-на-Дону: Русская энциклопедия. Ростовский-на-Дону филиал, 1990. – 399 с.
- Кузьминов 2007 – *Кузьминов П.А.* Траектории сближения: утверждение России в степном Предкавказье в конце XVIII – первой половине XIX вв. // *Кавказский сборник*. Т. 4 (36) / Под ред. В.В. Дегоева, В.А. Захарова. – М.: НП ИД Русская панорама, АНО «Русское историческое общество», 2007. – С. 81-102.
- Кузьминов 2011 – *Кузьминов П.А.* Эпоха преобразований 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. – Нальчик: Печатный двор, 2011. – 536 с.
- Патракова, Черноус 2012 – *Патракова В.Ф., Черноус В.В.* Историк-новатор, гражданин, патриот (профессор Ростовского госуниверситета Александр Павлович Пронштейн) // *Гуманитарий Юга России*. – 2012. – № 4. – С. 167-178.
- Петров 2009 – *Петров М.К.* Системный подход к организации регионального научного центра / Отв. ред. В.В. Черноус. Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 57. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 2009. – 224 с.
- Черноус 2011 – *Черноус В.В.* Административно-территориальный фактор трансформации региональной идентичности на Юге России (25.02.2011) // *Союз Русского Народа – официальный сайт общероссийской общественной организации «СОБОР РУССКОГО НАРОДА»*. URL: <http://srn.su/?p=1876> (дата обращения: 15.03.2018).

REFERENCES

- VOLKOV Yu.G. EPIFANTSEV S.N. *Kavkaz v zhizni i tvorchestve Yu.A. Zhdanova* [Caucasus in the life and creative works of Yu.A. Zhdanov]. IN: *Yu.A. Zhdanov. Kavkazskie motivy* [Yu.A. Zhdanov. Caucasian themes]. – Moscow-Rostov-na-Donu: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2010. – P. 3-12. (In Russian)
- ZHDANOV Yu.A. *Severo-Kavkazskii nauchnyi tsentr vysshei shkoly* [North Caucasian Scientific Center of Higher School]. IN: *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshei shkoly*. Seriya: Obshchestvennye nauki. – 1973. – No. 1. – P. 7-13. (In Russian)
- ZEMZIN M.P. *Iz istorii organizatsii vuzovskoi nauki na Severnom Kavkaze* [From the history of organization of science in the North Caucasus higher schools]. IN: *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshei shkoly*. Seriya: Obshchestvennye nauki. – 1976. – No. 4. – P. 65-70. (In Russian)
- Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v – 1917 g.)* [History of the peoples of the North Caucasus (from the end of the 18th century to 1917)] / Ed. by akad. A.L. Narochitskii. – Moscow: Nauka, 1988. – 659 p. (In Russian)
- Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh времен do kontsa XVIII v.* [History of the peoples of the North Caucasus from the earliest times to the end of 18th century] / Ed. by akad. B.B. Piotrovskii. – Moscow: Nauka, 1988. – 544 p. (In Russian)
- Kavkaz i Don v proizvedeniyakh antichnykh avtorov* [Caucasus and Don in the writings of Antique authors] / Ed. by V.F. Patrakova, V.V. Chernous, M.R. Gasanov. – Rostov-na-Donu: Russkaya entsiklopediya. Rostovskii-na-Donu filial, 1990. – 399 p. (In Russian)
- KUZ'MINOV P.A. *Traektorii sblizheniya: utverzhdenie Rossii v stepnom Predkavkaz'e v kontse XVIII – pervoi polovine XIX vv.* [Trajectories of convergence: the entrenchment of Russia in the Steppe Pre-Caucasus in the end of the 18th – first half of the 19th century] IN: *Kavkazskii sbornik*. Vol. 4 (36) / Ed. by V.V. Degoeva, V.A. Zakharova. – Moscow: NP ID Russkaya panorama, АНО «Русское историческое общество», 2007. – P. 81-102. (In Russian)
- KUZ'MINOV P.A. *Epokha preobrazovaniy 50–70-kh godov XIX veka u narodov Severnogo Kavkaza v noveishei istoriografii* [Epoch of transformations of the 50-70 years of the 19th century

among the North Caucasus peoples in the modern historiography]. – Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2011. – 536 p. (In Russian)

PATRAKOVA V.F., CHERNOUS V.V. *Istoriik-novator, grazhdanin, patriot (professor Rostovskogo gosuniversiteta Aleksandr Pavlovich Pronshtein)* [Historian-innovator, citizen, patriot (professor of the Rostov state university Aleksandr Pavlovich Pronshtein)]. IN: *Gumanitarii Yuga Rossii*. – 2012. – No. 4. – P. 167-178. (In Russian)

PETROV M.K. *Sistemnyi podkhod k organizatsii regional'nogo nauchnogo tsentra* [Systemic approach to the organization of regional scientific center] / Ed. by V.V. Chernous. *Yuzhnorossiiskoe obozrenie TsSRIiP IPPK YuFU i ISPI RAN. Iss. 57.* – Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNTs VSh YuFU. 2009. – 224 p. (In Russian)

CHERNOUS V.V. *Administrativno-territorial'nyi faktor transformatsii regional'noi identichnosti na Yuge Rossii (25.02.2011)* [Administrative-territorial factor of the transformation of the regional identity in the South of Russia (25.02.2011)]. IN: *Soyuz Russkogo Naroda – ofitsial'nyi sait obshcherossiiskoi obshchestvennoi organizatsii «SOBOR RUSSKOGO NARODA»*. URL: <http://srn.su/?p=1876> (date of access: 15.03.2018) (In Russian)

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ

УДК 93/94(470.661)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-137-145

В ГОРАХ ЧЕЧНИ (ОТРЯД Н.Ф. ГИКАЛО 1919-1920 гг.)**Е.И. КИЛЬСЕЕВ**

*Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 46., к. 208
E-mail: niu@niu.ranepa.ru*

Аннотация. Отношения русских и Российского государства с чеченцами и Чечней простираются вглубь веков и включает в себя разнообразный, порой неоднозначный, опыт. Цель настоящих заметок – напомнить об одной, весьма поучительной странице из истории налаживания взаимопонимания в условиях одного из наиболее трагичных периодов истории России – периода Гражданской войны. Многолетняя Кавказская война, в которой чеченцы принимали самое активное участие, победа в ней русских войск и потеря чеченцами лучших земель, переданных терским казакам, превратили всех русских для чеченцев во врагов. Недовольство горцев центральная власть предпочитала гасить, используя силу. Однако силовые методы не позволяли решить проблему полностью. Октябрьская революция (1917 г.) справедливо решила земельный вопрос. Это обстоятельство позволило русским красноармейцам группы Н.Ф. Гикало не только уцелеть в Нагорной Чечне в 1919-1920 гг., но и повести за собой основные массы чеченцев. В основу отношений с горцами русские положили тщательный учет национальных особенностей и психологии и добились впечатляющих успехов.

Ключевые слова: Россия; Чечня; русские; чеченцы; взаимоотношения; история; Гражданская война; Н.Ф. Гикало; Узун-Хаджи.

IN THE MOUNTAINS OF CHECHNYA (N.F. GHIKALO'S SQUAD IN 1919-1920)**E.I. KIL'SEEV**

*Nizhny Novgorod Institute of management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
603950, Russian Federation, Nizhny Novgorod, Gagarina Prospect, 46
E-mail: niu@niu.ranepa.ru*

Abstract. Relations of the Russians and Russian state with Chechens and Chechnya have a centuries old history. It embraces various, in times, controversial experience. The aim of the further remarks is to remind the reader just one, and quite illuminating page of the history of constructing mutual understanding in the conditions of one of the most tragic periods in the history of Russia – that of the Civil war. Long years Caucasian war, in which Chechens took the most active part, Russians' victory and the lose by Chechens of their best lands transferred to the Cossacks, turned all

the Russians into the enemies for the Chechens. The central powers preferred to hold down the unrest of the mountaineers by force. But forceful methods couldn't solve the problems definitively. October revolution of 1917 offered just resolution of the land question in the North Caucasus. This fact gave the Red Army men under N.F. Ghikalo's command an opportunity not only to preserve themselves in the Highland Chechnya in 1919-1920 years but also to lead the masses of Chechens. In this case Russians based their relations with Chechens on the scrupulous consideration and respect for national particularities and psychology and achieved a spectacular success.

Key words: Russia; Chechnya; Russians; Chechens; mutual relations; history; Civil war; N.F. Ghikalo; Uzun-Khadji.

История отношений русских и Российского государства с чеченцами и Чечней простирается вглубь веков и включает в себя разнообразный, порой неоднозначный, опыт. Цель настоящих заметок – напомнить об одной, весьма поучительной с позиций рубежа XX-XXI вв., странице налаживания взаимопонимания в условиях одного из наиболее трагичных периодов истории России – периода Гражданской войны.

После падения Астраханского ханства (1556) граница России приблизилась к реке Терек в ее низовьях, а русское казачье население появилось непосредственно на Тереке. Русские и чеченцы стали соседями. Терские казаки, очень быстро приняли кавказский обычай куначества, позволявший им поддерживать дружеские отношения с горцами. Во второй половине XVIII в. российские власти попытались усилить свое влияние на правобережье Терека (имели место продвижение на юг Кавказской укрепленной линии, раздача земель дагестанским и кумыкским князьям и др.). Эти действия привели к осложнению отношений с «немирными» чеченцами, проживавшими за рекой Сунжей. В 1785 г. вспыхнуло восстание в Чечне под руководством Шейх Мансура (настоящее имя Ушурма). Восстание охватило значительную часть Северного Кавказа, но было подавлено [Бирюков 1998: 45-47].

Со времени Венского конгресса (1815) Россия придерживалась принципа легитимизма, требующего вооруженной помощи законным монархам против любых мятежных движений. Этот принцип действовал и в отношении вассальных ханств Северного Кавказа, признавших верховную власть российского императора. Выступив в поддержку аварских ханов, русские войска оказались втянутыми в начавшуюся в горах Дагестана гражданскую войну. Их противники объединились под знаменами мюридизма в единое движение, которое возглавили Гази-Магомед (Кази-Мухаммед), Гамзат-Бек, а затем Шамиль [Олейников 1996: 60].

В 1817 г. началась Кавказская война, продолжавшаяся до 1864 года. Чеченцы принимали в этой войне самое активное участие. В 1857-1858 гг. превосходящими силами Кавказской армии Чечня была занята. Победители передали лучшие земли чеченцев терским казакам. Это закрепило на многие десятилетия враждебное отношение чеченцев к русским. Оно выражалось в общих настроениях, народных песнях и, буквально с молоком матери впитывалось каждым ребенком. С самых юных лет детям говорили о галгазках

(казаках из крепости), со стороны которых следовало ждать самого бесчеловечного отношения. По свидетельствам людей, хорошо знавших ситуацию в Чечне в первые десятилетия XX в., ненавистными галгазками в понимании чеченцев были все русские, к борьбе с которыми должен был готовиться каждый чеченский юноша [Носов 1961: 12].

Особенностью Чечни было существование многочисленных религиозных сект, во главе которых стояли авторитетные и влиятельные шейхи. Шейхи объединяли вокруг себя преданных им лично мюридов (учеников), пользовались их имуществом и трудом. Религиозные группировки перемешивались с родовыми. Каждый чеченец принадлежал к тому или иному тейпу (роду) и зависел от него. Поэтому многое в поведении горцев определялось ориентацией, которой придерживались старейшины тейпов [Носов 1961: 19].

Царское правительство понимало опасностью ситуации, сложившейся в Чечне. Оно расположило казачьи станицы таким образом, чтобы отделить чеченцев, живших на равнине, от сородичей, проживавших в горах. Путем раздачи крупных земельных участков (от 200 до 1000 десятин) чеченским старшинам и офицерам, оно пыталось создать себе опору среди горцев. Однако основная масса чеченцев страдала от безземелья и вынуждена была арендовать землю у казаков [Гойгова 1963: 17-18]. Поэтому отношение к русским в Чечне продолжало оставаться враждебным.

Крушение имперского государственного порядка в 1917 г. с неизбежностью привело к активизации националистических и панисламистских сил на Северном Кавказе. Вместе с тем, Октябрьская революция внесла значительные изменения в настроения горцев: новая власть приступила к справедливому решению земельного вопроса уже в первые месяцы 1918 г, а с лета в России разгоралась гражданская война. Для чеченцев происходили невероятные события – *русские дрались с русскими*. Чеченское общество раскололось на противников и сторонников Советской власти.

Большинство горцев пошло тогда за панисламистами, ибо увязывало их призывы с борьбой за создание национальной государственности. Они поддержали прибывшего в июне 1919 г. из Дагестана в Чечню шейха Узун Хаджи. Престарелый шейх был давним врагом самодержавия, за что в свое время ссылался в Сибирь. До места ссылки Узун Хаджи не доехал, ибо бежал по дороге и долго скрывался в горах Чечни. Здесь и образовался круг его мюридов, связанным с ним духовным обетом. Обосновавшись в ауле Ведено, шейх объявил себя имамом и под лозунгом борьбы против «неверных» стал поднимать горцев на борьбу с генералом А.И. Деникиным. Ему удалось собрать довольно многочисленный отряд, получил он и помощь со стороны Турции, Азербайджана и Грузии. В сентябре 1919 г. к Узун Хаджи прибыл Иналук Арсунукаев-Дышнинский с подложным фирманом турецкого султана Вахиддина-VII, в котором горцам рекомендовалось создать Северо-Кавказское эмирство. В аулах зачитано было сообщение о создании эмирства во главе с имамом и эмиром Шейх Узун Хаджи Ханом. Приказом Узун Хаджи И.

Дышнинский был назначен визирем и главнокомандующим шариатской армией [Гойгова 1963: 137-138].

Сторонники Советской власти объединились вокруг Асланбека Шерипова, первого чеченца-коммуниста. Несмотря на свою молодость Шерипов обладал большим авторитетом среди горцев. Он был одним из немногих чеченцев, получивших законченное светское образование (Грозненское реальное училище).

Природный ум и достаточно широкий кругозор позволили Шерипову выйти из порочного круга национальной ограниченности и понять необходимость для его народа союза с трудящимися России. Так, выступая на съезде народов Терской республики, он говорил: «...Я чеченец, сын того народа, в котором жила историческая вражда к казакам из-за земли, но радуюсь единению трудовых масс казачества с чеченскими» [Газдиев 1960: 133]. Оплотом сторонников Шерипова стал аул Шатой.

Действия Узун Хаджи и А. Шерипова вызвали серьезные опасения у генерала Деникина, войска которого к лету 1919 г. захватили равнинную часть Чечни. Генерал был уверен, что образумить чеченцев можно лишь силой, и приказал подвергнуть артиллерийскому обстрелу некоторые аулы. В результате он получил еще один фронт, куда пришлось перебрасывать достаточно крупные силы [Деникин 1993: 109-110, 116-117].

Иначе вынуждены были действовать красноармейцы разбитой деникинцами 11 армии, отступившие в горы Чечни. Лишь в ауле Шатой их приветливо встретили соратники А. Шерипова. В других аулах красноармейцев обезоружили, ограбили и избili, а кое-где встретили выстрелами. Командир красных бойцов Н.Ф. Гикало понял, что без тщательного учета национальных особенностей чеченского населения, без знаний обычаев и традиций горцев его отряд будет обречен. Большую помощь в принятии верных решений ему оказали А. Шерипов и А.Ф. Носов (уроженец Ведено, знал язык и обычаи чеченцев) [Носов 1961: 13].

Гикало узнал, что чеченцы отличались большой выносливостью, храбростью, верностью своим обычаям и слову. Они высоко ценили в людях силу и мужество. Встречая эти качества в соперниках, горцы относились к ним с уважением. Издавна среди чеченцев были развиты почтительное отношение к старшим, взаимопомощь и гостеприимство. Всякий, кто вошел в дом чеченца, будь он даже недруг, становился священной особой. Горец нес ответственность за благополучие гостя, за сохранность его оружия и имущества. Любое желание гостя становилось законом для хозяина [Попов 1973: 39].

Решено было обратиться к старейшинам тех аулов, где красноармейцев встретили враждебно и напомнить им о традиционном горском гостеприимстве. После такого обращения чеченцы немедленно вернули все отнятое, а русских бойцов расселили по саклям. Так красноармейцам удалось закрепиться в горных аулах *в качестве гостей*.

Н.Ф. Гикало не уставал напоминать своим бойцам о необходимости установления дружеских отношений с местным населением. Он разъяснял: «...Мы боремся за свободу и счастье не только для себя, но и для горцев... Мы

обязаны уважать их обычаи, не нарушать их. Каждый наш неправильный шаг во взаимоотношениях с населением будет использоваться... контрреволюционерами для разжигания розни. Мы должны сделать так, чтобы каждый боец понял: наш успех во многом зависит будет от взаимоотношений с местным населением» [Попов 1973: 56].

Руководители красных партизан хорошо понимали сколь трудно будет добиться доверия со стороны чеченцев, что предстоит тяжелейшая борьба с панисламистами и националистами. Многого зависело и от того, какую позицию займет Узун Хаджи. Столкновение с этим религиозным фанатиком казалось неизбежным, но в данный момент, в условиях начавшегося наступления белогвардейцев, шейх мог стать временным союзником. Н.Ф. Гикало и А.Ф. Носов решили создать отдельный партизанский отряд и договориться с Узун Хаджи о совместных действиях против деникинцев. Деникин представлял серьезнейшую угрозу для имама, поэтому Узун Хаджи пошел на соглашение с русскими партизанами. Красноармейцы стянулись в аул Шатой и объединились с чеченцами А. Шарипова. Они получили от жителей горных аулов деньги, оружие, продовольствие. Отряд Гикало превратился в серьезную военную силу (до 1000 бойцов). 29 сентября 1919 г. партизаны вместе с шариатским полком Узун Хаджи разгромили деникинский гарнизон в слободе Воздвиженской, закрывавший выход из Горной Чечни на равнину. Первая победа была очень важна, однако она омрачилась гибелью Асланбека Шерипова. Вождя революционных чеченцев не стало, но остались его сподвижники. Они заняли важные посты в шариатской армии и правительстве (Х. Бесланеев – министр внутренних дел, М. Ханиев – министр торговли) и оказывали большую помощь русским бойцам.

Красноармейцы Гикало в боях с деникинцами дрались геройски, их мужество и воинское мастерство вызвали восхищение у горцев. Среди чеченского населения явно наметился перелом в отношении к русским. Горцы стали четко отличать русских белогвардейцев от русских партизан. Раньше ненавистными галгазками считались все русские, теперь же чеченцы с *теплотой отзывались о «мужиках», т.е. о русских красноармейцах* [Носов 1961: 112].

Наметившийся поворот в настроениях горцев следовало закрепить. А.Ф. Носов и чеченские коммунисты развернули разъяснительную работу в массах. Решено было объединить чеченское население вокруг лозунгов Советской власти. Стали создаваться кружки революционных горцев, стоявших на платформе Советов. Каждый член такого кружка должен был быть честным, преданным делу народа человеком, свободным от националистических и религиозных предрассудков. В его обязанности входило ведение агитации в пользу Советской власти, борьба с провокациями националистов, вовлечение в кружки новых членов и информация командования отряда о положении дел в родном ауле. Недостойные немедленно исключались из состава кружка и объявлялись изменниками трудового народа [Носов 1961: 109].

Члены кружков активно работали среди населения, и *изоляция больше не угрожала партизанам Гикало*. Следующим шагом командования отряда стало

создание партийных ячеек в ряде селений. Это потребовало увеличения количества людей, способных вести партийную работу. В промежутках между боями в Шатое и Воздвиженской начала работать партийная школа. Перед слушателями выступали Н.Ф. Гикало, А.Ф. Носов и другие более подготовленные большевики. Выпускники партшколы возглавили впоследствии кружки революционных горцев и партийные ячейки в аулах [Носов 1961: 110].

Узун Хаджи лишь терпел красных партизан, ибо нуждался в их помощи. Однако он не терял надежд изгнать из Чечни всех русских. Эмиссары имама искали помощи на всем Северном Кавказе и в Закавказье. Вскоре на призывы шейха откликнулось правительство буржуазной Грузии. В Чечню прибыла группа грузинских офицеров (50 человек) во главе с генералом Керселидзе. Вместе с визирем Дышнинским грузинские военные специалисты стали все настойчивее говорить о необходимости борьбы «и с белым и с красным крестом», т.е. о борьбе с красными партизанами. Генерал Керселидзе принялся разрабатывать планы самостоятельных операций шариатской армии, совершенно игнорируя отряд Гикало. Он слабо разбирался в реальной обстановке, сложившейся в Чечне. Поэтому части, ведомые грузинскими офицерами, терпели поражение за поражением. Красные партизаны действовали успешно. Воспользовавшись этими обстоятельствами, революционно настроенные чеченские командиры шариатской армии активизировали разъяснительную работу среди своих бойцов и населения. Они призывали поддерживать русских партизан.

Призывы находили отклик у горцев, уважавших людей сильных и храбрых. Авторитет грузинских офицеров, Дышнинского и даже самого Узун Хаджи явно снижался. Жители аула Гойты перестали платить налоги шейху и все вопросы стали решать в штабе Гикало. Пулеметная рота кабардинцев (своеобразная гвардия Узун Хаджи) перешла к красным партизанам [Носов 1961: 110]. В русский отряд предпочитали идти чеченцы из многих селений [Попов 1973: 68].

В январе 1920 г. противостояние между красными партизанами и националистами достигло наивысшей точки. И. Дышнинский распространил в аулах воззвание, в котором говорилось о необходимости достижения полной независимости Чечни и изгнания из нее всех русских. Войска Узун Хаджи явно демонстрировали враждебные намерения. И в это же время началось крупномасштабное наступление на Шатой деникинцев. Отряд Гикало оказался как бы между молотом и наковальней. Самым же опасным было то, что чеченцы соседних селений заколебались и перестали поставлять партизанам боеприпасы и продовольствие. Ситуация сложилась чрезвычайно опасная.

Н.Ф. Гикало к этому времени уже хорошо разбирался в чеченской действительности. Он составил короткое воззвание к горцам (в пяти экземплярах), которое его ординарцы зачитали в аулах. Гикало смог найти единственно верные в той обстановке слова, точно бившие в цель. Он писал: «Кзаки идут на Шатой... Русская Красная Армия уже на позиции в ущелье и готова к бою с казаками. Мы будем воевать с казаками и не пустим их в горы

до тех пор, пока хотя бы один патрон есть у нас. Только через наши трупы они займут Шатой, будут в горах. Все вы, горцы, у кого слово крепко, у кого сердце не бабье, должны седлать коней, точить кинжалы, брать винтовки и идти на Шатой на помощь. Того же, кто в это время боится, пусть проклинают женщины и дети, и имя ему будет трус. Все в бой и мы победим» [Попов 1973: 112-113].

Эти слова прекратили колебания чеченцев. Помощь из окрестных аулов последовала тотчас же. Русские партизаны и горцы отбили девять атак противника. Визирь Дышнинский от боя с белогвардейцами уклонился и планировал нанести русскому отряду удар с тыла. Однако решительности ему не хватило.

Шариатская армия численно превосходила русский отряд в три раза и была значительно лучше вооружена. Угроза нападения со стороны националистов была вполне реальной. Н.Ф. Гикало провел совещание со старейшинами аулов 1 февраля 1920 г. в Шатое. Он предложил разоружить части визиря, но поддержки не нашел. Авторитет Дышнинского к этому времени упал до нулевой отметки (в понимании горцев он проявил трусость во время наступления белогвардейцев), но старейшины возражали против разоружения его бойцов. Это, говорили они, ударит по национальному самолюбию горцев.

И вновь Н.Ф. Гикало, нашел верное решение проблемы: трусливый визирь был арестован, захвачены были пушки и пулеметы шариатских частей, а оружие чеченских всадников не изымалось. Однако следовало узаконить эти успешные действия. Сделать это мог лишь Узун Хаджи.

А.Ф. Носов отправился в Ведено на переговоры с шейхом. По дороге он информировал жителей аулов о том, что же произошло и почему арестован визирь. Практически везде он встретил понимание горцев. Вынужден был согласиться с действиями русского командования и престарелый имам.

Так произошел перелом в настроениях чеченского населения, отвернувшегося от националистов. Все вопросы теперь решались в штабе красных партизан, а Н.Ф. Гикало стал признанным руководителем Нагорной Чечни (Ичкерии). Следует сказать, что рост авторитета и влияния Николая Федоровича определялся и его личным мужеством и несомненным военным дарованием, но во многом зависел от *скрупулезного соблюдения им чеченских обычаев и традиций*. Вот только один факт, свидетельствующий об этом: признанный лидер Чечни неизменно почтительно вставал, когда к нему подходили старики. Горцы очень ценили такое к ним отношение [Носов 1961: 135].

Таким образом, контакты между русскими и чеченцами начались в XVI в. и регулировались обычаем *куначества*, связывающим отдельных людей взаимной дружбой и помощью. С XVIII в. в эти отношения стала активно вмешиваться государственная власть, и начались острые конфликты. Правительство Александра I проигнорировало специфические особенности Северного Кавказа, и Россия вынуждена была вести многолетнюю Кавказскую войну, в которой чеченцы принимали самое активное участие. Победа русских

войск привела к потере чеченцами лучших земель, переданных терским казакам. *Теперь все русские стали для чеченцев врагами.*

Недовольство горцев центральная власть предпочитала гасить, используя силу. Однако силовые методы не позволяли решить проблему полностью. Октябрьская революция (1917 г.) справедливо решила земельный вопрос. Это обстоятельство позволило русским красноармейцам группы Н.Ф. Гикало не только уцелеть в Нагорной Чечне в 1919-1920 гг., но и повести за собой основные массы чеченцев. В основу отношений с горцами русские положили тщательный учет национальных особенностей и психологии и добились впечатляющих успехов. Думается, что в России накоплен уникальный опыт взаимоотношений народов, ее населяющих. Суть этого опыта заключается в праве каждого народа на определенный образ жизни и справедливое распределение национальных богатств. Видимо нам нужно стремиться к тому, чтобы каждый народ России мог жить в соответствии с собственными обычаями, соблюдая законы общего государства, чувствуя себя подлинным хозяином родной земли.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бирюков 1998 – *Бирюков А.В.* Российско-чеченские отношения в XVIII в. – середине XIX в. // Вопросы истории. – 1998. – №2. – С. 44-57.

Газдиев 1960 – *Газдиев А.М.* Асланбек Шерипов – славный герой революции. 1897-1919. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1960. – 158 с.

Гойгова 1963 – *Гойгова З.А.-Г.* Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1963. – 222 с.

Деникин 1993 – *Деникин А.И.* Очерки русской смуты // Вопросы истории. – 1993. – № 11-12. – С. 109-128.

Носов 1961 – *Носов А.Ф.* Октябрьская революция в Грозном и в горах Чечено-Ингушетии (К истории народов Чечено-Ингушетии). 1917-1920. Воспоминания. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1961. – 156 с.

Олейников 1996 – *Олейников Д.И.* Шамиль // Вопросы истории. – 1996. – № 5-6. – С. 58-76.

Попов 1973 – *Попов А.Н.* Революционная Чечня в огне сражений. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973. – 152 с.

REFERENCES

BIRYUKOV A.V. *Rossiisko-chechenskie otnosheniya v XVIII v. – seredine XIX v.* [Russian-Chechen interrelations in the 18th – the middle of the 19th century]. IN: Voprosy istorii. – 1998. – No. 2. – P. 44-57. (In Russian)

DENIKIN A.I. *Ocherki russkoi smuty* [Russian turmoil]. IN: Voprosy istorii. – 1993. – No. 11-12. – P. 109-128. (In Russian)

GAZDIEV A.M. *Aslanbek Sheripov – slavnii geroi revolyutsii. 1897-1919* [Aslanbek Sheripov – the glorious hero of the Revolution. 1897-1919]. – Grozny: Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1960. – 158 p. (In Russian)

GOIGOVA Z.A.-G. *Narody Checheno-Ingushetii v bor'be protiv Denikina* [The peoples of the Chechen-Ingushetia in the struggle against Denikin]. – Grozny: Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1963. – 222 p. (In Russian)

NOSOV A.F. *Oktyabr'skaya revolyutsiya v Groznom i v gorakh Checheno-Ingushetii (K istorii narodov Checheno-Ingushetii). 1917-1920. Vospominaniya* [October Revolution in the

Grozny and in the mountains of Chechen-Ingushetia (To the history of the peoples of Chechen-Ingushetia). 1917-1920. The Memoirs]. – Groznyi: Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1961. – 156 p. (In Russian)

OLEINIKOV D.I. *Shamil'* [Shamil']. IN: Voprosy istorii. – 1996. – No. 5-6. – P. 58-76. (In Russian)

POPOV A.N. *Revolutsionnaya Chechnya v ogne srazhenii* [Revolutionary Chechnya in the flames of the battles]. – Groznyi: Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1973. – 152 p. (In Russian)

УДК 93/94 (470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-146-151

ЗАМЕТКИ О КАБАРДИНСКОЙ ФАМИЛИИ АТАЖУКИН**Д.Н. КОКОВ, Л.Д. КОКОВА**

*ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: leilakokova77@gmail.com*

Аннотация. В заметке представлен анализ этимологии кабардинской княжеской фамилии Атажукин, основанный на выявлении внутренней формы оригинала фамилии. Реконструкция первичных фонетических вариантов имени Атажуко позволяет определить его изначальный смысл. Его появление связывается с практикой именованья по тотемным животным, придававшим именам оттенок священности. Генетическая природа изучаемого антропонима связывается с тотемическими составляющими – «собака» и «волк» и патронимическим элементом – «сын». В работе также рассматривается историческая трансформация звучания фамилии Атажукин.

Ключевые слова: Атажукины; имя; фамилия; антропоним; топоним; этимология; транслитерация; тотемное прозвище; собака; волк; патронимический элемент.

NOTES ON THE KABARDIAN SURNAME ATAZHUKIN**D.N. KOKOV, L.D. KOKOVA**

*FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: leilakokova77@gmail.com*

Abstract. The essay presents an analysis of the etymology of the Kabardin princely surname Atazhukin based on the revealing of the inner form of its original sounding. Reconstruction of the archetypal phonetic variants of the name Atazhuko makes possible definition of its original meaning. Emergence of the name is related to the practice of naming people after the totem animals that lend them a touch of sacredness. Genetically the nature of the name under investigation is connected with totemic elements “dog” and “wolf” with the addition of the patronymic element “son”. Historical transformation of the sounding of the surname Atazhukin is also considered in the essay.

Key words: Atazhukins; name; surname; anthroponym; toponym; etymology; transliteration; totemic byname; dog; wolf; patronymic element.

В исторической и культурной традиции кабардинцев видное место занимают представители княжеской фамилии Атажукиных. Она берет свое начало от Атажуко – внука Пшеапшоки Кайтукина, сына Казыя Пшеапшокова.

Впервые Атажуко Казыев упомянут в источниках под 1619 годом [Налоева 2015]. В 1650-1670-х гг. он был «большим князем» Кабарды, и после него «большое княжение» уже не выходило из Казыева рода вплоть до полной утраты независимости Кабарды в 1822 г. [Карданов 2001: 167-171; Адыгская... 2006: 143]. Его сын Кургоко Атажукин, одержавший в 1708 г. победу над войском Крымского хана, закрепил за этой фамилией славу обладателей реальной военной силой на Северном Кавказе. Братья Адиль-гирей и Изамил-бей Атажукины стали виднейшими фигурами общественно-политической жизни Кабарды на рубеже XVIII-XIX вв. Атажуко Атажукин (1811-1868) получил характеристику единственного для своего времени представителя «древнего типа кабардинского князя» [Бейтуганов 1998: 264]. Кази Атажукин (1841-1899) – просветитель, поборник введения кабардинской письменности, издавший первые книги на кабардинском языке [Кумыков 2002: 201-220].

Адыгское (кабардинское) имя ХьэтIохъуцкьуэ в русском употреблении обрело форму Атажуко. А затем, как это имело место и в других языках, имя стало относиться ко всему роду, обретя притяжательную форму Атажукин. Такой разрыв между кабардинской формой и русской транслитерацией иногда приводил к попыткам этимологизирования этого антропонима по результату искажения.

Такие случаи побуждают к поиску внутренней формы оригинала этого имени – ХьэтIохъуцкьуэ. Это типичное кабардинское (адыгское) имя с антропонимическим элементом – кьу(э) «сын». В адыгейском языке этому имени соответствует форма Хьэтыгъужькьу. Различие между личным именем (прозвищем) и фамилией опирается на фонетический маркер: в имени перед патронимическим элементом – кьуэ (-кьу) «сын» выступает соединительный гласный -ы-, а в фамилии таким гласным является -о-, как и в других парах антропонимов: КIыцкьуэ – КIыцокьуэ, Тэтэрыкьуэ – Тэтрокьуэ, Щэбэтыкьуэ – Щэбэтокьуэ и т. д.

Из приведенных оригинальных форм данного имени просматривается изначальный смысл его. А он связан со словом дыгъужь (ср. адыгейск. тыгъужь) «волк». Появление прозвищ и имен, которые часто становились фамилиями, у адыгов, как и у многих других народов, сопровождалось выбором тотемного животного. Адыги, в соответствии с более близким к ним миром животных, чаще выбирали волка и медведя. Но в практике именовании по тотемным животным, придававшим этим именам оттенок священности, у адыгов нередко прибавляется название более «смирного» домашнего животного. Этот факт может служить некоторой иллюстрацией к элементу хьэ «собака» в рассматриваемой нами кабардинской княжеской фамилии.

Надо сказать, что слово хьэ в адыгской народной системе именовании употребляется довольно часто: Хьэпагуэ – мужское имя со значением «курносый пес», Хьэмыщэ «собака – медведь», Хьэмдэхьу «подрастающий со щенком» (современная фамилия), Хьэмац, ХьэтIалэ, Хьэгъэжей и другие. По народной традиции антропонимы отражают взаимоотношения человека и его домашнего животного: имя Хьэзешэ «разводящий собак», фамилии Хьэгъундокьуэ (возможно, из первоначального ХьэгъэундэIу «укрошающий

собаку», Хьэгъэбанэ «заставляющий лаять собак», Хьэгъэжей «усыпляющий собак» и многие другие. Такие тотемные связи в различных культурах свидетельствуют о том, что люди всегда стремились выделять в носителе имени такие черты характера, которые свойственны избранному тотему, покровителю рода (само индейское слово тотем значит «его род»).

В антропониме Хьэтыгъужьыкью (э) это и произошло. Здесь элементу дыгъужь (тыгъужь) предшествует слово хьэ «собака», а к словам, обозначающим дикого и домашнего животного, прибавляется патронимический элемент – кью(э) «сын».. Это связано с существующим по сей день поверьем: названия страшных животных нельзя употреблять прямо, чтобы не злить их. Поэтому, повторяем, к названию «страшного» животного добавляли смягченное. Для волка такой «смягчающей» заменой была «собака» (хьэ). Скажем, если корова вечером не возвращалась домой, хозяин на ночь устраивал обряд «хьэпэщыпхэ», то есть «завязывание пасти собаке» (имелось в виду – «волку»).

Форма ХьэтГыхъуцокьюэ указывает именно на фамилию, а известный вариант ХьэтГыхъуцыкьюэ, как сказано выше, является личным именем. Именно от Атажукиных пошла практика употребления формы ХьэтГохъуцыкьюэ как личного имени при разных фамилиях с русской транслитерацией Хатакшуко (с вариантами Хатахшуко, Хатокшуко и др.): Хатокшуко Шинкев, Хатокшуко Анзоров, Хатакшуко Тамбиев, Абаев Хатакшуко, Мирзаев Хатахшуко [Высшие сословия 2006: 45, 57].

Соединение однокоренных имени и фамилии у одного человека – Атажуко Атажукин – отличается от аналогичных примеров в русском языке, таких как, скажем, Иван Иванов. Сочетание Атажукин Атажуко буквально соответствует кабардинскому ХьэтГохъуцокьюэ ХьэтГыхъуцыкьюэ. Есть предание, связанное, возможно, с упомянутым выше Атажуко Атажукиным (1811-1868). Якобы, в соответствии с принятой процедурой выбора «князя князей (пщы я пщыж)», он на резвом коне и при полном снаряжении выехал в круг и перед собравшими трижды выкрикнул: «Пщы я пщыжу Хьэтохъуцокьюэ ХьэтГыхъуцыкьюэ ЦыкГукГэ зэджэр сэраши, «хьэуэ, уэракъым – сэраш» жызыГэр фыкъыхъэ утыкум!». В переводе на русский язык это значило: «Князь князей (Кабарды) – это я – Хатокшоко (фам.) Хатохшыко (имя) Малый. Если кто-либо хочет сказать: «Нет, не ты, а я», пусть выезжает в круг (сразиться)». Никто не выехал. Решимость и смелость были вознаграждены, и уалием стал ХьэтГохъуцокьюэ ХьэтГыхъуцыкьюэ. Эта форма, как можно догадаться, и отразилась в русских публикациях как «Атажукин Атажуко».

Изначальная форма Хьэтыгъужьыкью (э) в самом кабардинском языке со временем стала искажаться и терять былую прозрачность. Аналогичные явления происходили и в системе русского именослова.

Для первых десятилетий XX века княжеская фамилия Атажукин приобрела другое звучание. Названия населенных пунктов по их основателям стали меняться на географические (по реке, горе): Лескен вместо Анзорей, Урух вместо Хатуей. Показательно в этом отношении название Атажукино. Оно закрепилось за селением, основанным на Баксане братьями Бекмурзой и

Мыхаматом Атажукиными из Жыцу (Юцы) в районе Пятигорья в 1706 году. Название официально сохранялось за селением до 1920 года. Впрочем, кабардинские названия, связанные с этим знатным родом, никогда из языка не уходили: ХьэтПохьущыкьуей Ипщэ (Атажукино Западное, совр. кабардинское Зеикьуэ), ХьэтПохьущыкьуей Ищхэрэ (Атажукино Восточное, с 1920 года Кызбурун I, а с 2001 г. – возврат к первичному «Атажукино»).

Из языка ни в какие времена не уходили микротопонимы по этой фамилии: ХьэтПохьущокуьхэ я Гуашхэжь «старый большой курган Атажукиных» – с юго-восточной стороны Кьуэбэ-Тэбэ [Коков 1966: 93]. То же можно сказать об источнике ХьэтПохьущокуьэхэ я псынэжь «старый (большой) родник Атажукиных» – на левом берегу среднего течения речки Жаманкул в окрестностях Каменноостского [Коков 1966: 124].

Говоря о памятных местах, связанных с родом Атажукиных, нельзя забывать о так называемых некронимах (от греческого слово nekros «мертвый»). Речь идет о местах захоронения Атажукиных [Фоменко 2014].

В словарях кабардинских фамилий, изданных в 1973 и 1983 годах это родовое имя (ХьэтПыхьщокуьэ – Атажукин) было отмечено только в Малке (одна семья) и Зеюко в Карачаево-Черкесии). В наше время в селении Зеюко (Заюково), по информации Х. Гедгафова, уже проживает 24 семьи, а в селении Атажукино – 74. Некоторые из Атажукиных, по сведениям того же информатора, приняли фамилию Зураб. Причину этого явления он пояснил коротко: «прятались, чтобы сохраниться».

Личное имя Исмель в роду Атажукиных было излюбленным. А восходит оно к арабскому Исмаилу, что в свою очередь, происходит от др.-евр. Измаил «бог слышит». К этому же источнику восходит и русское Измаил с производным Исмаил. В современном кабардинском языке функционируют варианты этого имени – Исмел и ИсмэгГил.

Интернет высвечивает фамилию Атажукин в различных местах бывшего Советского Союза: Роман Атажукин, Альгери Атажукин, Елена Атажукина (Лашкивская), Люба Атажукина-Борщева и др. Однако диалога с носителями этих имен пока нет. Надеемся, он будет.

Размышления о кабардинской княжеской фамилии Атажукин наводят на некоторые обобщения. С точки зрения языковой природы, форма Атажукин является результатом эволюции и адаптации в иноязычном употреблении. И в родном кабардинском языке эта фамилия получила разные фонетические варианты, главным из которых стал вариант ХьэтПохьущокуьэ (как фамилия) и ХьэтПохьщыкьуэ (как личное имя, дошедшее до наших дней).

Если говорить о смысле этого антропонима, то он относится к числу тотемных прозвищ по названиям сильных представителей живой природы, способных олицетворять и защищать своего носителя. Таким тотемом в данном случае был волк, который и в современном кабардинском языке существует как фамилия Дыгъужь «Волк» (Дыгъужьхэ – Волковы).

Такая первичная структура имени (прозвища) и возникшей из него фамилии иллюстрируется сохранившейся в адыгейском языке структурой Хьэтыгъужьыкьуэ, где хорошо просматриваются все части этого имени.

Последний элемент, именуемый патронимическим, оформляет адыгские фамилии этого типа: Къармокъуэ, Ашабокъуэ (Кармоков, Ашабоков) и подобные.

Недостаточная изученность генетической природы интересующего нас антропонима иногда приводила к ошибке: результат адаптации и искажения принимали за исходную форму, на которой нет смысла останавливаться.

Выдающиеся представители княжеского рода Атажукиных оставили заметный след в политике, военном деле, образовании, науке, в различных сферах русско-кавказских отношений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адыгская... 2006 – *Адыгская* (Черкесская) Энциклопедия. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – 1247 с.

Бейтуганов 1998 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда в фамилиях. – Нальчик: «Эльбрус», 1998. – 560 с.

Высшие сословия... 2006 – *Высшие сословия* Кабарды: извлечения из архивных фондов: 1858-1896 гг. / Сост. А.Б. Мамхегов. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2006. – 124 с.

Карданов 2001 – *Карданов Ч.Э.* Путь к России. Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – начале XIX в. – Нальчик: «Эльбрус», 2001. – С. 167-171; 171-249.

Коков 1966 – *Коков Дж.Н.* Кабардинские географические названия. – Нальчик, «Эльбрус», 1966. – 182 с.

Кумыков 2002 – *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX– начале XX в. – Нальчик: «Эльбрус», 2002. – 448 с.

Налоева 2015 – *Налоева Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник (альбом из 14 генеалогических карт – приложение к книге: Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / Сост. к.и.н. А.С. Мирзоев.) – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015.

Фоменко 2014 – *Фоменко В.А.* Некрополь Атажукиных в устье реки Гунделен у селения Заюково // Вестник ИГИ КБНЦ РАН. – 2014. – № 2. – С. 21-27.

REFERENCES

Adygskaya (Cherkesskaya) Entsiklopediya [Adyghe (Circassian) Encyclopedia]. – Moscow: Fond im. B.Kh. Akbasheva, 2006. – 1247 p. (In Russian)

BEITUGANOV S.N. *Kabarda v familiyakh* [Kabarda in family names]. – Nal'chik: «El'brus», 1998. – 560 p. (In Russian)

FOMENKO V.A. *Nekropol' Atazhukinykh v ust'e reki Gundelen u seleniya Zayukovo* [Atazhukins' necropolis at the estuary of the Gundelen river near the village of Zayukovo]. IN: Vestnik IGI KBNTs RAN. – 2014. – No. 2. – P. 21-27. (In Russian)

KARDANOV Ch.E. *Put' k Rossii. Kabardinskie knyaz'ya v istorii otnoshenii Kabardy s Rossiiskim gosudarstvom v XVI – nachale XIX v.* [The path to the Russia. Kabardin princes in the history relationships of Kabarda with Russian state in the 16th – early 19th century]. – Nal'chik: «El'brus», 2001. – P. 167-171; 171-249. (In Russian)

KOKOV Dzh.N. *Kabardinskie geograficheskie nazvaniya* [Kabardin place names]. – Nal'chik, «El'brus», 1966. – 182 p. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Obshchestvennaya mysl' i prosveshchenie adygov i balkarokarachaevtsev v XIX– nachale XX v.* [Social thought and enlightenment of Adyghe and Balkar-Karachais in the 19th – early 20th century]. – Nal'chik: «El'brus», 2002. – 448 p. (In Russian)

NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskikh knyazei kak istoricheskii istochnik (al'bom iz 14 genealogicheskikh kart – prilozhenie k knige: Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-politicheskoi istorii / Sost. k.i.n. A.S. Mirzoev)* [Genealogy of the Kabardin princes as a historical source (album of 14 genealogic charts – appendix to the book: Kabarda in the first half of the 18th century: genesis of the Adyghe feudal socium and the problems of socio-political history / Compiled by candidate of historical sciences A.S. Mirzoev)]. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. (In Russian)

Vysshie sosloviya Kabardy: izvlecheniya iz arkhivnykh fondov: 1858-1896 gg. [The upper estates of Kabarda: extractions from archive collections] / Ed. by A.B. Mamkhegov. – Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2006. – 124 p. (In Russian)

Наши авторы

Демиденко Сергей Викторович – канд. истор. наук, научный сотрудник Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии Российской академии наук
E-mail: svdemidenko@hotmail.com

Кадиева Анна Анатольевна – научный сотрудник Отдела археологических памятников Государственного исторического музея
E-mail: adelgeida85@mail.ru

Камбачокова Маргарита Юнусовна – канд. истор. наук, доцент кафедры всеобщей истории Института истории, филологии и СМИ ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: kambachokova@yandex.ru

Кильсеев Евгений Иванович – канд. истор. наук, доцент кафедры истории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: niu@niu.ranepa.ru

Коков Джамалдин Нахович – д-р филол. наук, профессор, заместитель заведующего Лабораторией ономастики и социально-политических исследований ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: leilakokova77@gmail.com

Кокова Лейла Джамалдиновна – канд. филол. наук, заведующая Лабораторией ономастики и социально-политических исследований ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: leilakokova77@gmail.com

Кочесоков Роберт Хажисмелович – д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой Философии Института истории, филологии и СМИ ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: robertkochesokov@yandex.ru

Кузьминов Петр Абрамович – д-р истор. наук, доцент, профессор кафедры истории России Института истории, филологии и СМИ ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: petrakis_hist@bk.ru

Молев Евгений Александрович – д-р истор. наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: molev.eugeny@yandex.ru

Муратова Елена Георгиевна – д-р истор. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Института истории, филологии и СМИ ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail: [lena_gm@mail.ru](mailto:lens_gm@mail.ru)

Тимижев Хамиша Тарканович – д-р филол. наук, профессор, заведующих сектором кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

E-mail: maryana.khezheva@yandex.ru

Хавжокова Людмила Борисовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Хамдохова Жанна Мухамедовна – канд. социол. наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: janenal@mail.ru

Черноус Виктор Владимирович – канд. полит. наук, доцент, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета

E-mail: jsir@sfedu.ru

Шаов Азамат Русланович – научный сотрудник Института Гуманитарных исследований филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: shaovazamat88@mail.ru

Кавказология

Caucasology

№ 2 / 2018

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2